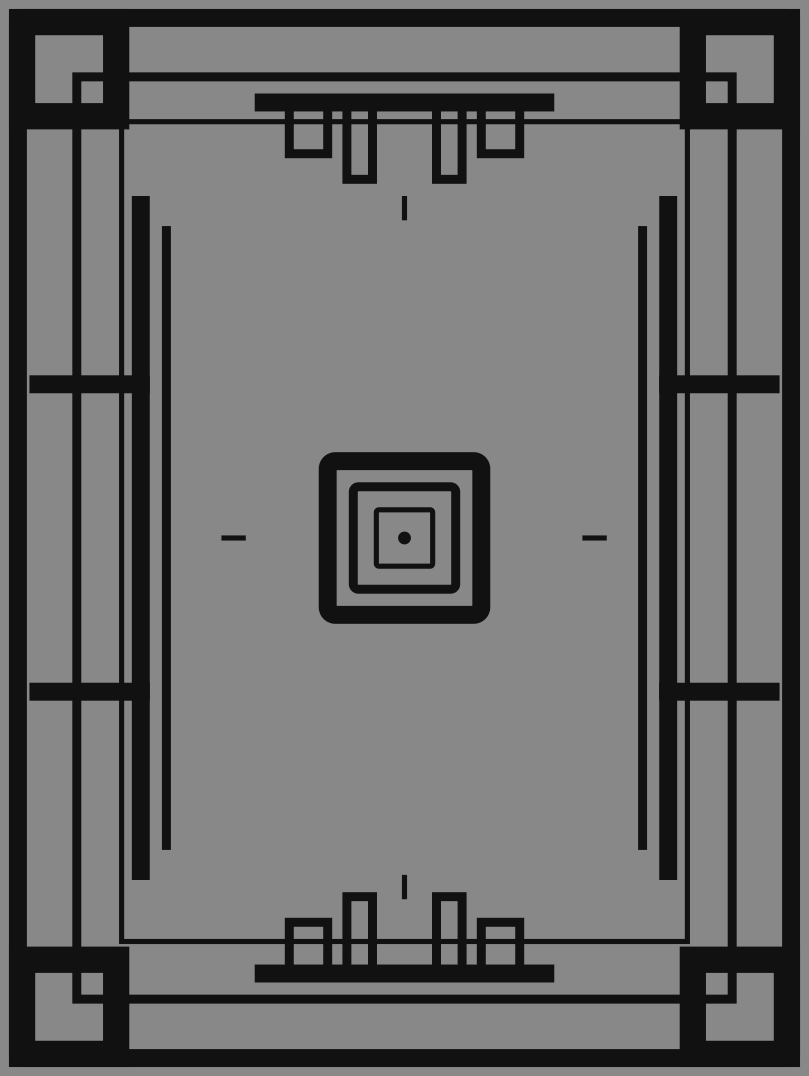


Ловушка времени (сборник, том 1)

Генри Каттнер

Генри Каттнер. Ловушка времени. (Составитель А.Бурцев)
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. ТАКОЙ МНОГОЛИКИЙ КАТТНЕР
ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ
Глава I. Зеленые монолиты
Глава II. Женщина вне времени
Глава III. Возмездие Хозяина
Глава IV. Заговорщики
Глава V. Безумие кентавра
Глава VI. Ужас в Аль Бекре
Глава VII. В бездне времени
Глава VIII. Бессмертные
Глава IX. Башня миража
Глава X. Люди пирамиды
Глава XI. Кровь на пирамиде
Глава XII. Странные поиски
Глава XIII. Суд зверей
Глава XIV. Возмездие в Коринуре
СЕКРЕТ ЗВЕЗДЫ ЗЕМЛИ
Глава I. Грабеж

Глава II. Побег
Глава III. Легион потерянных
Глава IV. Подземная Сахара
Глава V. Пятеро против богов
Глава VI. Перед богами
Глава VII. Мощь Атлантиды
Глава VIII. Новая Атлантида
РОЖДЕННЫЙ АТОМОМ!
Глава I. Глаз
Глава II. Другая угроза
Глава III. Живое озеро
Глава IV. Голос озера
ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ

Генри Каттнер
Ловушка времени
(Составитель А.Бурцев)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
ТАКОЙ МНОГОЛИКИЙ КАТТНЕР

Генри Каттнер и Кэтрин Люсиль Мур

Даже лучшие литературоведы не могут составить полное собрание сочинений Генри Каттнера, потому что не знают всех его произведений. До сих пор неизвестны все его псевдонимы, так много их было. Каттнер спешил жить и спешил писать, словно предчувствовал, что судьба отвела ему на творчество меньше двадцати лет. Родился он в Лос-Анджелесе в 1915 году. В возрасте 16 лет опубликовал первый рассказ, после чего почти мгновенно стал профессиональным писателем.

Написал очень много, но самое главное, он писал *качественно.* У него практически не было поры ученичества. Как-то сразу он стал профессиональным писателем. Женился рано, в 1937 году, на Кэтрин Люсиль Мур, которая стала не только верной спутницей до конца его жизни, но и соратником и соавтором на литературном пути. Можно сказать — она была неотрывной половинкой Каттнера-писателя и Каттнера-человека, а такое счастье редко кому выпадает.

Каттнер спешил творить, и этим в первую очередь объясняется обилие его псевдонимов. Политика американских — да и не только американских — журналов не позволяла одному автору публиковать по два и более произведений в одном номере. Солидных журналов фантастики было не так уж много, а Каттнер спешил творить. И спешил опубликовать все написанное, словно боясь, что не успеет. И нередко в одном номере какого-нибудь журнала выходило сразу по три его произведения. Отсюда масса псевдонимов, зачастую недолговечных, мимолетных, сиюминутных. Псевдонимы рождались и исчезали, как мотыльки-однодневки, но под ними публиковались отличные рассказы, изумительные повести. Каттнер спешил жить.

В данный двухтомник вошли две большие повести Каттнера — «Ловушку времени» можно было бы даже назвать романом — и ряд рассказов как под его настоящим именем, так и под несколькими широко известными псевдонимами, такими как Льюис Пэджетт и С. Х. Лидделл. Эта подборка в очередной раз показывает, насколько разнообразны темы, манера писать и даже порой сам язык у этого замечательного фантаста. Но наверняка еще немало рассказов остались «погребенными» в американской периодике конца тридцатых — начала пятидесятых годов и не издавались в книгах даже у них. Надеюсь, что данный двухтомник приблизит тот день, когда можно будет сказать, что на русском языке издан ВЕСЬ Каттнер. А его произведения заслуживают этого так, как мало чьи.

Каттнер умер от инфаркта в 1958 году, прожив всего 43 года. Но за это короткое время он сумел навсегда войти в десятку лучших фантастов США, а может, и всего мира. И что самое удивительное, его произведения, написанные семьдесят с лишним лет назад, ничуть не устарели, а остались актуальными и интересными и в наше время. Наверное, этим они и ценны, помимо чисто литературных качеств, которые у Каттнера были всегда на высоте.

Андрей Бурцев

ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ

Глава I
Зеленые монолиты

Кент Мэйсон забрался на вершину хребта и осмотрелся слезящимися от солнца глазами. Когда он увидел бескрайнюю каменную равнину, смертельную ловушку Аравийской пустыни, затуманенную хлынувшим ледяным дождем, его потрескавшиеся губы искривились. В долине под ним торчали две огромные каменные глыбы, и когда Мэйсон пристально посмотрел на них, его обожженное солнцем лицо выразило живейшее любопытство. Он узнал эти громадные обелиски, и это значило, что его поиски и жизнь закончатся почти одновременно. Поскольку перед ним находились легендарные башни-близнецы затерянного города Аль Бекра — древней столицы утраченной мудрости — Города Науки!

Два месяца назад экспедиция стартовала из порта Мербат, чтобы начать поиски Аль Бекра, и два месяца она тщетно бродила по засушливым землям, которые арабы называют Руб эль Хали. Старый доктор Корделл, глава экспедиции, надеялся на легенды, на смутные намеки в осколках

древних находок — но, по большей части, на дощечку, которую недавно нашли на раскопках первобытного Ура. Важность находки состояла в том, что она говорила о выдающемся уровне развития цивилизации, существовавшей в «Запретном городе». Если верить надписи, Аль Бекр являлся всего лишь редко посещаемым городом Великой Пустыни, пока там, внезапно и необъяснимо, не начали процветать удивительно развитые науки и искусство. Но эти совершенные науки умерли почти так же быстро, как и родились по толи неизвестной, толи забытой причине, и великие дни Аль Бекра оказались сочтены. Вообще, все это было сжатой версией легенд об Атлантиде — развитой, научной культуре, разрушенной загадочным катаклизмом.

Мэйсон, археолог экспедиции, был самым молодым ее членом. Теперь, по иронии судьбы, он, никем не направляемый и потерявшийся, добился того, к чему его коллеги уже отчаялись стремиться. Доктор Корделл решил бросить поиски и вернуться в Мербат, и когда Мэйсон, твердо нацелившийся обследовать малоизвестную горную цепь неподалеку, настоял на последней попытке, Корделл ему отказал.

Тем утром Мэйсон выскользнул из лагеря и,

взяв быстрого верблюда, подумал, что сможет добраться до гор и снова присоединиться к медленно идущей группе в худшем случае через день-другой. Но его планам не суждено было сбыться. Упав, верблюд сломал ногу. Компас разбился, и Мэйсон три дня блуждал по опустошенному, высушенному солнцем аду. Воды бы не хватило надолго. Он пристрелил стервятника и заставил себя съесть жесткое, волокнистое мясо, а затем, во время почти бессознательных скитаний, Мэйсон потерял револьвер. И теперь, истощенный и со впалыми глазами, он увидел внизу Аль Бекр, Город Науки!

Столетия мало что оставили от легендарного города. Из песка торчали два огромные обелиска, повсюду валялись расколотые каменные блоки. Вот и все. Мрачная и замершая под проливным дождем, долина внизу казалась безжизненной и тихой. Тем не менее там можно было найти убежище, потому что буря с каждой секундой становилась сильнее. Ураганы в Руб эль Хали редки, но сила их чудовищна. Вокруг Мэйсона уже сверкали молнии.

Шатаясь от усталости, он начал спускаться по склону. Раскрошенные фрагменты каменной кладки увеличивались в размерах по мере того,

как он подходил ближе. В пору своего расцвета город, наверное, был повергающим в трепет зрелищем.

За холмами гремел гром. Обелиски стояли почти вплотную друг к другу и предоставляли некоторое убежище. Мэйсон плюхнулся рядом с одним из них и прижался спиной. Облегченно выдохнув, он позволил нестерпимо болевшим мышцам расслабиться. Затем его узкое лицо внезапно вспыхнуло интересом. Поверхность монолита, к которому он прислонился, была не каменной. Твердой, потертой, объеденной зубами веков — да, но тем не менее не могло быть никаких ошибок в том, что это металл!

Но какая человеческая раса могла поднять вертикально эти громадные шпили почти пятнадцатиметровой высоты?

Это было невозможно. Мэйсон пощупал металл и нахмурился. Он не смог его опознать. Твердый и шероховатый, со странным зеленоватым оттенком, это, видимо, был какой-то незнакомый сплав.

Над головой зловеще прогремел гром. Затем, без предупреждения, ударила молния. Словно раскаленный добела меч, упавший с небес и окутавший обелиски ослепляющим светом. Мэй-

сон почувствовал, как его подняло и отбросило в сторону. Он успел заметить пелену ревущего пламени, играющего между металлическими колоннами. Настал миг невыносимого напряжения, будто сам воздух зарядился электричеством. Затем Мэйсона охватила ужасная боль, разрывающая тело на части, такая боль, что он закричал и тут же понял, что с парализованного языка не слетело ни единого звука. Он ощутил волну невероятно быстрого движения. Темнота поглотила его, темнота и головокружение. А затем тьма начала отступать и вскоре исчезла. В глаза ударил ослепительный свет.

Пустынная долина Аль Бекра... исчезла! Исчез проливной дождь, гремящий гром и мокрый песок под его телом! Мэйсон лежал на спине, с удивлением глядя на невообразимо высокую крышу, освещенную странным зеленоватым сиянием. И вели к этой арочной крыше... два обелиска!

Те же два монолита — но изменившиеся! Ни шрамов, ни выбоин от многих веков эрозии. Их гладкая поверхность поблескивала зеленоватым отливом, а за ними ряд за рядом маршировали удивительные машины, ослепительно блестящие в необычном свете. Мэйсон никогда не видел

подобных механизмов и мог только догадываться о предназначении поршней, колес и трубок неописуемых форм. Помещение оказалось широким, круглым, мощеным белым камнем, таким же, из которого были сделаны стены. В них через равные промежутки были установлены стержни с какой-то зеленоватой субстанцией, сиявшей холодным пламенем.

Вытянув руку, Мэйсон дотронулся до гладкой поверхности монолита рядом с собой. Прикосновение успокоило его. Он не сошел с ума, как ему показалось в отчаянии. Удар молнии, наверное, выпустил какие-то немыслимые силы таинственных башен, вызвав перемены, смысл которых Мэйсон еще не мог понять. Он медленно поднялся на ноги, ожидая, что невероятная сцена сменится, вернувшись к проливному дождю и пустынной долине.

Низкий голос за ним что-то рявкнул вопросительным тоном.

Мэйсон резко обернулся. Позади стоял человек — смуглая крепкая фигура в набедренной повязке и сандалиях, поразительно голубые глаза на суровом обветренном морщинистом лице пристально глядели на него. Длинный крючковатый нос торчал над тонкими губами. Человек снова

прорычал вопрос.

Безумие! Потому что он говорил на древнем, забытом семитском языке, чистейшем виде первоначальной формы арабского, на котором, кроме ученых, никто не разговаривал уже почти четыре тысячи лет! Слабое подозрение о том, что происходит, заставило кровь отхлынуть от лица Мэйсона. Он взял себя в руки и тщательно обыскал все закоулки памяти. Он ведь знал этот язык...

— Я прибыл... из далекой страны, — медленно сказал Мэйсон, не отрывая взгляда от длинного ятагана, что носил с собой воин.

— Никому не разрешается входить в этот город, — сверкая дикими глазами, ответил человек. — Владыка никого не пускает в Аль Бекр. И не выпускает!

Аль Бекр! Мэйсон быстро посмотрел по сторонам. В конце концов, было время, когда наука о таком и подумать не могла! Неужели его отбросило назад, в невероятно далекое прошлое, при помощи какой-то странной силы, заключенной в расколотых молнией монолитах? Тем не менее эти механизмы, и даже камни под ногами, говорили не о прошлом, а о возможностях далекого будущего.

Мэйсон взглянул на воина и почувствовал, как в его голове что-то щелкнуло, и он вспомнил еще кое-что.

— Аль Бекр — не твой дом, — сказал он.

— Чтобы это понять, магия не нужна. Я — шумер, — проворчал человек.

У Мэйсона отвалилась челюсть. Шумер! Это загадочные древние люди, чья цивилизация существовала в долинах между Евфратом и Тигром задолго до того, как семиты пришли завоевывать здешние земли. Внезапно почувствовав подозрение, воин кошачьим шагом двинулся вперед, ятаган угрожающе поблескивал.

— Я не желаю никому зла. Именем Эль-лил — клянусь! — быстро сказал Мэйсон.

Глаза шумера расширились, он уставился на Мэйсона.

— Эль-лил? Ты клянешься...

Мэйсон кивнул. Он читал книгу, в которой упоминалось имя верховного бога шумеров.

— Я не хочу быть твоим врагом, — добавил Мэйсон.

Его охватила волна слабости — результат трех дней и ночей, проведенных в ужасных условиях Руб эль Хали. Мэйсон ощутил, как его мышцы теряют силу, и когда на него начала опускаться

пелена темноты, тщетно попытался сохранить равновесие.

Шумер подскочил к Мэйсону, и чтобы тот не упал, поддержал его огромной рукой. Воин сунул ятаган в ножны и поднял археолога на руки, словно тот был ребенком.

— Именем Баала и других северных богов молока и воды, — прокричал клятву шумер и добавил, — я не стану сражаться с тем, кто клянется именем Эль-лил!

Мэйсон смутно осознавал, что его перекинули через мускулистое плечо и понесли по бесконечным коридорам, залитым зеленым светом. Он был слишком слаб, чтобы сопротивляться. В конце концов его аккуратно положили на кучу мехов. Мэйсон почувствовал, как между губами течет жидкость, вцепился во фляжку, которую держал воин, и поднял ее. Вода... нет, не вода, хотя жидкость была безвкусной и очень холодной. Казалось, вместе с жидкостью в каждую клеточку измученного тела Мэйсона вливалась энергия. Допив содержимое фляжки, он убрал ее в сторону.

Слабость исчезла. Сев, он оглядел комнату: пустая, с каменными стенами, покрытыми меховыми коврами. Шумер убрал фляжку с печально

жаждущим взглядом.

— Теперь рассказывай, кто ты такой — проворчал он. — Никто в этой проклятой земле не слышал об Эль-лил. К тому же, ты не шумер.

Мэйсон осторожно подбирал слова.

— Я прибыл из далекой страны, — сказал он. — Земли далеко к западу, куда дошла слава Эль-лил. Даже не знаю, как я попал сюда.

— Владыка разберется. Как тебя зовут?

— Мэйсон.

— Мэй-жон. — Он прокрутил звуки во рту, придавая им любопытное гортанное звучание. — А я... ну, зови меня Эрих. Я родился в городе Эрих, а иногда не очень разумно давать людям собственные имена. Если я когда-нибудь покину город, людям не понравится, что я служил Греддару Клону. — Суровое лицо шумера потемнело, и он бросил на Мэйсона подозрительный взгляд. — Ты знаешь Владыку?

Прежде чем Мэйсон успел открыть рот, из-за двери донесся топот. Археолога напугало выражение, которое промелькнуло на лице Эриха, — страх, удивительным образом смешанный с негодованием. Дверь открылась.

За ней стоял... металлический человек! Больше двух метров ростом, с телом, похожим на бочку,

с тремя сочлененными ногами из серебристого металла, оканчивающимися широкими металлическими пластинами, существо стояло... и смотрело!

Гибкие, похожие на щупальца руки свободно свисали, голова была металлической сферой, несообразно маленькой по сравнению с громоздким телом, и не имела никаких черт лица, за исключением фасеточного глаза. Робот продолжал смотреть.

Шумер не двигался. Мэйсон увидел, как под кожей его правой руки шевелятся сухожилия. Незаметно рука стала двигаться к ятагану.

— Владыка зовет тебя. Приходи немедленно, — проговорил робот ровным, невыразительным голосом.

Повернувшись, он ушел. Дверь беззвучно закрылась. Тихо выругавшись, Эрих уселся на меха.

— Что... что это было? — чувствуя, как внутри него зарождается ужас, спросил Мэйсон.

Металлическое создание казалось живым!

— Один из слуг Владыки, — вставая на ноги, ответил шумер. — Одно из его созданий. Владыка — могущественный! — В его тоне сквозила ирония. — Ну, мне нужно идти, — продолжал он.

— Ты жди здесь. Я вернусь, как только смогу.

— Неужели робот не видел меня? — встревоженно спросил Мэйсон.

Эрих пожал плечами.

— Эль-лил его знает! Иногда они ничего не видят, иногда — все. Я скоро вернусь, и мы подыщем тебе укрытие. Пока на это нет времени.

Он поспешно ушел, и Мэйсон стал смотреть на закрытую дверь, пытаясь сложить общую картину происходящего. Последние четверть часа он бессознательно старался себя убедить, что все это сон, галлюцинация, родившаяся в бреду. Но уже знал, что это не так. В реальности этого удивительного города сомневаться не приходилось, а Мэйсон был достаточно молод, чтобы понять, насколько гибки границы известной науки. Время не являлось чем-то постоянным или неизменным. Теоретически путешествия в будущее или прошлое должны быть возможны. И если они возможны в теории, то почему не на практике?

Удивительно — да, невероятно и обескураживающе — да, но не невозможно. Мэйсон украдкой провел рукой по гладкой поверхности металлической стены перед ним и по мехам, на которых сидел. Он ощутил отчаянное желание закурить.

Тут было столько всего, чего нельзя объяснить!

Фантастический город, управляемый загадочным Владыкой, которого шумер, кажется, побаивался. Это укладывалось в известные легенды, но объясняло удручающе мало. И это не говорило Мэйсону того, что он хотел знать больше всего — оказался ли он среди друзей или врагов.

Шум в коридоре поднял Мэйсона на ноги. Какой-то неясный импульс заставил его открыть дверь и выглянуть. Находясь уже в каких-то десяти метрах, по коридору в его сторону шел робот. Мэйсон быстро закрыл дверь и прижался к стене рядом с ней. Создание могло пройти мимо, но нельзя было быть в этом уверенным.

Шаги прекратились. Под давлением металлического щупальца дверь открылась. Прижавшись к стене, Мэйсон краешком глаза увидел, что чудовищная фигура робота движется вперед. Создание пока не заметило его.

Зайдя внутрь, оно резко остановилось, словно догадываясь, что Мэйсон где-то рядом. Но человек уже выскочил из укрытия и, толкнув робота плечом, попытался протиснуться вперед. Он не осознал пугающей силы создания.

Даже потеряв равновесие, робот был очень силен. Он отшатнулся назад, а руки-щупальца схватили Мэйсона и оттащили назад. Археолог

тщетно попробовал высвободиться.

Создание держало его безо всяких усилий, а одно извивающееся щупальце вытянулось, чтобы закрыть дверь. Сделав это, робот с топотом вошел в комнату, таща Мэйсона за собой и не обращая внимания на жалкие попытки человека выбраться из его объятий. Фасеточный глаз бесстрастно смотрел вниз.

Затем Мэйсон заметил опустошенную им фляжку, которую шумер беспечно отбросил в сторону. Фляжка лежала в пределах досягаемости, и археолог, сделав резкий выпад, подобрал ее, обхватив пальцами горлышко. Глаз робота был совсем невысоко... и рука Мэйсона, быстро описав дугу, ударила фляжкой по нему.

Осколки стекла больно брызнули в лицо человека. Мэйсон вложил все силы в отчаянную попытку высвободиться и сумел сбросить с себя щупальце, державшее его за талию. Мэйсон увидел, что глаз создания был разбит. Оно ослепло.

Археолог быстро добрался до двери и выскользнул в коридор. За ним послышался ужасный грохот, когда робот принялся носиться по комнате, круша все на своем пути. Мэйсон осмотрелся. Коридор был пуст. Он не мог ждать тут Эриха, — если послали одного робота, значит, будут и

другие.

Выбрав направление наугад, Мэйсон осторожно пошел влево. Через одинаковые промежутки в стенах коридора были двери, но он их не трогал, боясь потревожить какого-нибудь здешнего обитателя.

Однако иного выбора не оставалось. Отдаленный топот механических ног быстро становился громче, и Мэйсон догадался, что это приближается подкрепление. Изгиб коридора скрывал их из виду. Мэйсон замешкался. Возможно, правитель Аль Бекра — кто бы ни управлял металлическими людьми — не был врагом. Вообще-то, робот не нападал на него — всего лишь пытался подавить сопротивление и схватить. Если бы он пошел с ним добровольно...

Но когда поспешный топот ног стал еще громче, Мэйсона накрыла волна холодного ужаса, и в порыве страха он открыл ближайшую дверь, протиснулся внутрь и захлопнул ее за собой. Услышав, как роботы прошли мимо, он осмотрел комнату. И чуть было не вскрикнул от удивления, когда впервые увидел женщину, которую звали Нирвор — Серебряная Жрица!

Глава II
Женщина вне времени

Мэйсон стоял на низком балконе, откуда наклонная аппарель вела в большое подернутое дымкой помещение с высоким потолком и наполненным мускусным запахом. Пол покрывали ковры и меха. В середине помещения стоял низкий и квадратный алтарь, в котором распускались пламенные цветы. Сияя холодным серебром, огонь отбрасывал мерцающие отблески на двух огромных зверей, стоявших у алтаря — двух леопардов, застывших в трудноописуемой позе.

Один леопард был из полированного черного дерева...

Второй — белый, как легендарные врата из слоновой кости, через которые, как говорится в легендах, кошмары покидают адский город Дис, чтобы мучить людей во сне...

Два леопарда сосредоточенно смотрели ярко-зелеными глазами на женщину, склонившуюся перед огненным алтарем, женщину, подобной которой Мэйсон никогда раньше не видел!

Она была, словно изысканно отлитая серебряная статуя, кружевной черный халат из шелка частично открывал ее стройное тело. Длинные распущенные волосы серебристо-лунного цвета покрывали плечи, словно сделанные из слоновой кости. Лица Мэйсон не видел — женщина стояла на коленях подле алтаря, а ее голос, тихо напевающий какую-то колдовскую мелодию, шептал слова на языке, археологу совершенно не знакомом.

Бледные огни холодно кипели и словно бы перешептывались. Леопарды неотрывно смотрели. Голос женщины перешел в пронзительный крик.

— Оооээээ, оооээээ!

Теперь она говорила на языке семитов, и Мэйсон понял слова: «мой город, мои люди и мое королевство! Разрушенные и павшие, лесные звери на одиноких улицах Коринура... оооээээ!» Женщина оплакивала гибель, волосы закрыли ее лицо. Потом резким движением она встала и разорвала на себе халат. На секунду ее нагая фигура вырисовывалась на фоне молочных огней, и Мэйсон затаил дыхание при виде ничем не прикрытой женской красоты, идеального сочетания конечностей и тела, гибкого, как фигуры наблю-

дающих леопардов. Затем, в порыве крайнего самоуничижения, женщина опустилась перед алтарем и раскинула руки в мольбе.

— Скорее, пусть это свершится скорей, — прорыдала она. — Пусть Владыка достигнет цели и снова вернет мощь в Коринур... мертвый и прекрасный Коринур. Я, королева и жрица Коринура, прошу тебя, как самая покорная рабыня, нагая и смиренная... Селена, могучая Селена, обрати лик к моему народу!

Молчание и тихий шепот бледных огней. Леопарды замерли, как статуи. Их зеленые глаза загадочно смотрели на женщину.

Мэйсон ощутил, как его сковал странный холод. Мистическая загадочность этого населенного призраками города еще раз накрыла его. Он сделал быстрое непроизвольное движение, один леопард издал кашляющий звук и принял угрожающую позу. Белый леопард оставался неподвижным, но черный, сосредоточенно смотря на Мэйсона, двинулся вперед. В его глазах было нечто волнующе странное — разум, больший, чем тот, которым должен обладать зверь, как вскоре понял человек.

Женщина вскочила с пола одним быстрым движением и с приоткрытым ртом уставилась

на Мэйсона. При виде ее красоты у него пересохло в горле. Ее глаза были глубокими темными омутами. И возможно, она увидела это скрытое восхищение, поскольку ее алые губы изогнулись в улыбке, а низкий голос окрикнул:

— Бокиа! Ко мне!

Черный леопард замер, подняв одну лапу. Тихонько рыча, он вернулся к женщине. Та сделала повелительный жест.

Подчинившись, Мэйсон спустился вниз. По мере приближения к бледной красоте женщины его сердце бешено застучало, а в висках начала пульсировать страсть. Она была Афродитой — богиней любви и всех наслаждений...

Что-то в ее глазах заставило Мэйсона остановиться.

Да, там была красота. Но было что-то и еще, нечто холодное, чуждое и пугающее, казалось, таилось в загадочной глубине ее глаз, некая бездушность, вызвавшая в теле Мэйсона волну отторжения. Но прежде чем он успел открыть рот, раздался громкий топот спешащих ног.

По испуганному взгляду Мэйсона женщина поняла толику правды. В течение долгого мгновения она молчала, а затем...

— Сюда, — прошептала она на семитском. — И

ни звука!

Нагнувшись, она дотронулась до алтаря. Бледные огни погасли. Алтарь оказался гладким и темным каменным блоком. По команде женщины, недолго мешкая, Мэйсон залез на него и замер. Потом, внезапно пожалев о своем решении, захотел спрыгнуть.

Но было уже слишком поздно. Тихо потрескивая, взметнулось пламя лунного цвета. Вокруг Мэйсона теперь оказалась стена серебристого огня, скрывающая женщину и все остальное. Странно, но он не чувствовал никакого жара. Более того, от пламени, казалось, исходила необъяснимая прохлада. Но почему женщина ему помогла?

Раздались голоса. Кто-то, кого Мэйсон не видел, говорил — спрашивал, требовал. Женский голос отвечал. Затем снова настала тишина.

Лунное пламя опять стихло. Не считая леопардов и женщины, комната была пустой. Женщина накинула на плечи халат с белым мехом и, негромко рассмеявшись, подозвала Мэйсона.

— Один из слуг Владыки, — сказала женщина. — Он искал тебя. Я отослала его. Ты в безопасности... по крайней мере пока.

Внимательно следя за леопардами, Мэйсон

спустился с алтаря. Но, кроме тихого рычания, они никак на него не реагировали.

— Я благодарю тебя, о богиня, что правит сердцами мужчин, — подойдя ближе к женщине, сказал он на семитском.

Пышная фраза смутила ее.

— Не говорите о богинях. Я поклоняюсь одной... и боюсь ее, но не люблю. Ну... а как вас зовут?

— Мэйсон.

— Мэйсон — о да! — А я — Нирвор. Мне кажется, вы находитесь в Аль Бекре не так уж и долго, да?

— Полчаса максимум. Вы первый человек, которого я тут встретил, не считая...

Какая-то необъяснимая осторожность заставила Мэйсона промолчать про шумера. Черные глаза Нирвор озарились интересом.

— Не считая?..

— Роботов.

Женщина слегка улыбнулась.

— Из какого года вы прибыли?

Мэйсон чуть было не поперхнулся. Это подтвердило его безумные догадки. Сила двух монолитов отбросила его назад во времени... как он и думал. Сражаясь с потоком возникших в его голове вопросов, он сказал так спокойно, как только смог:

— Из тысяча девятьсот тридцать девятого, — и

после паузы добавил: — Новой эры.

— Тогда, согласно твоей системе летоисчисления, я прибыла из две тысячи сто пятидесятого — далекого будущего, — сказала женщина. — Я, как и ты, попала в ловушку времени и оказалась в глубокой древности, еще до тех времен, когда Египет и Рим начали подниматься из праха. И тут, в давно забытом Аль Бекре, я нашла... Владыку. — Нирвор смотрела на Мэйсона, но он никак не отреагировал. — Ты его еще не видел? — спросила она.

— Нет. А кто он?

— Он прибыл из будущего, из сумерек цивилизации — будущего для меня, так же как и для тебя. На пять тысяч лет позже твоего времени и на десять тысяч позже того, где мы находимся сейчас. Он построил машину времени, с помощью которой попал в этот почти доисторический город. Машина была разрушена, но Владыка полон решимости построить ее заново. Он захватил Аль Бекр и с помощью создаваемых им роботов превратил его в Город Науки. А затем начал работу по починке машины времени.

— Как вы попали сюда? — спросил Мэйсон. — Я не понимаю...

— Два монолита заключают в себе атомную

энергию, — перебила его Нирвор, — и когда она высвобождается, время вокруг них искривляется. Любой объект в пределах поля отбрасывается назад во времени. Это работает сейчас и будет работать через миллион лет. Мэйсон, зеленые башни времени, которые Владыка сейчас строит, будут стоять в этой долине, даже когда Аль Бекр превратится в безжизненную пустыню. Они будут там в твое время, в мое и еще несчетное количество веков, заключая в себе силу путешествий во времени. Возможно, раз в тысячу лет, человек окажется вблизи башен, когда сила будет выпущена на свободу, предположим, молнией, как произошло со мной. Мой караван остановился под пальмами оазиса в долине Аль Бекра, и я, заблудившись во время бури, блуждая без сна и отдыха, очутилась между зелеными башнями, когда ударила молния. Меня затянуло назад во время, в тот период, когда машина времени еще работала... в это время, когда Аль Бекром правит Владыка.

Сознание Мэйсона с трудом переваривало услышанное.

— Неужели мы единственные, кто попал в поле монолитов? — спросил он.

— Ты, я и Владыка... и еще один. Он... — Нир-

вор помешкала. — Но, пожалуй, не стоит о нем говорить.

Она опустилась на пол у алтаря и потянулась, как кошка. Леопарды наблюдали, не издавая ни звука. Нирвор смотрела на Мэйсона из-под полузакрытых век, бледно-пепельные ресницы помахивали над щеками.

— Здесь было одиноко, — сказала она. — Садись, Мэйсон.

Он подчинился.

— Я жду уже очень долго. Владыка пообещал вернуться в мое время и помочь заново отстроить мой мертвый город — мраморный Коринур. Но пока что я жду среди варваров, жду и поклоняюсь Селене, а леопарды охраняют меня — их, как и меня, тоже захватили башни времени.

Изящная рука погладила пушистую голову черного зверя. Он посмотрел на нее полузакрытыми глазами, тихо проурчав.

— Они мудрые, Мэйсон — Бокиа и Валеста. Задолго до того, как Коринур пал, наши ученые генетически модифицировали определенных существ, а священные леопарды оказались самыми мудрыми среди них. Помни, Мэйсон, Бокиа и Валеста очень умны...

Гибким движением Нирвор придвинулась к

Мэйсону.

— Но я устала от мудрости. Я — женщина, — прошептала она.

Изящные руки обвились вокруг шеи Мэйсона. Ароматное дыхание Нирвор отдавало теплотой, а душистое безумие начало сводить с ума. В сдавленном горле пересохло.

Он наклонился и прижался к алым губам Нирвор своими губами. Потом, снова подняв голову, он понял, что слегка дрожит.

— Мэйсон, — прошептала женщина, глаза их встретились.

И во второй раз Мэйсон увидел в них нечто чуждое.

Что-то холодное, жестокое и неземное придавало глазам Нирвор пугающий блеск, заставивший Мэйсона невольно отпрянуть. Он не мог понять, что оттолкнуло его, ему еще не скоро удастся это объяснить. Но с поразительной уверенностью он знал, что женщина была самим Ужасом.

Внезапно ее губы угрожающе искривились. Но проглотив поток слов, повисший у нее на языке, она встала, и Мэйсон поднялся одновременно с ней. На этот раз она не позволила своим глазам встретиться со взглядом археолога. Подняв руки к шее, она расстегнула защелку, державшую халат.

Шелестя, он соскользнул к ее ногам.

Мэйсон попытался отвернуться... и понял, что не в состоянии этого сделать. Нирвор, может, и зло... но она точно богиня, мраморная Галатея, ожившая и наполненная страстью. Шагнув вперед, она положила голые руки ему на плечи.

Закрыв рот, Мэйсон высвободился из объятий и оттолкнул женщину назад. Воспоминание о необъяснимой странности глаз Нирвор было слишком сильно.

— Ты говоришь, что прибыла из будущего, — схватив женщину за запястья, прошептал Мэйсон. — Откуда мне знать, какие... существа... могут жить в то время?

Она поняла, к чему он клонит. В черных глазах блеснула ярость. Вырвавшись из рук Мэйсона, она отскочила и выкрикнула гневный приказ.

— Убей его, Бокиа, *убей!*

Черный леопард вскочил на ноги. Припав к полу, он стал медленно приближаться к Мэйсону.

— Этот человек принадлежит Владыке. Убьешь его — и умрешь сама! — раздался резкий голос.

Глава III
Возмездие Хозяина

Повернув голову, Мэйсон увидел шумера Эриха, стоящего у двери. Он быстро спустился вниз, в его холодных глазах блестела решимость.

— Слышишь меня? Нирвор...

Серебряная жрица пронзительно свистнула. Черный леопард остановился и крадучись вернулся на свое место. Нирвор обратила пылающий взор к шумеру.

— С каких это пор ты командуешь мной?

— Я говорю от лица Владыки, — веско сказал Эрих с едва заметной насмешкой в голосе. — И я не думаю, что даже ты осмелишься ему перечить.

Сделав гневный жест, Нирвор отвернулась и дотронулась до алтаря. Бледные лунные огни снова взметнулись вверх.

— Пожалуй, я не буду рассказывать об этом происшествии Греддару Клону. Да и тебе я бы тоже не советовал этого делать, — сказал шумер.

Жрица не ответила, и Эрих, схватив Мэйсона за руку, кивнул в сторону двери. Не сказав ни

слова, Мэйсон последовал за шумером. Как только они оказались в коридоре, Эрих облегченно выдохнул.

— Она — демон, Мэй-жон. Она и ее друзья — гигантские кошки. Пойдем!

Он тащил Мэйсона за собой, пока они не добрались до покоев шумера. Там, уютно устроившись на мехах, Эрих криво усмехнулся.

— Я думал, металлический человек тебя схватил. Но ты еще не в безопасности. Если, конечно, не хочешь попытать счастья и прийти к Владыке по собственной воле...

— С чего ты взял, что он причинит мне вред? — не очень-то веря в свои слова, спросил Мэйсон.

— Ну, есть и другой человек, который попал сюда, как и ты, из ниоткуда — человек по имени Мурдах. Сейчас он в подземелье и закован в цепи. Не знаю почему. Верно, Греддар Клон не обязательно обойдется так же *с тобой*...

— Лучше я не буду этого проверять, — сказал Мэйсон. — Но разве Владыка не знает, что я здесь?

— Он не уверен. Нирвор тебя не выдаст, поскольку в таком случае она подставит и себя. Думаю, пока ты можешь скрываться в Аль Бекре. В стаде легко найти белого верблюда, но если

его выкрасить в коричневый... — Шумер встал, нашел кусок ткани и легкую накидку. — Тебе лучше надеть вот это.

Мэйсон кивнул.

— Как в Риме, — заметил он, но собеседник лишь вопросительно посмотрел на него.

Затем археолог вспомнил — о Риме не будет ничего слышно еще несколько тысяч лет. Быстро сняв с себя одежду, Мэйсон нацепил набедренную повязку и набросил на плечи накидку. Эрих протянул ему кинжал.

— У меня нет ничего лучше, — извинился он. — А ятаган нужен мне самому.

Ведя Мэйсона в коридор, он продолжал говорить:

— Что касается Владыки, я не знаю, откуда он прибыл. Когда-то Аль Бекр был раем. Затем пришел Греддар Клон, и его магия поработила нас. Так получилось, что в то время я как раз убежал из Ниппура и оказался в Аль Бекре. — В этот миг его мрачное лицо озарилось зловещей радостью. — Когда мой караван попал сюда, тут правила Аласа. Затем внезапно появился Греддар Клон. Я не видел этого. Некоторые говорят, он возник из воздуха средь бела дня. Он сделал себя правителем, а Аласу взял в заложники и стал держать

ее в заключении. Он превратил это место в город страха. Оглянись! — Эрих вытянул руку в сторону коридора, освещенного зеленым светом. — Аль Бекр не был так уж прекрасен и совершенен, но сейчас жизнь тут походит на существование под землей вместе с дьяволами! Ну, в любом случае, теперь этот город — не место для людей. Кроме меня... никто не сможет сбежать отсюда. Некоторые пытались и умерли. Рабы Греддара Клона повсюду.

Проход стал шире. За ними раздались быстрые шаги. Мэйсон почувствовал, как шумер слегка подталкивает его локтем. Мимо пронесся металлический робот. Если он и заметил их, то не подал виду. Издалека донесся топот множества ног. Прозвучал колокол.

Эрих выругался, выкатив глаза, он попытался найти место, где можно было бы спрятаться. Мимо прошли еще роботы. Мэйсон схватился за кинжал.

— Нет! — Шумер схватил его запястье, заставляя убрать руку, а его голос был тихим и повелительным. — Здесь опасно, но мы сумеем сбежать. Идем!

Он ускорил шаги.

Металлические люди шли дальше, руки-щу-

пальца болтались, выпученные глаза настороженно смотрели по сторонам. Лязг их ног заполнил весь коридор. Колокол прогудел еще раз.

— Он собирает жителей на общегородской совет, — сказал Эрих. — Там обязаны быть все. Сейчас у нас не получится найти тебе убежище. Придется подождать...

Через пять минут они вошли в большое помещение с высоким потолком, где не было ни единого окна. Огромная пустота зала из белого камня вселяла трепет. Освещение создавалось уже привычными зелеными стержнями. Помещение опоясывали туннели. Из них выходило множество мужчин и женщин, изредка встречались и дети.

Ведомый Эрихом, Мэйсон присоединился к остальным. В конце огромного зала стояло возвышение, пустое, не считая серебристого металлического яйца, висевшего в воздухе и, по-видимому, не имеющего никакой опоры. Оно было чуть больше двух метров в длину. Непонятным образом оно напомнило Мэйсону гроб. Археолог заметил, что когда Эрих увидел яйцо, ему стало не по себе.

Зал продолжал заполняться людьми с корич-

невыми лицами и мечущимися глазами. Они перешептывались между собой, периодически поглядывая на возвышение. Мэйсону показалось странным слышать тихое бормотание на языке, известном лишь нескольким ученым, — по крайней мере, в его время.

С высокого потолка стал опускаться черный диск. Затем его нисхождение прервалось, и он повис в воздухе, раскачиваясь над толпой. Перешептывания стихли.

Два робота, идя бок о бок, появились из туннеля рядом с возвышением. За ними катилось нечто похожее на огромную металлическую сферу с отрезанным верхом — большую чашу. И в ней Мэйсон увидел покрытую синими венами распухшую лысую голову, раздутую и уродливую — чудовищно увеличенную карикатуру на человеческий череп. С черепа проницательно глядели два маленьких глаза, похожих на бусинки.

Мэйсон искоса посмотрел на шумера. Глаза Эриха были расчетливо-циничными — тем не менее в них читалась и тревога. Мэйсон понял, что некоторое презрение шумера к Владыке было не совсем настоящим, — оно прятало необъяснимый страх к Греддару Клону. Владыка, наверное, казался Эриху каким-то чудовищем, поскольку

он, как и Мэйсон, не осознавал или не понимал, что через сотни или тысячи лет человеческая раса эволюционирует и превратится в существ, подобных странному человеку на возвышении.

Повозка медленно ехала за роботами. Бледная худая рука с длинными тонкими пальцами ухватилась за край чаши. Роботы остановились на возвышении, и повозка проехала между ними, чтобы развернуться лицом к толпе людей, среди которых Мэйсон увидел других роботов, стоящих как стражники. По толпе пробежал шепот.

— Владыка!

Мэйсон удивленно приподнял брови. Теперь он понял, что Греддар Клон поддерживает власть над суеверными жителями Аль Бекра, играя их страхом неизвестного. Весь зал, как вдруг осознал археолог, был огромным театром, хитроумно устроенным, чтобы впечатлять зрителей таинственностью и чужеродностью. В чрезвычайно развитой науке Греддара Клона Мэйсон заметил угрозу, но этот маскарад он видел насквозь и не боялся его. Каким-то образом теперь он перестал чувствовать себя таким уж потерянным и беспомощным.

Владыка поднял худую руку, и толпа преклонилась пред ним. Мэйсон нашел место за толстым

лысым человеком в шерстяной накидке.

Из черного диска, висящего над головой, раздался бесстрастный металлический голос. Мэйсон осторожно поднял голову. Прибор — возможно, усилитель голоса — наверняка казался очень странным Эриху и остальным.

— Я заключил под стражу Аласу, вашу королеву, — бесчувственно сказал голос. — Долгое время она была моей заложницей, с тех пор как я узнал, что она замышляет бунт против меня. Я предупреждал вас, народ Аль Бекра, что при первых признаках восстания она умрет. Ну... таких попыток не было. Я вынужден это признать.

Загадочные глаза владыки пробежали по коленопреклоненной толпе. Мэйсон быстро опустил глаза, заметив, что прощупывающий взгляд приближается к нему.

— Тюрьма Аласы выставлена на всеобщее обозрение, чтобы служить напоминанием. Тем не менее трогать ее запрещено. Приказ был нарушен, — снова заговорил бездушный голос.

Голова Греддара Клона склонилась на секунду. У входа в туннель рядом с возвышением появился робот, его рука-щупальце обвилась вокруг шеи девушки, идущей рядом. Девушке, возможно, было лет двадцать, темные глаза слегка выпучены, а

волосы испачканы засохшей кровью. На ней был простой белый халатик, порванный и грязный.

Металлическое яйцо, висевшее над возвышением, опустилось ниже. Его серебристый цвет изменился. На поверхности заиграли все цвета радуги. Потом яйцо сделалось вдруг прозрачным, как стекло.

Внутри была девушка.

Мэйсон почувствовал, как шумер легонько толкает его локтем.

— Аласа — наша правительница, — прошептал Эрих.

Она лежала внутри прозрачного гроба, глаза были закрыты, темные волосы колечками обрамляли привлекательное лицо цвета слоновой кости. В девушке была странная эльфийская красота, а облегающее зеленое одеяние усиливало это впечатление. Мэйсон смотрел, затаив дыхание. По толпе пробежало едва заметное движение.

— Прикосновение к тюрьме Аласы карается смертью, — холодно донеслось из диска. — Пусть никто не отводит взгляд.

Роботы крепко держали девушку в белой одежде. Другие машины принесли странное устройство. Они сорвали с нее халатик, полностью

обнажив стройное тело пленницы. Вскрикнув, она тщетно попыталась вырваться.

Но роботы были слишком сильны. Десяток дисков, прозрачных, как стекло, прижались к телу девушки, цепляясь, по-видимому, на манер присосок. От них к громоздкой машине на возвышении тянулись гибкие трубки.

Какое-то движение рядом привлекло внимание Мэйсона. На ноги поднялся мускулистый воин с седой бородой, завороженно глядящий на то, что происходило на сцене. Посмотрев в ту же сторону, Мэйсон почувствовал, как по телу пробежал холодок.

Девушка на возвышение начала... меняться! Кожа под несчетным количеством стеклянных присосок сделалась красной и воспаленной. Закричав от боли, она начала извиваться в металлических руках роботов. Ее нагое тело больше не было белым — его покрыли десятки темно-красных дисков...

Мэйсон все понял. Воздух внутри стеклянных чаш выкачивался, и мощное всасывание рвало плоть девушки.

На лице Эриха выступили капельки пота. Челюсти шумера были мрачно стиснуты, но он не мог скрыть страха в глазах.

— Это просто трюк, Эрих, — пробормотал Мэйсон под прикрытием шепотков, наполнивших помещение.

Быстро глянув на него глазами, в которых плескалось сомнение, шумер продолжал смотреть на возвышение.

— Ты ошибаешься, Мэй-жон. Такое происходит уже не в первый раз. Мне... мне не нравится, когда мне страшно, Мэй-жон!

Девушка пронзительно закричала от боли. Ужасные присоски начали отрывать плоть. В стеклянные чаши брызнула кровь. Нервы, вены и артерии превратились в жуткое месиво. Ее тело стало бесформенной массой раздутого кровоточащего мяса.

Вскрикнул кто-то еще. Мэйсон повернул голову и как раз успел увидеть летящее копье, брошенное человеком с серой бородой, которого он отметил чуть раньше. Копье, промелькнувшее через помещение, как белая молния, неслось прямо к Владыке... и, отскочив от пустоты, стукнулось о каменный пол!

С возвышения вылетел луч желтого света. Когда он впился в мягкую плоть, раздался пронзительный крик. Луч попал в седобородого. Тот с криком упал на спину, его лицо превратилось в

почерневшую обуглившуюся массу.

— Берегитесь! — заорал висящий в воздухе диск. — Берегитесь возмездия Владыки!

— Я знал его, — пробормотал шумер. — Владыка только что убил его дочь...

Он замолчал, когда шепот толпы внезапно стих.

В полной тишине голос черного диска звучал неестественно громко.

— Пусть Девять-Семь-Четыре выйдет вперед, — сказал голос.

Эрих резко затаил дыхание.

Затем, не взглянув на Мэйсона, шумер встал и зашагал к возвышению. Подойдя, остановился и посмотрел на Владыку.

— Где незнакомец, что был в твоей комнате? — Теперь голос донесся изо рта Греддара Клона, а не из усилительного диска над головой.

— Я не знаю. Он сбежал оттуда, — громко ответил Эрих.

Мэйсон знал, что эти слова предназначались для его ушей.

Очевидно, так же думал и Греддар Клон.

— Я обращаюсь к тебе, незнакомец. Покажись, — голос Владыки опять стал ровным и механическим.

Мэйсон не шевельнулся. Робот шагнул вперед. Его рука-щупальце обмоталась вокруг шеи Эриха. Рука шумера дернулась к ятагану, а затем бессильно опустилась вниз.

— Я... не желаю тебе... вреда. Покажись, если ты... хочешь вернуться в свой... временной сектор, — проговорил странно невыразительный голос... на английском со странным акцентом, но все же довольно понятным.

Испугавшись, Мэйсон невольно дернулся, замялся и затем быстро встал. В конце концов, у него не было выбора. Щупальце, обернувшееся вокруг шеи Эриха, безмолвно предупреждало о пытках, которые предстоит испытать шумеру, если археолог не подчинится Владыке.

Став целью бросаемых украдкой взглядов, Мэйсон поспешно подошел к возвышению, молча пройдя мимо Эриха. Мускулистый воин смотрел вперед, его лицо было неподвижным. Греддар Клон кивнул, и робот отпустил шею Эриха, вместо этого обмотав щупальце вокруг ближайшей руки Мэйсона. Действие не было угрожающим — скорее казалось, что существо просто взяло его за руку, чтобы показать дорогу. Мэйсон ощутил, как его тянут вперед, и робот повел его к туннелю рядом с возвышением. Странная сферическая

металлическая голова с таким же странным фасеточным глазом тупо смотрела на археолога сверху вниз.

Глянув на Эриха, Мэйсон проследовал за роботом мимо неподвижной Аласы, лежащей внутри прозрачной тюрьмы. И снова при виде ее эльфийской красоты у Мэйсона перехватило дух. Затем зеленые глубины коридора поглотили его...

Его привели в помещение с двумя монолитами. Он стоял там, с холодным щупальцем, обернутым вокруг шеи, пока не послышались шаги. В большой зал вошли два робота-охранника, а за ними — Греддар Клон в металлической карете. Остановив повозку, Владыка распахнул дверцу и помпезно спустился на пол.

Теперь у Мэйсона появилась возможность рассмотреть этого странного человека более внимательно. Он был низким, чуть ли не карликом, но довольно широкоплечим, руки — худые, бескостные, заканчивающиеся длинными пальцами, а кривые ноги — толстые и сильные. Им приходилось быть такими для того, чтобы поддерживать огромную черепную коробку. Плотно облегающая черная одежда закрывала коренастое тело, плечи Греддара Клона едва доходили до талии Мэйсона. Голова карлика была белой, как

бумага, с выступающими синими венами. Мэйсон почти смог представить, как они пульсируют в такт с мозгом внутри. Кости черепа, наверное, были очень тонкие — эта мысль что-то задела в сознании археолога.

Крошечные заостренные челюсти зашевелились, и карлик пронзительно заговорил на языке, неизвестном Мэйсону.

— Прошу прощения, но я не говорю на вашем языке, — сказал Мэйсон на английском.

— Я... знаю ваш язык. Изучал записи, — сбивчиво ответил карлик на языке пленника и затем переключился на чистый семитский, говоря уже более бегло. — Давайте говорить на основном языке. В прошлом у меня были причины говорить на нем довольно много, хотя поначалу я столкнулся с некоторыми трудностями. Ты из будущего. Я тоже, но из будущего более отдаленного, чем твое.

Греддар Клон кивнул. Щупальце отпустило руку Мэйсона. Робот ушел и вскоре вернулся с кучей мехов. Карлик плюхнулся на них, робот принес еще столько же и кинул стопку к ногам Мэйсона. Он последовал примеру Владыки.

— Позволь мне объяснить. В своей эпохе я построил машину времени — проектор, отбро-

сивший меня в прошлое. В своих расчетах я допустил ошибку, оказавшуюся практически смертельной. Я лишь хотел попасть в недалекое будущее, на пару дней вперед. Но поток времени был слишком быстр... Я очутился в этом древнем городе. И никак не мог вернуться обратно. Машина времени, разумеется, еще не существовала. И не будет, пока я не построю ее в далеком будущем.

Холодные глаза загадочно посмотрели на Мэйсона.

— Я построю это устройство заново. В этот раз... немного по-другому, поскольку не хочу опять ошибиться, — не собираюсь попадать в плиоцен или в мертвый безвоздушный мир. Я еще не закончил проверку. Знаешь, почему я рассказываю это тебе?

Мэйсон покачал головой. Мышцы его челюсти напряглись.

— Не из дружелюбия, нет. Мне нужен твой разум. Твой интеллект. Роботы подчиняются, но у них нет сознания. Есть определенные операции и подсчеты, требующие деликатного подхода... в родной эпохе у меня были способные помощники, но я, конечно, не могу использовать этих варваров. Ты можешь мне помочь. Твой мозг не

очень развит, но зачатки научных знаний у тебя все же есть. Хотелось бы, чтобы ты согласился. — Посмотрев на Мэйсона секунду, Греддар Клон продолжал: — Это единственное, что поможет тебе вернуться в свое время. Не позволяй чувствам повлиять на твое решение. Люди здесь для меня ничего не значат. Как и ты, но, по крайней мере, ты можешь быть для меня полезен. Помоги — или умри.

Археолог замялся. Он не сомневался, что отказ будет означать смерть или, по меньшей мере, пытки. Какое-то время ему надо притворяться... пока он получше не поймет этот чужой, загадочный мир.

— Ладно. Я помогу тебе, — настороженно сказал Мэйсон.

— Хорошо. — Греддар Клон внимательно посмотрел на Мэйсона. — Ты устал. Тебе нужно поспать, а когда отдохнешь, мы сможем приступить.

Подошел робот. Взяв Мэйсона за руку, он повел его к проходу.

Раздался голос Владыки, бесстрастный и одновременно угрожающий.

— Помни — я не доверяю тебе. Но, думаю, ты понимаешь, что предательство приведет к твоей

смерти!

Глава IV
Заговорщики

Не увидев ни одного сна, Мэйсон проспал в одном из пустых помещений Аль Бекра на куче мехов семь часов подряд. Поднявшись, он услышал незнакомый звук, подошел к двери и открыл ее. Снаружи, охраняя его покой, неподвижно стоял один из металлических роботов. Криво улыбнувшись, Мэйсон вернулся на свое ложе и опять уснул.

Когда он проснулся в следующий раз, то обнаружил, что его рот зажат грубой, мозолистой ладонью. Испугавшись, он секунду отчаянно отбивался, а затем успокоился, услышав настойчивый шепот Эриха:

— Тише, Мэй-жон! Не дергайся! — Суровое лицо шумера блестело от пота. — Нам надо торопиться. Тебе нужно проделать долгую дорогу, прежде чем Владыка пошлет за тобой, — сказал он и убрал руку ото рта Мэйсона.

— А как же робот... — Мэйсон кивнул на дверь.

Тонкие губы Эриха растянулись в ухмылке.

— Я позаботился о нем. Этим... видишь? — Из-

под накидки он вытащил странный прибор в форме яйца, испускающий молочное свечение. — Я взял его у Мурдаха.

Мурдах! Мэйсон вспомнил — человек из будущего, которого Греддар Клон держит в подземельях Аль Бекра.

— Как...

— Мурдах умен... и могущественен, хотя и в оковах. Я посещал его — после того, как Владыка наказал меня за помощь тебе. — Шумер, поморщившись, осторожно почесал спину. — Я не люблю поцелуи кнута — нет! Ну, я рассказал Мурдаху о тебе, и у него появился план. Он дал мне оружие против металлических людей и попросил привести тебя к нему. И Аласу тоже, поскольку Владыка собирается ее убить.

— Тогда чего мы ждем? — спросил Мэйсон.

Энергично вскочив на ноги, он зашагал к двери. Его руки потянулась к кинжалу, висящему на поясе, но Эрих лишь усмехнулся.

— Опасности нет, — по крайней мере, пока мы идем тихо. — Оружие Мурдаха очень мощное.

Шумер открыл дверь. Робот неподвижно стоял у входа, в фасеточном глазе была пустота. Он даже не пошевелился, пока два человека проходили мимо него.

— Он под заклинанием, — пояснил Эрих.

Мэйсон вопросительно поднял брови. Действительно, суеверному шумеру это наверняка казалось магией, хотя о том, что парализовало робота, можно только догадываться. Яйцевидное оружие, вероятно, испускало волны, вызывающие кратковременные короткие замыкания в системе питания робота. Интересно, подумал Мэйсон, сколько времени страж пробудет в таком состоянии.

— Идем, — сказал Эрих, ведя Мэйсона по коридору.

Археолог молча последовал за шумером. Они быстро шли по пустым туннелям, освещенным зеленым светом и наконец оказались в большом зале с возвышением, где Греддар Клон пытал и убил семитскую девушку перед собравшимися жителями Аль Бекра. Сейчас помещение было пустым, не считая прозрачного гроба, висевшего в воздухе. Эрих на цыпочках подбежал к нему, Мэйсон не отставал ни на шаг.

Из туннеля вышел робот. Шумер взмахнул рукой, в толстых пальцах которой было зажато загадочное светящееся оружие Мурдаха. Из прибора выстрелил луч света толщиной с авторучку.

Свет ударил в тело робота и начал расползаться по металлической поверхности, как жидкость. Внезапно весь робот озарился этим живым светом.

Подняв одну ногу, чудовище замерло, а щупальца вытянулись в разные стороны.

Луч света погас. Эрих спрятал оружие под одеждой.

— Что касается Аласы, — проворчал он. — Мурдах сказал, как можно ее освободить. Если я правильно помню...

Шумер дотронулся до прозрачного гроба и легонько пробежался пальцами по его поверхности. Тихонько выругался — и затем затаил дыхание. Под его пальцами что-то щелкнуло, раздался странный пронзительный звук, словно внезапно лопнула струна скрипки.

Гроб опустился и открылся. Внутри лежала Аласа — неподвижная, спящая.

Мэйсон наклонился и уставился на девушку. Красота Аласы казалась едва ли земной, и на секунду Мэйсон подумал, что она не проснется.

Затем длинные изогнутые ресницы поднялись, а глаза теплого золотистого цвета встретились с глазами археолога. В ее взгляде появилось странное понимание, и Аласа... улыбнулась. Больше не

богиня — но, однозначно, человек!

Потом на ее лице появился страх. Поднявшись гибким движением, она осмотрелась с осторожностью загнанного зверя.

— Не бойся. Мы пришли освободить тебя, а не причинить вред.

Аласа подозрительно посмотрела на него.

— Это правда. Думаю, ты знаешь меня... и помнишь, как я сражался, когда впервые появился Владыка, — сказал шумер.

Аласа наконец заговорила, ее голос был низкий, немного хриплый, словно голосовые связки не использовались долгое время.

— Да, я знаю, Эрих. Я доверяю тебе. Но... скажи, сколько я пробыла в этой тюрьме?

— Три раза по четыре луны, — ответил Эрих. — Пойдем. Поговорим, пока будем идти. У нас мало времени. — Повернувшись к гробу, он закрыл его и поднял в воздух, где саркофаг просто завис. — Если повезет, Владыка еще долго не узнает о твоем исчезновении.

Шумер шел впереди. Казалось, он был хорошо знаком с запутанным лабиринтом Аль Бекра, хотя глаза Аласы не единожды округлялись от удивления при виде преобразований, произошедших в городе, пока она спала. Глядя на ее удивительную

эльфийскую красоту, Мэйсон почувствовал, как участился его пульс. Раз она взглянула на него с плохо скрываемым любопытством.

— Думаю, вы из далекой страны, — отметила она. — Люди Аль Бекра либо сильные, либо красивые, но редко и то и другое вместе. Вы не *очень* красивый... — добавила она, и в золотистых глазах сверкнуло веселье, — ...тем не менее вы мне нравитесь!

Прежде чем Мэйсон успел ответить, впереди промелькнула тень. Это был белый леопард Нирвор. Остановившись, он стал неотрывно смотреть на людей. Мэйсон почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь. Разумеется, создание было лишь животным... но в его взгляде виднелись смерть и странный свет разума...

Леопард грациозно прыгнул в сторону и скрылся из виду.

— Это демон. Бокиа — тот, что черный — это убийца, а белый, Валеста — как Малик Таус, павлин-дьявол восточных племен. Быстрее! — прошептал Эрих.

Теперь дорога пошла вниз по крутым наклонным скатам, пустым и освещенным бледно-зеленым свечением. Один раз им встретился робот, но лучевое оружие Эриха тут же обездвижило

его. Они спускались в скрытые глубины под затерянным древним городом...

А Мэйсона преследовал по пятам страх. Ужас, который он не мог подавить, зародился, когда появился белый леопард. Необъяснимая уверенность, что опасность подстерегает их за каждым углом...

На них напали без всякого предупреждения. Из мрака бокового прохода вылетела черная молния — Бокиа! Она прыгнула прямо на голову Эриха, и если бы не Мэйсон, без особых раздумий толкнувший его в спину, шумер бы точно умер от длинных клыков зверя. Острый, как бритва, коготь оцарапал руку Мэйсона. Он почувствовал, как щеку задел мех — так близко прошла смерть. Затем леопард, казалось, развернулся, еще не приземлившись на землю, зеленые глаза ярко блестели.

Но Эрих вытащил ятаган. С яростью, не меньшей, чем у напавшего на них зверя, он пригнулся и свирепо оскалил зубы.

— Назад, Мэй-жон! Защищай Аласу! Твой кинжал короче, чем мой клинок, — дай мне расправиться с адским отродьем.

Мэйсон заслонил собой девушку и вытащил кинжал. Леопард начал наступать на Эриха,

непрерывно размахивая хвостом. И...

Все погрузилось в темноту.

Стержни, испускающие зеленый свет, погасли. Толстое покрывало темноты окутало проход.

Близость смерти помогла Мэйсону получить вдохновение.

— Оружие, Эрих! Оружие Мурдаха... — прокричал он.

Мэйсон не знал, парализует ли луч леопарда. Но мерцающее яйцо, по крайней мере, немного разгонит темноту — чего будет достаточно, чтобы не дать леопарду напасть совершенно незамеченным.

Мэйсон не понял, услышал ли его Эрих. Пол под ногами задрожал. Он содрогался и уходил из-под ног, пока Мэйсон изо всех сил пытался сохранить равновесие. Он почувствовал, как Аласа мягко врезалась в него, а затем они стали стремительно падать в бездну.

Они пролетели совсем немного, а куча мехов спасла от травм. В адской темноте Мэйсон расслышал неровное дыхание девушки. Вытянув руку, он дотронулся до теплого, нежного плеча.

— Ты в порядке? — спросил Мэйсон.

— Думаю, да. Но... Эрих?

Мэйсон выкрикнул имя шумера. Ответа не

последовало.

Зато помещение осветилось.

Они оказались в крошечной камере — метр на два или даже меньше — с металлическими голыми стенами и потолком. Мэйсон встал, стискивая кинжал.

— Хотя Бокии не удалось расправиться с вами, я такой ошибки не допущу. Я умнее, чем мои леопарды.

Голос Нирвор! Серебряной жрицы!

Мэйсон быстро осмотрелся. Невидимая женщина тихо рассмеялась.

— Никто из вас не убежит отсюда. Вы умрете. А Владыка не узнает, что вас убила я. Потому что когда кентавр ест, то не оставляет даже костей.

Даже в такой момент Мэйсон нашел время подумать о том, почему Нирвор стала питать к нему такую ненависть. Потом он вспомнил свои последние слова и то, как отшатнулся, увидев в глазах серебряной жрицы чужеземный ужас. Нирвор тоже помнила — и никак не могла простить это оскорбление.

— Я шла за вами, — продолжал холодный голос, — пока вы не добрались до ловушки над жилищем кентавра. Если Владыка слишком самоуверен, чтобы охранять себя от предательства,

я сделаю это за него. Поскольку Греддар Клон обещал вернуть славу Коринура, находящегося под покровительством Селены, вы, его враги, умрете... сейчас!

Пол резко задрожал. Мэйсон и Аласа снова полетели вниз, приземлившись на подстилку из хрустящей соломы. Они оказались в тускло освещенном помещении, большом, с высоким потолком. На первый взгляд там было пусто, хотя в дальнем углу лежала какая-то большая черная куча.

— Кентавр скоро проснется. Когда увидите его, отдайте дать уважения мастерству Владыки. Потому что кентавр когда-то был жителем Аль Бекра, дураком и убийцей, тело и мозги которого были превращены в зверя наукой Греддара Клона. Его редко кормят. И девы еще реже попадаются в его ловушку. А он еще отчасти человек...

Иронический смех рассеялся в темноте. Мэйсон глянул на побелевшее лицо Аласы.

— Соберись, — перейдя на английский, сказал он, затем продолжал на семитском: — Найди в себе храбрость. Мы еще живы, в конце концов.

Губы девушки побледнели.

— Я все равно боюсь — ведь это магия!

— Я и сам немного волшебник, — пошутил

Мэйсон с уверенностью, которой не чувствовал.

Он заметил, что черная куча в углу зашевелилась, поднялась и медленно вышла на свет...

Археолога охватил ледяной ужас. Кентавр — настоящий, дышащий, живой — стоял прямо перед ним, мифологическое чудовище, оказавшееся в реальном мире. Его создала хирургия Владыки, подумал Мэйсон, но тем не менее не смог подавить отвращение. Создание было просто ужасным!

Тело зверя, темной лошади, было покрыто грязью сверху до низу. Из передней части росло туловище и руки человека, волосатые, с гигантскими мышцами. Голова тоже была человеческой, но тем не менее в ней проглядывалось нечто звериное. Блеклые глаза сияли не разумом, а тупой злобой и ненавистью.

Взгляд кентавра скользнул по Мэйсону и остановился на девушке. В его звериных глазах загорелся огонек. Высунулся длинный слюнявый язык. Раздались нечленораздельные звуки. Чудовище взмахнуло толстыми руками и стало приближаться.

— Держись за мной, — коротко сказал Мэйсон.

В его руке была холодная рукоятка кинжала. Археолог поднял свое оружие.

Остановившись, кентавр посмотрел на человека. Казалось, зверь пригнулся, припал к земле. И потом прыгнул.

Выставив передние копыта перед собой, кентавр полетел вперед с яростным ревом. Когда гигантская туша приземлилась, Мэйсон отчаянно полоснул по ней кинжалом. Он не понял, достиг ли удар цели, поскольку копыто попало ему в голову — удар по касательной оглушил и отбросил его. Обмякнув, Мэйсон упал на кучу соломы.

В глазах заклубилась темнота. Он изо всех сил пытался отогнать ее. Голову охватила ужасная, ослепляющая боль, и когда Мэйсон заставил себя открыть глаза, перед ними все плыло.

В чувства его привел крик Аласы.

Неспособный двигаться, с ослабшими мышцами, Мэйсон беспомощно смотрел на ужас, творившийся перед ним. Человек-зверь держал девушку волосатыми руками. Блеклые глаза жадно уставились на нее. Одна когтистая рука схватила и грубо сорвала с Аласы одежду.

Мэйсон неистово боролся с непреодолимой слабостью, от сильного головокружения его подташнивало. Кентавр безумно захохотал.

Снова раздался крик Аласы — в нем звенели испуг и отчаяние!

Глава V
Безумие кентавра

Чудовищная голова кентавра склонилась, влажные глаза жадно пялились на обнаженную девушку. Она тщетно пыталась вырваться, ее ногти вцепились в лицо существа. Несмотря на то что пошла кровь, кентавр не обращал никакого внимания на свои раны.

Шатаясь, Мэйсон сумел медленно подняться на ноги. Кинжал, поблескивая, лежал рядом на соломе. Нагнувшись, он поднял его и повернулся к человеку-зверю.

Побелевшая Аласа неподвижно лежала в руках кентавра. Чудовище не думало ни о чем другом, кроме девушки. Его глаза блестели и налились кровью. Из разинутой пасти капала слюна. Кентавр не видел, как Мэйсон крадучись подбирался к нему.

Археолог знал, что второго шанса не будет. Бесшумно он подошел к зверю сзади. В последний момент кентавр почуял опасность и начал разворачиваться, грозно взревев.

Мэйсон взмахнул рукой. Кинжал рассек кен-

тавру горло, пройдя через кожу, мясо и хрящи. Мощным потоком хлынула кровь, окатив нагую девушку с головы до пят.

Оглушительно завопив от боли, кентавр бросил Аласу и схватился за разрезанное горло. Потом бросился на Мэйсона.

Тот успел увернуться, хотя летящие копыта зацепили его бок. Когда создание оказалось позади Мэйсона, он вложил все силы в отчаянный прыжок. Приземлившись на спину кентавра и ощутив под собой плоть, твердую как сталь, он вцепился в шею чудовища. Кинжал все еще был у него в руке.

Человек-зверь впал в бешенство. Вопя, он махал руками у себя за спиной, ища добычу.

Когтистые пальцы нашли глаза Мэйсона.

Человек слепо взмахнул кинжалом. Он почувствовал, как летит по воздуху, затем упал на бок и несколько раз перекатился. Мимо прогремели копыта. Покачиваясь, Мэйсон встал... и замер, глядя на чудовище.

Кентавр ослеп. Лезвие кинжала прошло прямо ему по глазам, разрезав их посередине. Лицо зверя заливала кровь. И если прежде он был взбешен, то сейчас в него словно дьявол вселился!

Ослепленный и умирающий, он ревел от ярости

и жажды мести. Копыта неистово месили солому, кентавр носился по своему логову, размахивая огромными ручищами и ища человека, нанесшему ему смертельную рану. Мэйсон увидел, что Аласа лежит рядом. Он рванулся к ней и поднял нагое тело на руки. Пошатываясь, забился в угол, а кентавр пронесся мимо, как паровоз.

Они принялись играть в безумную, фантастическую игру: умирающее чудовище слепо искало добычу, а Мэйсон, с девушкой на руках, то уворачивался, то ждал с сипящим, свистящим и жгущим горло дыханием. Внезапно кентавр успокоился, его окровавленные руки повисли, слепая голова, прислушиваясь, вопросительно поднялась.

Когда девушка на руках Мэйсона простонала и пошевелилась, создание замерло. Услышав стон, оно рванулось...

И упало замертво! Оно все еще катилось по соломе окровавленной бесформенной кучей, могучее сердце зверя замедляло свое биение и в конце концов остановилось. Огромная рана на шее кентавра перестала кровоточить. Он замер, его ужасная жизнь завершилась навечно.

Осознание произошедшего с трудом дошло до Мэйсона. Почти бессознательно он положил

девушку на пол и лег сам, ослабевший, с гудящей головой. Но через секунду собрался с силами и повернулся к Аласе. Она все еще не шевелилась и была белой, как мраморная статуя, а кровь кентавра запятнала ее нежное тело. Она, хотя бы, еще жива?

Мэйсон принялся быстро растирать руки девушки, пытаясь вернуть ее в чувство. Наконец ресницы Аласы поднялись, золотистые глаза, большие и полные ужаса, посмотрели прямо на Мэйсона. Слабо вскрикнув, Аласа прильнула к археологу — уже не королева могучего города, а девушка, перепуганная и совершенно земная. Мэйсон невольно наклонил голову и поцеловал нежную шею и округлые плечи.

Лицо Аласы залил румянец. Она отстранилась и высвободилась.

— Отсюда должен быть выход, — вдруг неуверенно сказал Мэйсон. — Владыке был нужен кентавр, чтобы убивать своих жертв. И в таком случае он бы не стал превращать это место в настоящую тюрьму. Я... я схожу осмотрюсь.

В углу Мэйсон нашел тоненький ручеек, вытекающий из дыры в стене и бегущий по каналу, чтобы исчезнуть в решетке в полу. Там, где начинался ручеек, была наклонная труба, уходившая

вверх, в темноту. Она выглядела не очень гостеприимно, но после долгих поисков Мэйсон понял, что других выходов из логова нет.

— Что думаешь, Аласа? — спросил он.

Девушка посмотрела на него, кивнула и подошла.

— Я пойду первым, — предложил Мэйсон. — Если пролезу я, то и у тебя получится.

Встав на четвереньки, он залез в дыру. Вода была неглубокой — просто ледяной ручеек, тихо журчащий в темноте.

Мэйсон оказался в туннеле — трубе чуть шире его плеч и такой гладкой, что он периодически соскальзывал вниз. Он понял, что если подъем станет круче, то забраться по нему будет просто невозможно. За спиной он слышал тихое неровное дыхание девушки.

Слабый свет, пробивавшийся сзади, становился все тусклее и тусклее и вскоре пропал совсем. Они ползли в кромешной темноте.

Бесконечное путешествие через сердце Аль Бекра! Мэйсона неоднократно охватывало холодное отчаяние, но он знал, что возвращаться бесполезно, возможно, даже смертельно опасно. В логове кентавра они будут предоставлены на милость Нирвор и Владыки, а здесь у них есть

шанс, хотя и очень маленький.

Подъем стал положе. Ползя в темноте, Мэйсон вдруг почувствовал рядом пустоту. Донесся звук падающей воды. Он понял, что в этом месте тоннель разветвляется, разделяясь на две трубы, в одну из которых они свернули.

— Не так быстро, Аласа! Держись за мою ногу...

Они медленно проползли мимо невидимой бездны. Затем снова вперед на кровоточащих локтях и коленях... все дальше и дальше, пока, наконец, слабое зеленоватое свечение не ободрило Мэйсона. Он ускорил передвижение.

На выходе из трубы была установлена металлическая решетка. Мэйсон тщетно подергал ее. Она не поддавалась. Сказав девушке пару слов, Мэйсон собрался с силами и уперся в преграду спиной. Когда он приложил все силы, вены на лбу вздулись от напряжения.

Раздался слабый скрип, но преграда не сдвинулась с места. Мэйсон отдышался и попробовал снова. На этот раз ему удалось открыть металлическую решетку.

Осторожно высунув голову в проем, он осмотрелся. Это была комната, освещенная зеленым светом, пустая, заполненная водопроводными трубами, насосами и какими-то незнакомыми

механизмами. Мэйсон протиснулся через проделанное отверстие и помог выбраться Аласе. Оба насквозь промокли и дрожали от холода.

— Пока все идет неплохо, — мрачно заметил Мэйсон. — Ты знаешь, где мы?

Девушка покачала головой. Из-за влаги темные волосы облепили голые плечи.

— Меня тут все удивляет. Я не знаю, куда нам бежать... или где спрятаться.

— Ну, оставаться тут мы тоже не можем, — проворчал Мэйсон. — Идем.

Он подошел к стене, где был вход в другой тоннель. Озираясь, они вбежали в него. Аль Бекр еще спал, но до пробуждения осталось недолго, подумал Мэйсон. Более того, если на пути окажется один из роботов-охранников, то парализующее оружие Мурдаха их больше не спасет.

Дважды они издалека видели роботов, но оба раза сумели их обойти. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем Мэйсон, быстро идущий по освещенному зеленым светом коридору, услышал приближающиеся шаги. Он резко остановился.

Лицо Аласы опять побелело.

— Что... — прошептала она.

— Минуту назад мы прошли мимо двери, — ти-

хо сказал Мэйсон. — Разворачиваемся!

Они быстро побежали назад. Дверь оказалась незапертой. Распахнув ее, Мэйсон увидел крошечную комнатку, набитую коммутаторами и какой-то аппаратурой.

— Внутрь, — скомандовал он. — Надеюсь, нас не ударит током.

Шаги стали громче. Они втиснулись в каморку, и Мэйсон закрыл дверь. Он собирался оставить тонкую щель для наблюдения за коридором, но дверь захлопнулась со щелчком. В темноте Мэйсон попытался найти щеколду. Ничего подобного не оказалось.

Топот ног стал еще громче, затем резко прекратился, а после стал отдаляться. Щекой Мэйсон чувствовал теплое дыхание Аласы.

— У меня не получается открыть дверь. Мы заперты.

Девушка ничего не ответила, а через секунду бросилась в его объятия, дрожа от холода и страха. От прикосновений ее прохладных рук у Мэйсона пересохло в горле. Он сопротивлялся недолго... затем волна страсти смыла его осторожность. Руки дотронулись до шелковистых волос, он почувствовал нежные губы Аласы. Они были как огонь...

Он притянул к себе девушку. Тихонько всхлипнув, она обвила руками шею Мэйсона. Их губы слились воедино, и когда она потянулась к нему, ее охватила легкая дрожь.

Снова шаги... и еще один звук, который словно током ударил Мэйсона. Тихие, яростные проклятия, произносимые знакомым голосом!

Голосом Эриха!

Девушка тоже услышала его. Невидимая в темноте, она отстранилась.

— Эрих! *Эрих!* — тихо и настойчиво позвал Мэйсон.

Молчание. Затем послышался приглушенный голос шумера.

— А? Кто это?

— Мэйсон и Аласа. Мы здесь...

Дверь распахнулась. Они увидели Эриха, приоткрывшего от удивления рот. Его накидка были исполосована, могучая грудь кровоточила в десятке мест.

— Я нашел вас... слава Эль-лил! Я искал по всему Аль Бекру...

Шумер скинул накидку и отдал ее девушке. Благодарно кивнув, она прикрыла свою наготу.

— Для тебя, Мэй-жон, у меня одежды нет, но скоро ты вернешься в покои. Что с вами стряслось?

Мэйсон рассказал. Шумер шепотом выругался.

— Нирвор — дьявол в женском обличье! Выкрикнув, чтобы я воспользовался оружием Мурдаха, ты спас мне жизнь, Мэй-жон. Оно дало мне достаточно света, чтобы отбиться от леопарда. Я не убил его... но зверю теперь придется долго зализывать раны. — Он неприятно ухмыльнулся. — Теперь слушай, Мэй-жон... и ты, Аласа. Я ходил к Мурдаху. Рассказал ему, что произошло. Он ответил, что вам с ним разговаривать уже некогда. Аль Бекр скоро проснется. Если выживете, — как сказал он, — то вот, что он просил передать. Мы с Аласой должны спрятаться в безопасном месте. А ты, Мэйсон, притворишься, что подчиняешься Владыке. Работай с ним, как он того хочет. Постарайся выведать его секреты. Мурдах знает кое-какие тайны, но этого мало. Потом Мурдах присоединит свои знания к твоим, и вы двое — с моей помощью — может быть, одолеете Греддара Клона.

Мэйсон кивнул.

— Ладно. Хочу сказать — хорошо, Эрих. Говоришь, Аласа будет в безопасности?

— Какое-то время. Я знаю, где в Аль Бекре можно спрятаться. Нам надо спешить, Мэй-жон... — Шумер дал Мэйсону исчерпывающие объясне-

ния, как вернуться в свои покои. — Иди. Быстро. Подчиняйся Владыке, пока я не дам знак.

Аласа подбежала к археологу, в ее золотистых глазах была тревога.

— И береги себя... ради меня, хорошо?

Она подняла бледное лицо, и...

Мэйсон снова поцеловал ее, услышав, как шумер присвистнул от удивления.

— Идем. Сейчас же! — повернувшись к Эриху, властно сказала девушка.

Пожав плечами, Эрих повел Аласу по коридору. На губах Мэйсона еще оставался аромат, оставленный поцелуем девушки, и он, немного улыбаясь, отправился в противоположном направлении.

И скоро нашел свои апартаменты. Робот-охранник все еще стоял у двери и не шелохнулся, когда Мэйсон проскользнул внутрь. Приняв ванну и промыв раны как можно тщательнее, он набросил накидку, которая скроет их от проницательных глаз Владыки. Затем прилег на кучу мехов.

Он поспал, но недолго. Проснулся, когда стоящий рядом робот стал легонько дергать его за руку, заставляя подняться с постели. Мэйсона охватила легкая дрожь. Неужели Владыка узнал

о том, что произошло? Или, может быть, обо всем рассказала Нирвор?

Нет — Серебряная Жрица будет молчать ради своего же блага. Разум подсказал Мэйсону, что Владыка будет беспощаден, если узнает, что Нирвор пыталась убить человека, который может помочь ему. Итак, предположив, что беспокоиться не о чем, археолог в компании робота вошел в помещение с зелеными монолитами.

Владыка полулежал на мехах. Он швырнул Мэйсону фляжку.

— Пей, — пропищал пронзительный голос. — Это не наркотик. Скорее еда, нейтрализующая яды усталости.

Мэйсон сделал глоток. Утомление как рукой сняло.

Владыка ничего не упомянул про побег Аласы, даже если и знал про него, в чем Мэйсон сильно сомневался. Греддар Клон поднялся на кривые ноги.

— Ну, пора приступать!

Работа началась. Она была мучительна и трудна, Мэйсону еще никогда не приходилось шевелить мозгами так быстро, и несмотря на ободряющий эффект жидкости, у него начала ныть голова. Он мог только гадать, в чем за-

ключался смысл его действий. Придерживаясь наставлений Эриха, он пытался запомнить то, что делал сам, и то, чем занимался Греддар Клон.

Следуя указаниям Владыки, он двигал рычаги, крутил колеса и направлял лучи света на огромные машины. Время от времени, под диктовку карлика, он делал ручкой загадочные записи на приборе, формой напоминавшем фотокамеру, в который был вставлен свиток — некая разновидность записной книжки. И пока Мэйсон работал, в его голову начал течь ручеек знаний. Он постепенно стал понимать устройство некоторых механизмов и смысл части способностей Владыки Аль Бекра.

Несколько раз Мэйсон пытался передать карлику предметы и каждый раз натыкался на невидимую преграду — энергетический панцирь, как объяснил Греддар Клон, предохраняющий его от различных опасностей.

— Атомная решетка, защищающая мое тело. Она не мешает мне дышать, но оружие и лучи не могут проникнуть через ее микроскопические ячейки.

Холодные глаза бесстрастно посмотрели на Мэйсона.

Вспомнив копье, отскочившее от невидимой

брони, археолог осознал ее необходимость. И пока они работали, Мэйсон заметил вокруг себя несколько прозрачных яиц, похожих на то, в каком держали Аласу. Они были большими — метров семь в длину.

— Я использую их для перемещения по воздуху, когда мне нужно покинуть Аль Бекр, — объяснил карлик.

Мэйсон также узнал, что давление воздуха внутри яиц можно изменять: увеличивать или уменьшать. Он все запомнил, хотя в то время еще не понимал важности этого устройства.

— Я дал варварам Аль Бекра удобства, о которых они раньше и понятия не имели, — сказал Греддар Клон. — Разумеется, главным образом, я построил город для своих нужд, пока работал над машиной времени. Но у них все это будет и после того, как я исчезну, хотя они не смогут активировать машины. Идем.

Владыка подошел к одному из яиц — семь метров в длину — из матового серебристого металла. Он дотронулся до небольшого стержня, и открылся круглый люк. Проведя Мэйсона внутрь, он вошел следом. Когда Греддар Клон повернулся к пульту управления, археолог начал внимательно наблюдать за его движениями. Корпус корабля

заблестел, потускнел... стал темным и полупрозрачным. Яйцо поднялось в воздух.

Они быстро взмыли ввысь параллельно гигантским колоннам. Между их вершинами была сооружена платформа, куда и сел воздушный корабль. На головокружительной высоте над полом продолжилась работа — Мэйсон делал все возможное, чтобы понять удивительно запутанные настройки и расчеты.

— Все почти закончено. Осталось только одно, — вскоре объявил карлик привычным бесстрастным голосом.

Они были внутри корабля, но теперь Греддар Клон открыл иллюминатор. Он указал на рычаг на платформе, расположенный метрах в трех от них.

— Потяни его на себя. Затем возвращайся — быстро!

Мэйсон подчинился. Возвращаясь к кораблю, он заметил мимолетный взгляд Владыки, странно скрытный и заинтересованный.

— Я улучшил первоначальную конструкцию. Смотри, — сказал карлик.

Бледное сияние белого пламени начало беззвучно распространяться в пространстве между вершинами зеленых башен. Сияющие нити и

щупальца, как лохмотья огромного занавеса, танцевали и порхали, растягиваясь между монолитами. Зеленый свет потускнел, отступил. В белом зареве искаженные тени пугающе маршировали на далеких стенах.

— Прежде мне приходилось выбирать время наугад. Теперь я могу им управлять. Энергия проектора передается кораблю, давая ему возможность перемещаться во времени.

Теперь белый занавес стал сплошным и окружил прозрачное яйцо пылающими стенами. Глаза Мэйсона заболели, пока он любовался этим зрелищем.

Затем, в одно мгновение, пламя исчезло. Все стало выглядеть, как прежде.

— Закончилось, — холодно сказал Греддар Клон. — Эксперимент завершился... и притом удачно. — Он дотронулся до пульта управления. — Впрочем, нужна еще одна проверка. Мы вернемся назад во времени — нужно устроить одну революцию.

Корабль задрожал и закачался. И вдруг опустилась кромешная темнота, в которой непостижимым образом кричала вибрирующая материя!

Глава VI
Ужас в Аль Бекре

Только Мэйсон успел отдышаться, как свет появился снова. Корабль, по-видимому, не сдвинулся с места, но то, что он увидел через прозрачные стены, оказалось совершенно иным.

Они уже не находились в помещении с двумя монолитами. Корабль висел в воздухе на высоте метров семи над крышами странного древнего города. Это был Аль Бекр, каким его знал Мэйсон, но Аль Бекр из более древнего прошлого — еще до прибытия Владыки.

Город из грубо обтесанного камня и покрытых землей крыш, такой город, каким мог быть Вавилон в дни своего величия или халдейский Ур до того, как превратился в руины. Мужчины и женщины не спеша ходили по улицам. Они даже не замечали корабль, зависший над их головами.

— Я доволен, — заметил Владыка. — Я могу точно выбирать нужное мне время. А теперь вернемся.

Опять темнота. И снова она исчезла, чтобы показать помещение с зелеными башнями. Греддар

Клон заставил корабль спуститься к далекому полу.

— Когда вы собираетесь начать? — спросил Мэйсон.

Холодные глаза внимательно посмотрели на него.

— Завтра. Тебе лучше вернуться к себе и хорошенько отдохнуть. Скоро мне понадобится твоя помощь.

Мэйсон повернулся к открывшемуся люку. Мягко спрыгнув, он вошел в туннель. Но что-то во взгляде Владыки заставило его насторожиться. Скрывшись из виду в проходе, он затаился.

Долго ждать не пришлось. Вскоре до него донесся тихий голос.

— Вы посылали за мной, Греддар Клон.

Голос Нирвор, Серебряной Жрицы.

— Все готово. Мы можем начинать прямо сейчас, — отозвался Владыка.

Возникла пауза.

— Мои леопарды. Я должна взять их с собой, — нарушила тишину Нирвор.

Мэйсон вытер лоб. Итак, Греддар Клон задумал предательство. Он собирался вернуться в будущее с Нирвор, оставив Мэйсона здесь. Ну... Мэйсон все равно бы не оставил Аласу. Ему пришла в

голову мысль: а не будет ли так даже лучше? Без Нирвор и Греддара Клона Аласа сможет править Аль Бекром, как прежде.

А что потом? Мэйсон окажется навечно заперт в давным-давно забытом отрезке времени вместе с Мурдахом — человеком из будущего. Вероятно, тот сможет помочь. К тому же, Мэйсону приказали подчиняться Владыке, пока шумер не подаст знак, но случилось непредвиденное.

Если бы он только смог найти Эриха! Но где его искать? Мэйсон, уже собиравшийся уйти, остановился, услышав, что Нирвор возвращается. Он осторожно двигался вперед, слушая легкий смех жрицы, пока не увидел ее. Она шла к кораблю-машине времени, два леопарда беззвучно ступали за ней. Нирвор поднялась на борт. Леопарды легко запрыгнули в люк. Греддар Клон последовал за ними.

Что дальше? Нерешительность сковала движения Мэйсона. Первой мыслью было остановить Владыку, по возможности убив. Но как? Оружие, сделанное человеком, не может пробить атомный щит. А еще и леопарды...

Проблема решилась сама собой. Корабль внезапно стал матовой мерцающей овальной тенью, которая начала быстро пропадать и вскоре ис-

чезла совсем.

Куда делся корабль времени, было неизвестно. Наверное, отправился в невероятное путешествие сквозь время.

Чья-то рука схватила Мэйсона за плечо. Он резко развернулся и увидел Эриха.

— Меня послал Мурдах, — сказал шумер. — Владыка исчез, да?

Не сказав ни слова, Мэйсон кивнул. Шумер внезапно заулыбался.

— Хорошо! Именно этого и хотел Мурдах. Он послал меня приглядывать за тобой, чтобы ты не сделал ничего необдуманного. Предупреждать тебя было некогда. Пошли со мной. Я освободил Мурдаха с помощью его магического оружия. Он сейчас с Аласой.

Шагая за шумером по коридору, Мэйсон почувствовал, как участился его пульс. Роботов не было видно и Мэйсона заинтересовало, что они будут делать теперь, когда нет Владыки, чтобы ими управлять.

И скоро он получил ответ на свой вопрос, причем не в очень приятной форме. У него не было никаких предчувствий на этот счет, когда он остановился рядом с Эрихом у металлической двери и затем зашел внутрь следом за шуме-

ром. В пустой комнате стояли двое — Аласа и худой человек аристократического вида с орлиным лицом, который, как понял Мэйсон, и был Мурдахом. Человек из будущего носил остатки порванной кожаной униформы. Его лоб, высокий и широкий, не имел выпуклого образования, как у Греддара Клона. Рыжие волосы жестко торчали, но от бровей и ресниц не осталось и следа.

— Ты привел его. Хорошо, — сказал Мурдах мягким, бархатистым голосом.

Загадочные черные глаза сосредоточенно посмотрели на Мэйсона.

— Греддар Клон исчез, — нахмурившись, сказал археолог. — Вы знаете об этом?

— Да. И это нам только на руку. Он убрался с нашей дороги, пока мы размышляем, как последовать за ним.

От такого дерзкого плана глаза Мэйсона расширились.

— Вы не знаете, что задумал Греддар Клон, — продолжал Мурдах. — Он намеревается стать правителем величайшей цивилизации, когда-либо существовавшей на Земле. Космический пират, путешествующий сквозь время, собирающий лучшие умы и самые мощные технические достижения всех времен и народов. Он рассказал

мне об этом и попросил помощи. Мэйсон — тебя же так зовут, да? — он хочет построить цивилизацию в том секторе времени, который не сможет оказать большого сопротивления. Он выбрал твое столетие.

У Мэйсона перехватило дыхание.

— Он же не...

— У него есть могущество и корабль времени. Когда он разграбит время, то остановится в тысяча девятьсот двадцать девятом году, уничтожит человечество, обратив несколько народов в рабство, и начнет строить свою цивилизацию. Мой план состоит в том, чтобы построить еще одну машину времени... и убить его. Поможешь мне?

— Тут и обсуждать нечего! — кивнул Мэйсон.

В сознании археолога всплыла кошмарная картина мира, в котором время теряет свое значение, мира, съеживающегося под ужасными ударами Греддара Клона. Он сделал глубокий вдох.

— Вы можете построить корабль времени?

— С вашей помощью. Вот почему я сказал вам, чтобы вы хорошенько запоминали, что делает Владыка. Сотрудничая, мы сможем сложить все части мозаики воедино.

Аласа положила изящную руку на плечо Мэйсона.

— Я, разумеется, иду с тобой.

— Тебе нельзя, — ответил Мэйсон. — Нас будет подстерегать опасность.

Она властно подняла голову.

— И что с того? Греддар Клон опозорил меня — поработил меня и убил моих подданных. К тому же, ты спас меня, а я возвращаю долги. Я пойду с тобой!

— Я тоже, — вмешался шумер. — Хочу испробовать ятаган на шее Владыки, когда магия перестанет его защищать.

— Хватит спорить, — сказал Мурдах. — Пусть идут с нами, если хотят. Они ненавидят Греддара Клона... а ненависть иногда очень мощное оружие.

Он пошел к двери, остальные последовали за ним. Мэйсон взял девушку за руку, успокаивающе пожал ее. Ее золотистые глаза радужно посмеивались. Возможно, они идут навстречу смертельной опасности... но отваги Аласе было не занимать.

В помещении с зелеными монолитами ничего не изменилось. Мурдах быстро обошел все углы, а его проницательные черные глаза тем временем внимательно осмотрели все, что там находилось. Он показал на семиметровое яйцо неподалеку.

— Мы можем использовать его, как основу для корабля времени, — сказал Мурдах. — Но для начала необходимо создать атомную реакцию, которую использовал Греддар Клон. Помнишь, что он делал с лучевым устройством?

Мэйсон объяснил так хорошо, как только смог. Довольно кивнув, Мурдах быстро отрегулировал что-то. Медленно, постепенно разум человека из будущего воссоздавал опыты Владыки. Мэйсон стал чувствовать, как внутри него зарождается надежда.

Он стоял под одним из монолитов, объясняя Мурдаху, как работает пульт управления, когда девушка предупреждающе закричала. Мэйсон резко развернулся. Из туннеля выбежали два робота, фасеточные глаза которых горели, а руки-щупальца беспорядочно извивались. Они направились к людям, находящимся у башен времени.

Мурдах быстро достал яйцевидное оружие. Из него вылетел луч, с фантастической быстротой остановивший роботов. Они замерли как вкопанные. Но из прохода раздался топот тяжелых ног.

Мурдах закусил губу.

— Я боялся этого... — прошептал он. — Греддар Клон предвидел, что мы можем за ним после-

довать. Прежде чем покинуть это место, он приказал роботам убить нас. Сомневаюсь, что теперь у нас есть время.

— Время? — отозвался шумер, в чьих глаза горела жажда боя.

Наклонившись, он схватил огромный молот.

— Отдай свое оружие Аласе, Мурдах. Вы с Мэйжоном закончите начатое. А мы задержим этих демонов!

Взяв излучатель, Аласа побежала ко входу в туннель. Эрих за ней. Мурдах мрачно улыбнулся.

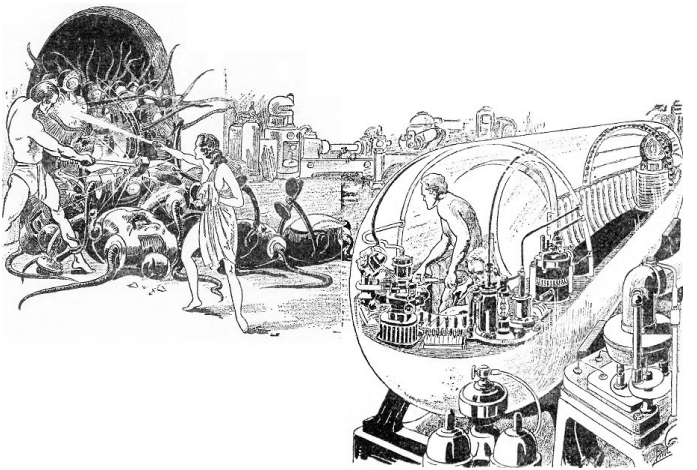
— Давай попробуем. В конце концов, может, у нас еще есть шанс.

Нахмурившись, Мэйсон повертел головой в поисках оружия. Человек из будущего схватил его за руку.

— Лучшее, что ты можешь сделать — помочь мне. Всем нам нет смысла сражаться с роботами. Только если закончим работу над кораблем времени, у нас будет возможность спастись.

В поле зрения появился металлический человек, безмолвный и угрожающий. Излучатель в руках Аласы остановил его. Но там были другие — целые сотни, с нетерпением ломящиеся вперед. С некоторыми расправилась девушка. Другие пали жертвами Эриха.

Шумер выкрикивал грязные проклятия. Молот поднимался и опускался размашистыми, сокрушающими ударами, вбивая металлические головы роботов в плечи. Но двое людей медленно, неумолимо отступали.



Пальцы Мурдаха метались, настраивали, проверяли. Мэйсон глянул на сражающуюся с роботами пару и обомлел, а дыхание просвистело сквозь зубы, когда Эрих упал от удара металлического щупальца. Археолог подскочил к нему. Девушка могла задержать роботов на секунду — но не дольше.

Обойдя тело шумера, Мэйсон схватил молот. Он увидел безликую голову робота, надвигающегося на него. Щупальце замахнулось, яростное и смертоносное. Мэйсон описал молотом большую дугу.

От удара металл зазвенел. Робот отшатнулся и упал. Но его место заняли другие. Эрих вскочил, сплюнув кровь.

— Молот, Мэй-жон! Дай мне...

— Сюда! Все готово! — раздался позади громкий крик Мурдаха.

Схватив Аласу за руку, Мэйсон побежал к Мурдаху, практически таща девушку за собой. Эрих ликующе что-то выкрикнул, а затем понесся к кораблю. Роботы продолжили погоню, глухо стуча быстрыми ногами.

Мурдах ждал у люка. Он вернулся внутрь после того, как Мэйсон помог девушке попасть на борт и вместе с Эрихом залез следом. Когда роботы добрались до яйца, люк с лязгом захлопнулся. С бесчувственной, бессердечной яростью они начали колотить по металлическому корпусу.

Побелевший Мурдах повернулся к пульту управления и поднял корабль в воздух. Затем осторожно посадил его на платформу у вершины монолитов.

— Вот этот рычаг? — спросил он, указывая рукой. — Ты двигал его?

Мэйсон кивнул.

— Может быть, я...

— Да.

Открыв люк, археолог выскользнул. Взглянув с края платформы, он увидел роботов, бесцельно толпящихся внизу. Потом потянул рычаг и бегом вернулся в корабль.

Четверка ждала, затаив дыхание. Вскоре из башен появилось белое пламя. Оно беззвучно растягивалось, кружась и переплетаясь, пока не создало вокруг стены из бледного пламени.

И вдруг погасло.

Секунду все молчали.

— Думаешь, это сработает? — неуверенно спросил Мэйсон.

— Должно!

Но голос Мурдаха был, мягко говоря, неуверенный. Тем не менее он повернулся к пульту управления и проделал какие-то манипуляции. Хотя Мэйсон и ожидал этого, но все равно содрогнулся, когда их окутала темнота.

Затем тьма исчезла. Корабль висел над зеленым оазисом, где вокруг водоема росли пальмы. В безоблачном голубом небе ослепительно сияло

солнце. На многие километры во все стороны простиралась безжизненная пустыня из песка и камня.

— Легенды говорят, что когда-то, давным-давно, Аль Бекр выглядел именно так, — прошептала Аласа.

— В мое время тут не было оазиса, — сказал Мэйсон. — Мы попали в еще более далекое прошлое.

— Значит, вернемся в будущее, — с улыбкой ответил Мурдах, а его глаза перестали быть мрачными и холодными. — Мы можем выбрать любое время.

— О, боги! — хрипло воскликнул шумер. — Это же настоящая магия!

Девушка коснулась руки Мурдаха.

— А что будет с моим народом? Роботы же убьют людей!

— Нет. Запасы энергии нужно периодически обновлять, иначе жизнь их покинет и они замрут. Без Греддара Клона это случится уже скоро — они потеряют жизненные силы. Твоим людям ничто не угрожает, Аласа.

— В отличие от моей эпохи, — проворчал Мэйсон.

Он начинал понимать, какая невероятная задача лежит перед ними. Как они найдут Греддара

Клона в огромном пространстве времени... и, если им все-таки удастся это сделать, как можно одолеть сверхразвитую науку Владыки, усиленную, возможно, технологиями десятка цивилизаций будущего?

— Я с легкостью найду Греддара Клона. Его корабль вызвал искривление в пространственно—временном континууме, которое могут засечь приборы. Но что касается борьбы с ним — сначала я бы хотел получить какую-нибудь помощь. Лучшая возможность для этого лежит в будущем. Там обязательно должно существовать какое-нибудь оружие, способное уничтожить Владыку! — словно прочитав мысли Мэйсона, сказал Мурдах.

Он дотронулся до пульта управления. Темнота снова накрыла корабль. Мэйсон почувствовал, как нежное тело девушки прижалось к нему, и покровительственно приобнял ее. Шумер тихо и часто ругался.

А корабль мчался сквозь время в загадочные сумерки земной цивилизации, слепо двигаясь навстречу тайнам и непостижимому ужасу!

Глава VII
В бездне времени

Появился свет. Они висели в нескольких сотнях метров над мрачными черными водами моря, тянущегося до самого горизонта. Земли нигде не было видно. В черном, усыпанном звездами, небе висел невероятно огромный шар тусклого серебра. Он закрывал по меньшей мере треть небосвода.

— Луна — близко, Мурдах, очень близко! Как далеко в будущем мы оказались? — озадаченно спросил Мэйсон.

Лицо Мурдаха побелело. Он посмотрел на приборы, неуверенно вытянул руку, затем отдернул ее.

— Что-то не так. Я не знаю что...

— Не так?! — шумер проворчал проклятие. — Ты же сказал, что отладил эту адскую колесницу!

— Я... я думал, что да. Но тут все слишком сложно — Греддар Клон прибыл из более развитого мира, чем мой.

— Мы тут... — Мэйсон почувствовал странный холод, задавая этот вопрос. — Мы тут случайно

не застряли?

Губы Мурдаха сжались. Схватив рычаг, он двинул его на себя. Его тонкие пальцы станцевали на пульте управления. Ничего не произошло.

— По крайней мере, пока, — наконец сказал он. — У меня не получается отправить корабль в другое время. Но скоро я выясню, в чем причина, ну, по крайней мере, я так считаю.

Аласа улыбнулась, хотя ее глаза были испуганными золотистыми омутами.

— Тогда делай, что можешь, Мурдах. Чем быстрее ты добьешься успеха, тем быстрее мы доберемся до Владыки.

— Нет, нет, — нетерпеливо ответил Мурдах. — Мы в любом случае найдем его в определенный момент времени. Когда мы начнем: сейчас, завтра или через пятьдесят лет, не имеет никакого значения.

— Пятьдесят лет! — Хищное лицо Эриха выглядело обеспокоенным. — А тем временем — чем мы будем жить? Что будем есть?

Через десять часов этот вопрос возник снова. Мурдах и Мэйсон были изможденными, с покрасневшими от расчетов и изучения принципов работы корабля времени глазами.

— Я не знаю, сколько это продлится. Нам лучше

поискать еду. Мы зря не взяли ничего с собой.

— Где? — спросил шумер и выразительно посмотрел на мрачное, пустынное море, раскинувшееся внизу, и луну, заполнившую небо. — Думаю, Кан, богиня северян, захватила весь мир. Богиня океана...

— Где-то должна быть земля, — весьма безнадежным голосом сказал Мэйсон, когда Мурдах направил корабль рассекать воздух. — Только нужно улететь подальше.

До берега оказалось совсем недалеко — до плоской безжизненной равнины песочно-серой земли, превращенной в горизонтальное однообразие непрекращающимися воздействиями воды и ветра. Гор было не видно. Только удручающе однообразная земля, уходящая к темному горизонту. И жизни там не было. Ни животных, ни растений — лишь холодная, кажущаяся бесконечной, пустота. Пугающее одиночество пейзажа вызвало у Мэйсона легкую дрожь.

— Это конец? — тихо поинтересовался он вслух. — Конец Земли?

Чувствуя его настроение, но не понимая причин такого сильного отчаяния, Аласа придвинулась ближе и сжала его руку тонкими пальчиками.

— Мы найдем еду, — сказала она. — Где-ни-

будь.

— По крайней мере, нам не нужно беспокоиться о воде, — проворчал он. — Мы легко можем дистиллировать ее тут. И тут...

— Эй! — указывая, прокричал Эрих, а его глаза загорелись. — Люди... видите? Там...

Под ними, чуть левее парящего корабля, в равнине зияла огромная зазубренная расщелина. В ней было движение, жизнь — едва заметные фигуры, копошащиеся в неменяющихся серебристых сумерках умирающей Земли.

— Люди? — прошептал Мурдах. — Нет.

Это оказались не совсем люди. Когда корабль опустился ниже, Мэйсон смог разглядеть странных созданий. В целом антропоморфных, но в людях умирающего мира также было что-то пугающе чуждое.

— Думаете, нам стоит сесть? — спросил Мурдах.

— Можно попробовать, — кивнул Мэйсон. — Если они проявят враждебность, мы успеем убраться.

С едва заметным толчком корабль опустился на грунт рядом с огромной расщелиной. Среди существ стало заметно смятение. Они отступили в торопливой суматохе, затем группа из четырех

удивительных созданий медленно подошла к кораблю. Мэйсон внимательно рассмотрел их через прозрачный корпус.

Они были метра два с половиной ростом и обладали набором щупалец, быстро двигавших их вперед. Из толстого, раздутого туловища торчали другие щупальца. Маленькую круглую безликую голову, — можно сказать, гладкий шар — покрывали поблескивающие чешуйки. Тела обтягивала бледная, розоватая кожа, совсем не похожая на человеческую.

— Это растения! — воскликнул Мурдах.

Люди-растения! Удивительный народ этого потерянного временного отрезка! Эволюция вечно пытается усовершенствовать все формы жизни, чтобы максимально адаптировать их к окружающей среде. Мэйсон знал, что когда-то, давным-давно, деревьям не нужно было перемещаться, поскольку почва непрерывно поставляла им питательные вещества. Много тысячелетий спустя, она, возможно, истощилась, корни и ветки медленно вытягивались, стремясь утолить голод. Затем появилось первое дерево, способное двигаться. Этот мутант дал жизнь и другим. И теперь Мэйсон увидел свободных от оков времени людей-растений и поборол беспричинный страх,

возникший при их виде.

— Прислушайтесь! Мне кажется, они что-то говорят...

— Говорят?

— Мысленно. Они обрели способность к телепатии. Разве вы не чувствуете некое сообщение?

— Чувствую, — вмешалась Аласа. — Им любопытно. Хотят знать, кто мы такие.

— Не думаю, что они опасны, — кивнул Мэйсон.

Открыв люк, он вышел в разреженный, ледяной воздух. Его пронизал холодный ветер. По людям-растениям пробежала небольшая волна паники. Они отступили. Мэйсон поднял руку, держа ее раскрытой ладонью от себя, в качестве древнейшего жеста мира.

— Кто вы? Вы не Бессмертные? — получил он беззвучное сообщение.

— Мы друзья. Нам нужна пища... — растерявшись, ответил Мэйсон вслух.

Существ опять охватило смятение. Они отступили еще дальше. Но одно не сдвинулось с места, его слепая поблескивающая голова повернулась к человеку, а щупальца свободно повисли.

— Пища? Какая пища?

Видимо, они прочитали мысли Мэйсона.

— Любая, которой вы можете поделиться. То, что едите вы... — осознавая, что ступил на опасную почву, сказал он.

— Кто вы?

— Мы прибыли из прошлого, — ответил Мэйсон наугад.

Поймут ли они это?

— Вы не Бессмертные?

— Нет.

Мэйсон догадался, что Бессмертные, кем бы те ни были, являются врагами людей-растений. И его ответ, кажется, убедил этих существ.

Они посовещались, и их представитель вышел вперед.

— Мы дадим вам еду, какую сможем. Мы — горихенцы, — принял мысленное сообщение человека-растения Мэйсон.

Он почувствовал, что теперь в сознании существа было больше уверенности.

— Однако вы должны торопиться. Скоро нагрянет Волна...

Озадаченно, Мэйсон кивнул.

— Тогда принесите еду, которой можете поделиться.

— Это вы должны пойти с нами. Мы не можем вынести пищу на поверхность.

Обдумав эти слова, Мэйсон посмотрел на корабль.

— Как далеко мне придется идти?

— Тут близко.

— Хорошо, подождите минуту.

Он вернулся к остальным и рассказал в чем дело.

— Не нравится мне все это, — покачал головой Мурдах.

— Они кажутся довольно безобидными. Я не боюсь их. Скорее, наоборот. Они будут рады увидеть последних из нас. Еще они до смерти бояться каких-то существ, которых называют Бессмертными, и думают, что мы каким-то образом с ними связаны.

— Ну... — Мурдах почесал длинный подбородок. — Если ты скоро не вернешься, мы пойдем за тобой.

Улыбнувшись Аласе, Мэйсон выпрыгнул из люка и подошел к горихенцам.

— Я готов, — сказал он. — Давайте выдвигаться.

Держась на безопасном расстоянии от человека, разумные растения привели его к краю огромной расщелины в земле. Вглубь вела наклонная лестница. Несколько горихенцев начали

быстро спускаться по ней, и Мэйсон пошел за ними, но более осмотрительно.

Стало темнее. Метрах в тридцати от поверхности ущелье достигло дна, покрытого илом, в котором вязли ноги Мэйсона. Горихенец привел его к круглому трехметровому металлическому диску, торчащему из земли. Один из людей-растений повозился с диском розоватыми щупальцами, и металл беззвучно отъехал вбок, открыв тускло освещенное пространство внизу.

Туда вела еще одна лестница. Спустившись по ней, Мэйсон оказался в наклонном коридоре, вырезанном из камня и уходящем в туманную даль. Человек-растение показал, что надо идти дальше.

— Сколько еще? — спросил Мэйсон.

— Уже скоро.

Но прошло еще как минимум полчаса, прежде чем горихенец остановился перед блестящей дверью в конце прохода. Она открылась, за ней Мэйсон увидел огромную сверкающую пещеру, откуда подуло влажной жарой. В лицо ударил сильный мускусный запах.

— Мы тут питаемся, — сказал Мэйсону один из горихенцев. — Видишь?

Невдалеке был длинный ряд плоских открытых

резервуаров, установленных в каменном полу. Сверху их нагревали какие-то излучатели. В ваннах пенилась черная маслянистая жидкость. Пока Мэйсон рассматривал это, один горихенец, пройдя на щупальцах, опустился в резервуар. Сел там и замер.

— Лучи огромных ламп над головой дают нам силы, — сказал горихенец Мэйсону при помощи мысленного послания. — В ямах находится пища, как созданная искусственно, так и выкопанная из шахт, растворенная в жидкости, помогающей преобразовывать хлорофилл.

Объяснение было весьма логичным.

Мэйсон все понял. Растительная пища, впитываемая корнями, и излучение огромных светильников в потолке пещеры как замена солнечной радиации, ослабевающей вместе с неизбежным охлаждением Солнечной системы. Но такая пища была бесполезна для людей.

Мэйсон так и сказал. Одни из горихенцев тронул его кончиком мягкого щупальца.

— Это неважно.

— Что? — Его охватило леденящее душу подозрение, и он быстро глянул на гладкие, блестящие головы людей-растений. — Что вы хотите сказать?

— Вы нужны нам для экспериментов, только и всего.

— Черта с два! — прорычал Мэйсон и нанес удар.

Его кулак выстрелил и врезался в тело одного из горихенцев. Плоть того оказалась отвратительно мягкой, напоминающей гриб. Влажная податливая субстанция облепила руку Мэйсона. Горихенец, с дырой в туловище, остановился на секунду, а затем снова подался вперед, видимо, ничуть не пострадав от удара. Размахивая щупальцами, остальные тоже начали наступать.

Драка оказалась короткой. Мэйсон ожесточился от ярости и отчаяния, но против превосходящего числа противников у него не было шансов. Так что в конце концов его повалили и, все еще отбивающегося, связали гибкими металлическими тросиками. Потом люди-растения отступили, и Мэйсон увидел то, от чего у него во рту мгновенно пересохло от ужаса.

Группа горихенцев затащила в пещеру человека — Аласу, связанную и безмолвную, растрепанные локоны ее вьющихся бронзовых волос закрывали бледное лицо.

— Кент! — закричала она, увидев Мэйсона. — Они напали на нас, как только ты ушел! Думаю,

они убили Эриха. Они...

— Ты в порядке? — пытаясь восстановить дыхание, спросил Мэйсон. — Ты цела?

— Да, — кивнула он. — Но Мурдах увел корабль.

Горихенцы молча ждали.

— Мурдах сумел сбежать?

Внутри Мэйсона зародился проблеск надежды. Аласа, казалось, прочитала его мысли.

— Он не сможет помочь. Мы же под океаном. Эти демоны утащили меня под землю, когда на востоке появилась волна.

Теперь Мэйсон понял, почему люди-растения жили под землей. Близость Луны вызывала колоссальные приливные волны, без устали омывающие поверхность планеты. Сейчас они были глубоко под водой... и будут здесь до тех пор, пока прилив не отступит.

Мэйсон скорчил гримасу. Он тщетно попытался высвободиться. Один из горихенцев подошел к нему. Его мысленное сообщение было вполне понятным:

— Мы не держим на вас зла. Вы говорите, что вы не Бессмертные — наши заклятые враги. Тем не менее вы очень похожи на них. Мы столетиями пытались найти способ победить Бессмертных,

но нам так и не удалось. У нас не получается захватить их, поэтому мы не можем проводить на них эксперименты. Но вы... если мы узнаем, как сразить вас, то сможем использовать это против Бессмертных. Кое-что мы уже выведали. Сталь бесполезна, как и ядовитые газы. Но определенные сочетания лучей...

Создание замолкло. Его щупальца сделали какой-то жест, двух пленников подняли и потащили к стеклянному блоку, возвышающемуся неподалеку. В нем открылась дверь. Мэйсона запихнули вовнутрь. Ругаясь, он пытался освободиться от пут, пока люди-растения возвращались за Аласой. Перекатившись на бок, он стал смотреть через прозрачные стены. И увидев, что происходит, похолодел от ужаса.

Для горихенцев двое человек были лишь подопытными кроликами, ценными только как материал для экспериментов. Они затащили Аласу на каменный блок, похожий на алтарь. Она тщетно боролась.

Щупальца чудовищ протянулись и проворно сняли с девушки всю одежду. Она лежала полностью обнаженная, прикованная к каменному блоку так, что едва могла пошевелиться. Горихенец направил излучатель на цель. Из него

вырвался бледный луч, окутавший тело Аласы сверкающим лунным блеском.

Она потеряла сознание, по крайней мере, Мэйсону так показалось. Еще секунду было видно луч, затем его выключили. Быстро двигая щупальцами, люди-растения отвязали девушку, подтащили ее к тюрьме Мэйсона и занесли внутрь. За стеклянными стенами они казались бесформенными массами, а их гладкие блестящие головы наклонились вперед, словно сосредоточенно смотрели на результат эксперимента.

Выругавшись, Мэйсон опять попробовал освободиться. Еще одна бесполезная попытка! Неподдающийся металл лишь натирал запястья, и вскоре археолог замер, чтобы взглянуть на девушку. Она приходила в себя.

Простонав, Аласа подняла тонкую руку, чтобы смахнуть бронзовые волосы с лица. Она медленно открыла глаза. В них был слепой страх, от которого у Мэйсона перехватило дух и пересохло во рту.

Девушка поднялась на четвереньки. Ее взгляд вопросительно обошел тюрьму. Она увидела Мэйсона.

Молча подползла вперед. Лицо и грудь сильно покраснели, а испуганные глаза расширились.

— Аласа! — крикнул Мэйсон. — *Аласа!*

Ответа не последовало. Обнаженная девушка подползла к нему... и остановилась. Она встала.

Ее грудь быстро поднялась и опустилась. С губ сорвался резкий крик.

Затем она внезапно набросилась на Мэйсона.

Это застало его врасплох. Он почувствовал, как обжигающе горячее, нежное тело прижалось к его лицу, а оскалившиеся зубы Аласы злобно сверкнули. Что за безумие сотворил адский луч горихенцев?

Мэйсон откатился, едва успев увернуться от зубов Аласы, целившихся в его горло. Ногти впились ему в лицо. Затем Аласа прыгнула во второй раз, с горящими глазами...

— Боже всемогущий! — завопил Мэйсон.

Неужели ему придется убить Аласу, чтобы избежать смерти? Он прогнал эту мысль из головы, ибо знал, что не сможет причинить ей вред, даже если она совершенно потеряет рассудок. Тем не менее, для ее же безопасности, ему придется как-то утихомирить ее. Но, будучи связанным, шансов на это у него почти не было.

— Аласа! — Мэйсон опять попытался достучаться до нее.

Девушка не обратила внимание. Ее тело бле-

стело от пота, она снова кинулась на археолога, царапая и ища зубами горло. Он попытался перекатиться, но не смог.

Острая боль пронзила шею. Он ощутил теплую, липкую кровь, текущую по коже.

Причиняя ужасную боль, зубы девушки впивались все глубже...

Глава VIII
Бессмертные

Смутно, через красный туман, Мэйсон понял, что вес девушки больше не давит на него. Два человека-растения держали ее извивающееся тело щупальцами и тащили к выходу. С ее губ стекала кровь. Пытаясь вырваться, она боролась, не издавая ни звука.

Горихенцы вытащили ее наружу. И тут Мэйсон увидел, как ее тело внезапно обмякло, и она потеряла сознание. Его сердце сжалось. Неужели Аласа... умерла?

Люди-растения подумали о том же. Щупальца беспокойно зашевелились. Опустив девушку на пол, они внимательно осмотрели ее. Аласа шевельнула рукой, и это успокоило Мэйсона. Затем она вяло попыталась встать на ноги.

Горихенцы подтащили ее обратно к тюрьме Мэйсона и затолкнули внутрь. Дверь снова захлопнулась.

Аласа подбежала к археологу.

— Кент! Что стряслось?

— Ты...

Мэйсон замялся. В глазах девушки он прочел, что она ничего не помнит о своем ужасном нападении. Безумие, насланное на нее людьми-растениями, стерлось из ее памяти.

— Ничего особенного, — закончил он. — Аласа, можешь развязать меня?

Наклонившись, она стала возиться с металлическими веревками. Неужели горихенцы разрешат ей развязать археолога.

Наконец она справилась с задачей. Поднявшись на ноги, Мэйсон размял ноги, чтобы восстановить циркуляцию крови. Быстро подойдя к двери, пару раз пнул ее.

Люди-растения, казалось, просто с интересом смотрели на них.

Мэйсон снова ударил стекло ногой, но оно не разбилось. Он врезался в него плечом, но лишь заработал синяк. В клетке не было ничего, что Мэйсон мог бы использовать как оружие.

Крик Аласы заставил его обернуться. Она указывала на угол клетки, где стены соединялись с потолком. В тюрьму начала проникать зеленовато-белая струйка газа, зловеще закручиваясь в спокойном воздухе.

Мэйсона охватил страх. Подбежав к углу, он попытался дотянуться до клапана. Если бы только

он смог заткнуть его чем-нибудь... но дотянуться у него не получилось. Поставленный в тупик, он отступил к двери и возобновил атаку на нее.

Но материал, более прочный, чем сталь, не поддавался. Мэйсон прекратил биться в стекло только тогда, когда уже не мог разглядеть его через сгущающуюся зеленоватую дымку. Аласа тронула его за руку.

— Кент? Что происходит?

— Не знаю, — медленно ответил он. — Они проводят на нас эксперименты. Что они ожидают... ну, я просто не знаю. Может быть, это убьет нас. Если да, то, надеюсь, это произойдет быстро.

Тихонько вскрикнув, Аласа подошла к Мэйсону, и он обнял ее обеими руками. Она уткнулась лицом в его плечо, и какое-то время они так и стояли, пока зеленоватая дымка все сгущалась и уплотнялась...

Наступил момент, когда Мэйсон полностью ослеп. Как ни странно, с дыханием проблем не возникло. Наступило легкое возбуждение, что было, как он подумал, следствием наличия в странном газе кислорода, но это не причиняло неудобств. Возможно, газ — предположительно, экспериментальный — не оказывал вообще никакого воздействия на людей.

Мэйсон медленно опустился на пол, не выпуская девушку из рук. Они ждали, пребывая в ослепляющей изумрудной пустоте, и Мэйсон утешал и успокаивал Аласу как только мог. Несмотря ни на что, пульс его участился от близости теплого, нежного тела девушки. Странный газ, как он уже понял, вызывал возбуждение, но, кроме того, Мэйсон почувствовал, что внутри него зарождается безумие. И Аласа тоже подверглась отравляющему эффекту. Ее руки стали зарываться в волосы Мэйсона. В зеленом тумане она опускала его голову, пока их губы не соприкоснулись. Пламя темной страсти вспыхнуло внутри Мэйсона...

Отчаянными усилиями он погасил его. Хриплое, неровное дыхание девушки смешалось с его собственным. Пальцы археолога дотронулись до шелковистой гладкости приятных округлостей тела Аласы, и прикосновение обожгло его кожу. Вдруг, ни с того ни с сего, его мышцы обмякли.

— Аласа! — прошептал он. — Аласа!

Подхваченный волной вновь обретенных сил, он прижал тело девушки к себе и нашел ее губы... В его голове промелькнули фантастические картины. Странное безумие отравляющего газа людей-растений...

Мэйсону показалось, что Аласа ускользнула и исчезла в зеленой бездне. Ее больше не было. Он остался один. Вокруг него кружили клубы газа, он расслышал какой-то далекий стук, постепенно становящийся все громче и громче. Той частью мозга, которая еще могла мыслить здраво, он знал, что звук был ненастоящим — галлюцинацией, вызванной наркотическим газом, но глухой стук, тем временем, уже грохотал в ушах, а в изумрудной дымке медленно зашевелились размытые тени. Они становились все четче и четче... Ужасы с крыльями летучих мышей, пролетая мимо Мэйсона, насмехались и мерзко хохотали... нескончаемый стук продолжал набирать громкость, превращаясь в демонический набат, от которого раскалывалась голова...

Зеленая дымка стала крутиться быстрее. Это был уже вихрь хаотического ослепительного сияния. Дьяволы танцевали гротескную сарабанду, распевая издевательские песни.

Это представление выросло до пугающего крещендо звуков и движений, которое выводило из равновесия его истерзанные чувства. Он ощутил, как темнота окружает и уносит его.

И был очень признателен тому, что наконец-то потерял сознание!

Мэйсон медленно очнулся и тут же почувствовал ослепляющую головную боль и резкий, неприятный вкус во рту. Подняв веки, он увидел прозрачный потолок своей тюрьмы. Он все еще был в хрустальной клетке, но зеленый газ был выкачан. Неподвижное тело Аласы лежало рядом с ним. С кружащейся головой Мэйсон попытался оживить ее. Сняв с себя накидку, он завернул девушку в нее...

Скрежет над головой заставил его взглянуть вверх. Потолок клетки разъехался в стороны, оставив метровой ширины проем во всю длину тюрьмы. Люди-растения работали краном, поднимая груз — загадочный металлический блок — так, чтобы его можно было сбросить в клетку с двумя людьми. Но внезапно процедура прервалась.

Горихенцы засуетились с бешеной быстротой. Мэйсон не мог понять их мысли, но почувствовал внезапную смертельную угрозу. С невероятной скоростью они побежали по коридору, ведущему в верхний мир.

— Бессмертные! Они прорвались через врата... — донесся до Мэйсона обрывок их «разговора».

Через пять минут пещера опустела. Лучшей возможности для побега у них не будет. Мэйсон

еще раз глянул наверх. Они не смогут залезть по гладким стенам клетки. Но над проемом в крыше на стреле крана висел металлический блок, до которого было слишком далеко... однако, если...

Веревка? На Мэйсоне осталась только набедренная повязка, что дал ему Эрих в Аль Бекре, но ни она, ни накидка не выдержат его вес. Его взгляд упал на проволоку, когда-то связывавшую его, а теперь лежащую кучей на полу, и Мэйсон понял, что решил проблему. Если, конечно, хватит ее длины!

Подняв проволоку, он остановился, чтобы глянуть на Аласу. Он уже понял, что она вне опасности, и с облегчением увидел, как поднялись ресницы девушки и открылись золотистые глаза. Она увидела Мэйсона.

— О, Кент! Помоги мне встать! — Она схватила его за руку и неуверенно поднялась на ноги. — Кажется, мы еще живы. Я думала, нас обоих убили и сбросили в преисподнюю...

— Возможно, насчет последнего ты права, — мрачно предположил Мэйсон и рассказал, что произошло. — Если я смогу перекинуть проволоку через металлический блок, думаю, у нас получится выбраться отсюда.

— А ты точно сможешь?

— Постараюсь... — с сомнением покачал головой Мэйсон.

Но лишь после многих попыток у Мэйсона получилось перебросить сдвоенный конец проволоки через подвешенный груз. Затем одно неосторожное движение уничтожило результаты его труда, и он безуспешно пытался закинуть проволоку еще десять минут, а внутри зарождалась яростная тревога, пока, наконец, изматывающая работа не была выполнена. Два конца проволоки свисали с блока почти до самого пола. Мэйсон связал их вместе.

— Я полезу первым, а потом вытащу тебя...

Получившийся трос был скользким и сильно царапал кожу. Забираясь, Мэйсон обхватил трос ногами, пока Аласа держала проволоку снизу. Наконец он добрался до потолка и, потея от напряжения, вылез из клетки.

— Быстрее! — крикнул он девушке.

Услышав отдаленные звуки борьбы, Мэйсон испугался, что пещера недолго пробудет пустой.

Мышцы, ослабевшие от усилий и недостатка пищи, напрягались и трещали, пока он вытаскивал Аласу наверх. Но потом стало легче. Спрыгнув на пол пещеры, они быстро добрались до прохода, ведущего к свободе.

— По-видимому, выход только один, — осмотревшись, сказал Мэйсон. — Постой! Я сейчас вернусь.

Он взял серебристый металлический стержень длиной чуть больше руки, которому предстояло сыграть роль увесистой дубины. Сделав пробный замах, он со злостью сломал какой-то непонятный механизм.

— Хорошо! Эта штуковина довольно крепкая. Как раз то, что нужно, Аласа!

Вместо ответа девушка взяла стержень поменьше. В ее золотистых глазах загорелись огоньки. Она бежала рядом с Мэйсоном, накидка то и дело открывала белую кожу ее бедер.

Но прежде чем они добрались до входа в тоннель, оттуда вырвалась сражающаяся толпа, сцепившаяся в яростной стычке. Мэйсон быстро схватил девушку и оттащил ее в сторону. Высунув головы из-за угла, они стали наблюдать.

Горихенцы сражались не на жизнь, а на смерть. А их врагами были...

Бессмертные! По спине Мэйсона пробежал холодок, когда он увидел нападающих созданий, которые безошибочно были людьми, но тем не менее казались более чуждыми, чем загадочные люди-растения. Потому что горихенцы были есте-

ственным продуктом эволюции, а Бессмертные, как сразу же почувствовал Мэйсон, — нет.

Они оказались живыми мертвецами. Их тела когда-то были высокими, статными и богоподобными в своей красоте. Даже сейчас виднелись остатки былого величия, превращенного в ужас отвратительным разложением, поглотившим Бессмертных.

Название говорило само за себя. Это были люди, победившие смерть, но не болезни! И не гниение!

Последствия всех самых страшных недугов человечества покрывали их тела. На них не было ни единого живого места. Через отвратительные зияющие раны и язвы виднелись мясо и кости. С некоторых Бессмертных свисали лохмотья полуразложившейся кожи. Ничего не выражающие черепа глядели мертвыми глазами, а при виде некоторых результатов гниения Мэйсон отворачивался, потому что его начинало тошнить.

Человек победил смерть... слишком поздно. И осознал свою ошибку.

Казалось, Бессмертных нельзя убить. Десятки горихенцев напрыгивали на врага, сбивая с ног своим весом. Но вскоре куча борющихся тел разваливалась, открывая взгляду лежащего под

ними Бессмертного, который... питался.

Мэйсон вспомнил, что не видел ни одного растения или животного на поверхности планеты. Вероятно, горихенцы были единственной пищей Бессмертных.

Сражение переместилось дальше, оставив свободным вход в туннель. Прошептав Аласе, что нужно идти, Мэйсон схватил ее за руку и выскочил из укрытия. Они услышали душераздирающий крик и топот бегущих ног. Мэйсона схватили сзади, он резко развернулся, вслепую замахнулся стержнем и почувствовал, как под ударом промялась нечистая плоть. Больше его никто не держал.

Они вдвоем бежали по проходу, преследуемые черным ужасом.

В туннеле тоже были чудовища? Подумав об этом, Мэйсон стиснул металлический стержень. Звуки погони стали тише, но не исчезли совсем.

Постепенно они сбавляли скорость. Сердца мучительно колотились, в горле совершенно пересохло. Усиливающийся сзади шум заставил опять ускорить шаг. Но двигаться так быстро, как прежде, они уже не могли. Бессмертные снова начали настигать.

Запнувшись, Аласа почти упала. Мэйсон под-

нял ее, и они побежали дальше, но теперь он придерживал девушку за талию.

— Мы уже должны быть недалеко от поверхности, — сказал Мэйсон, и Аласа ответила мимолетной улыбкой.

— Ты прав, давай, Кент...

Преследователи приближались. Мэйсон заметил, как над головой блеснул серебристый дневной свет. Врата на поверхность Земли!

Добежав до лестницы, они полезли по ней с невероятной быстротой, а вопящие чудовища были уже почти на расстоянии вытянутой руки. В ущелье Мэйсон показал наверх.

— Лестница, Аласа. Я задержу их, а потом догоню тебя.

Она помешкала, но затем послушалась. Невнимательность Мэйсона чуть не стоила ему жизни. Похожая на крюк рука схватила его ногу и сбила было археолога с ног. Из ямы вылез ужасный череп, разинувший рот от страшного, безмолвного голода. Мэйсон что есть сил ударил по голове чудовища металлическим стержнем, и желудок его скрутило от отвращения.

Ошметки черепа и мозгов разлетелись во все стороны. Несмотря на то что голова чудовища превратилась в окровавленное месиво, оно все

еще слепо пыталось подняться. У входа в яму толпились десятки Бессмертных, жаждущих плоти, что утолит их вечный голод, не обращающих внимания на удары и лезущих все выше и выше...

Мэйсон отбивался от них, пока вес тел не свалил чудовищ спутанной кучей обратно в проход. Затем, держа в руке стержень, он быстро залез по лестнице и присоединился к Аласе, ждущей его на поверхности.

— У меня появилась одна мысль, — слабо усмехаясь и шатаясь, сказал он. — Эти существа не могут быть шибко умными. Люди-растения разумны, но...

Наклонившись, Мэйсон вытащил лестницу из ямы.

Группа Бессмертных на дне угрожающе кричала. Увидев Мэйсона, они попытались лезть по стенам ущелья, но безуспешно. Вскоре некоторые из них разбежались по сторонам.

— Отсюда может быть и другой выход. Нам лучше удирать... я хочу сказать, уходить. — И, заметив озадаченный вид Аласы, добавил. — Идем.

— Но... куда?

Археолог глянул на темное небо. Бледное, огромное солнце сияло красным. Луна исчезла. Однообразную влажную равнину обдувал про-

хладный ветер.

— Не знаю. В любом случае, подальше от побережья. Если мы найдем Мурдаха и корабль...

Они молча двинулись в путь, одиноко бредя по бескрайней пустыне и дрожа от ледяного ветра, безрадостно летящего над поверхностью умирающей планеты.

Глава IX
Башня миража

Несколько часов они шли вдвоем по вязкому илу, забираясь по склону медленно поднимающейся равнины. В разряженном воздухе легкие сильно болели. Дважды Мэйсон видел нечто размытое, пролетающее над головой на очень большом расстоянии, но не смог определить, что именно. Кажется, оно обладало крыльями и явно не было кораблем времени.

Но в конце концов, по чистой случайности, они наткнулись на корабль. Его серебристая поверхность на фоне серой унылой равнины сияла, как пламя.

Корабль оказался пустым. Мурдах и Эрих исчезли. Внутри были признаки борьбы и лужа засохшей крови на полу. Отпечатки ног в грязи рядом с кораблем извилистой дорожкой вели на восток. Нахмурившись, Мэйсон захлопнул дверь и повернулся к пульту управления.

— Я могу поднять корабль в воздух, Аласа. Может, нам удастся найти Эриха и Мурдаха. Следы хорошо видны.

Девушка поплотнее завернула свое стройное тело в накидку.

— Действуй, Кент.

Она нашла фляжку с водой и предложила ее Мэйсону, прежде чем напилась сама.

Корабль медленно поднялся и полетел над пустыней, следуя отпечаткам ног на иле. На горизонте показался шпиль, становящийся все выше по мере того, как они приближались. Это была циклопических размеров скала — уж точно не созданная силами природы. Слишком правильной формы, понял Мэйсон, глядя на огромный цилиндрический столб с плоским верхом, одиноко торчащий из серой пустыни и уходящий в серое небо.

— Они могут быть внутри, — предположил Мэйсон. — Попробуй найти какое-нибудь оружие, Аласа.

Вскоре девушка протянула излучатель в форме яйца.

— Он неплохо работал против металлических людей, — сказала она. — Но я не знаю, поможет ли он справиться с живыми существами.

— Ну, все-таки лучше, чем ничего. К тому же, у меня еще есть дубинка, — добавил Мэйсон, взглянув на металлический стержень.

Башня была километра три в поперечнике, и верх ее оказался довольно плоским. Воздух над ней странно поблескивал, и пару раз Мэйсон замечал яркий проблеск, вспыхивающий над серой безжизненностью башни. В самом центре находился круглый черный проход, к нему-то Мэйсон и стал медленно опускать корабль.

Он сел на самом краю, от удивления почти потеряв контроль над кораблем. Потому что прямо под ним, выскочив из пустоты, появился огромный гранитный камень! Он был метров семь в высоту, и Мэйсон, парализованный от изумления и ужаса, по наклонной спустился к нему. Со страшным скрежетом корабль приземлился.

Удар чуть не сбросил Мэйсона на пол. Камень исчез! Повернув голову в направлении удивленного взгляда Аласы, он увидел, что камень теперь находится позади корабля. По-видимому, они прошли сквозь него, словно это был призрак.

И это оказалось еще не все. Повсюду, где с воздуха они видели одну лишь плоскую металлическую поверхность, теперь была пустыня расколотых, разбросанных камней. Со всех сторон возвышались огромные глыбы, а над головой сияло *0белое* солнце.

— Боже правый! — ахнул Мэйсон. — Мы не пере-

мещались в другое время! Но что же произошло?

— Магия, — по-своему ответив на вопрос, сказала Аласа. — Думаешь, Эрих и Мурдах тут?

— Если да, то они попали сюда по воздуху.

Произнося эту фразу, Мэйсон понял, что был не так далек от истины. Они уже видели каких-то летающих созданий, возможно, тех самых существ, что схватили двух исчезнувших спутников.

— Надеюсь, Эрих еще жив, — пробормотала девушка. — Может, пойдем поищем их, Кент?

Кивнув, Мэйсон открыл люк и вышел из корабля, пропустив девушку вперед. Подойдя к глыбе, он попытался дотронуться до нее. Его рука прошла через коричневую сморщенную поверхность, словно той и вовсе не существовало.

— Это мираж! — с уверенностью воскликнул Мэйсон. — Невероятно совершенный мираж! Объемный! Наверняка созданный искусственно. Посмотри под ноги, Аласа.

Изящные лодыжки девушки, казалось, проваливались в серый камень. Но она ступала без всяких затруднений. Подойдя к ней, Мэйсон почувствовал под ногами гладкую поверхность плоского верха башни. Он присел и опустил руки на холодный металл. Затем, слегка улыбнувшись, засунул руку, а затем и голову, в один из огром-

ных призрачных булыжников и тут же очутился в кромешной темноте. Он услышал, как за спиной вскрикнула Аласа.

Мэйсон сделал шаг назад и вернулся туда, где белое солнце светило несуществующими, негреющими лучами, а вокруг было бескрайнее нагромождение разбросанных камней.

— Твоя голова, — тревожно сказала девушка. — Она... исчезла!

— Да, — кивнул Мэйсон. — И я кое о чем подумал. Эта дыра в крыше. Нам стоит быть поосторожнее, а не то мы исчезнем насовсем. Хотя, возможно, там есть лестница.

Пытаясь вспомнить расположение проема, он медленно шел вперед, держа девушку за руку. Они пробирались сквозь неосязаемые камни, иногда доходившие до пояса. Это был продукт фантастической, невероятной науки чуждого мира.

И вдруг Мэйсон ощутил мощную пульсацию, нарастающую вокруг. Каменная пустыня замелькала и задрожала, как разноцветный занавес, трепещущий на ветру, и внезапно... все изменилось! Как в фильме, одна панорама с нагромождением камней, казалось, протягивающихся до горизонта, стала размытой и вскоре

исчезла, сменившись другой сценой — странным чужеземным ландшафтом, ошеломившим двух людей так, словно они попали в иной мир.

Все вокруг них превратилось в спутанный лес буйной растительности. Кора деревьев, так же как и листья, толстые лианы, даже трава под ногами — все было ярко-алого цвета. И это оказалось еще не самым худшим. Растения были живыми!

Лианы извивались и ползли по деревьям, а сами деревья непрерывно раскачивались, ветви их шевелились. Причем, это не ветер тормошил их. Они жили своей жизнью, и даже длинная, странно закрученная, красная трава под ногами делала тошнотворные ползающие движения.

Солнца не было — только пустое голубое небо, неуместно красивое и мирное посреди извивающегося ужаса окружавшего их леса, который был таким же нематериальным, как и призрачные камни.

— Подожди-ка минутку, — сказал Мэйсон.

Он отошел на пару шагов, проверяя любопытную теорию, развивавшуюся в его сознании. Снова начались мощное пульсирование, странное подергивание и изменение красного леса, и когда Мэйсон отступил еще на шаг, появилась знакомая каменная пустыня. Аласа же пропала

из виду. Посмотрев через плечо, Мэйсон увидел корабль времени, стоящий рядом с огромным камнем. Археолог опять прошел вперед, и перед ним появилась Аласа, ее золотистые глаза были испуганными.

— Ладно, — сказал он. — Давай найдем дыру, а?

— Вот она, Кент. Я чуть не провалилась в нее.

Она указала на спутанную кучу красной травы неподалеку. Мэйсон пригляделся. Разумеется, он не увидел проем. Алая растительность скрывала его. Он опустился на колени и, борясь с отвращением, опустил лицо в извивающуюся траву. И оказался в черной пустоте — ниже уровня мира красных растений.

Ему в голову пришла любопытная мысль, что эти сцены — странные миражи на башне — были не просто причудливыми иллюзиями, а отражениями реального мира, который существует, существовал раньше или появится в будущем. Мэйсон осторожно обошел проем.

Он был метров шести в диаметре. Руки нащупали скат, уходящий в темноту, скользкий и слишком крутой, чтобы по нему можно было спуститься. Скат шел под углом градусов в сорок пять, насколько мог судить Мэйсон, ползая на

четвереньках и шаря в темноте.

— Кент, — тихо, но настойчиво сказала Аласа. — Прислушайся!

— А? Что...

Потом он услышал — резкий, очень громкий царапающий звук. Звук шел из глубин невидимой шахты. Он становился все громче, и внезапное предчувствие заставило Мэйсона схватить девушку за руку и быстро отступить назад. Им повезло, что он так сделал.

Из шахты вылезло существо. Сначала они увидели торчащую, качающуюся антенну и огромные жвала, судорожно дергающиеся в пустом воздухе. Существо неумолимо вылезало на поверхность, и через секунду они увидели жуткое создание целиком.

— Муравей! — невольно прошептал Мэйсон. — Крылатый муравей.

И громадный же это был муравей: метров десять в длину, жвала сходились и расходились, расправленные крылья сухо шелестели, задевая свои оболочки. Лапы вынесли чудище из шахты.

Создание двинулось вперед. Мэйсон догадался, что оно слепо. Глаз видно не было, но, кажется, их заменяли антенны. Челюсти угрожающе щелкали.

Мэйсон похолодел от ужаса. Существо приближалось, и Мэйсон отскочил назад, оттащив Аласу с собой.

— Корабль! — нервно сказал он. — Идем!

Побледневшая девушка кивнула и побежала за ним. Мэйсон помчался туда, где, как он думал, находился корабль. Но он ошибся.

Почти сразу Мэйсон почувствовал пульсацию и увидел, как вокруг все меняется, а затем они понеслись через... ничто! Густой туман, серые валы густой субстанции были такими частыми, что он ничего не видел. Думая с молниеносной быстротой, Мэйсон, таща Аласу, повернул направо и побежал прямо, отчаянно пытаясь найти корабль.

Он услышал клацанье и сухой шелест — гигантский муравей гнался за ними. Безумие страха сковало сознание Мэйсона. Это была квинтэссенция страха — бежать сквозь камни, которых не чувствуешь, нестись по несуществующему лесу... Муравей отслеживал добычу по запаху или использовал какое-то менее известное чувство, и поскольку он ничего не видел, смена объемных миражей не имела для него значения. Их создали, видимо, для того, чтобы запутать врагов чудовищного муравья.

Мэйсон и Аласа мчались по чему-то, что казалось полем изумрудов, сияющих под туманным небом с низко висящей землей над головами, когда все вокруг опять задрожало и стало меняться, и эта сцена тоже исчезла, как мираж, которым она и являлась. А на ее месте появилось бескрайнее ледяное поле без единого видимого объекта, с черным беззвездным небом над головой. Потом они бежали через зеленые бурлящие воды с дрейфующими водорослями и удивительными существами, проплывающими мимо них... и сквозь них! Существо, похожее на огромный прозрачный белый шар, пульсирующее и извивающееся, надвигалось на Мэйсона, и он, содрогнувшись, отпрыгнул в сторону.

Затем они услышали сухой шелест и молнией помчались прочь со стуком крови в висках и пóтом, заливающим глаза, пока не рухнули от усталости, чтобы перевести дух. Потом они бежали зигзагами и рассекали странные и фантастические картины чужих миров. Мэйсон не мог не вздрагивать, когда у него на пути оказывалось огромное дерево или глыба льда, хотя знал, что все это были неосязаемые иллюзии.

К тому же, их не покидал страх, что они могут сорваться с края башни. Что и спасло их от неми-

нуемой гибели, поскольку они неслись через ряды удивительно ровных, тонких колонн, напоминающих бамбук и уходящих далеко в белую высь, которая была либо небом, либо невероятно высокой крышей, и вдруг ворвались в мир живой растительности. Мэйсон пролетел через раскачивающееся красное дерево. Скрежещущий звук погони громко звенел в ушах... и вдруг земля ушла из-под ног.

Отпустив руку Аласы, он тяжело упал на бок и скользил до тех пор, пока его ноги не оказались на полированном склоне, ведущем вглубь башни — в логово гигантского муравья.

Мэйсон отчаянно изогнулся и выкрутился так, что чуть не сломал спину, и почувствовал, как руки Аласы вытаскивают его из пропасти. Белое тело девушки сверкнуло через распахнутую накидку. Каким-то образом Мэйсон поднялся на ноги, дыхание вызывало жгучую боль в легких.

Чудовище было уже совсем близко. Вспомнив об оружии Мурдаха, Мэйсон выхватил его и прицелился. Тонкий луч попал в гигантского муравья. Свет странным образом расползся по ужасной голове.

И существо умерло! Не издав ни звука, оно рухнуло. Инерция тащила его вперед, пока огромное

насекомое не соскользнуло в бездну и не пропало из виду. Шума его падения не было слышно.

Чуть вздрогнув, Мэйсон спрятал оружие.

— Идем, Аласа, — тревожно сказал он. — Нам надо найти корабль. Тут могут быть и другие чудовища.

Но это оказалось непросто. Двое играли в странные жмурки наверху башни, бегая через миражи, часть из которых они уже видели, а другие были совершенно незнакомыми. Некоторые оказались ужасными, но несколько — вполне приятными.

Самым худшим было нестись по черной студенистой субстанции, без устали колыхавшейся под ногами, как шкура какого-то гигантского чудовища. Возможно, так и оно и было, подумал Мэйсон. Черная вздымающаяся шкура, казалось, растянулась на многие километры, и иногда они погружались в нее по пояс.

Затем они опять бежали по полю твердой, застывшей коричневой земли с феноменально красивым небом над головой, усеянным совершенно неизвестными созвездиями и мерцающими планетами. Меж звезд пролетела сияющая белым светом комета. Затем была поверхность льда или стекла, и глядя вниз, Мэйсон увидел смутные и нечеткие очертания каких-то фигур

вдалеке, казавшихся совершенно нечеловеческими, насколько он мог разобрать через мутную кристаллическую субстанцию.

Поколебавшись пару секунд, они прошли через стену пылающего огня, вздрагивая при каждом прикосновении неосязаемых языков пламени. Шатаясь, они преодолели огромную песчаную пустыню, песок ползал и волнами вздымался под ними, перемешиваемый какой-то чудовищной первобытной жизнью.

Но в конце концов они нашли корабль. С искренним облегчением Мэйсон поднялся на борт корабля вслед за Аласой, закрыл люк и рванул корабль в небо. Девушку вдавило в сиденье, ее грудь тяжело вздымалась.

Оказавшись на безопасном расстоянии от башни, Мэйсон остановил корабль и задумался. Может быть, Эрих и Мурдах застряли в огромной иллюзии или все же...

Крик Аласы заставил его обернуться. Она тыкала рукой вниз.

— Смотри! Это...

— Эрих! — возбужденно закончил Мэйсон. — И Мурдах!

По серой пустыне, почти у подножия башни, ползло одно из гигантских насекомых, таща в

жвалах две обмякшие фигуры, про которые даже с такого расстояния можно было сказать, что это люди. Рука Мэйсона сжала оружие в кармане, и он резко направил корабль вниз.

Но, подумал он, можно ли использовать излучатель без риска убить своих друзей? Нет, тут нельзя полагаться на удачу.

Огромный муравей, казалось, почувствовал угрозу. Он остановился, его антенны начали шевелиться, разыскивая приближающийся корабль. Затем, сбросив груз на песок, чудовище расправило крылья и приготовилось к драке!

Глава X
Люди пирамиды

Мэйсон мрачно направил корабль вперед. О прочности твари Мэйсон не знал, но подозревал, что под хитиновой броней муравей был хрупкий. В этом он ошибся.

Крыло чудовища ударило по кораблю так, что тот, вращаясь, полетел в другую сторону, а Мэйсона и Аласу сбило с ног. Краем глаза Мэйсон заметил приближающуюся башню и сумел вовремя вернуться к пульту управления. Пролетев в каком-то полуметре от огромного строения, корабль снова помчался к крылатому чудовищу.

Создание было готово встретить его. В последнее мгновение перед столкновением пальцы Мэйсона впились в рычаги, пытаясь изменить курс. Но он опоздал. Со страшным скрежещущим звуком крылатое чудовище и корабль времени столкнулись — с ужасными последствиями.

Мэйсона отбросило назад, его пальцы слепо проскребли по пульту управления. Перед глазами промелькнуло разрушенное тело, стремительно падающее на равнину внизу, а затем все вокруг

поглотила кромешная темнота. Что-то ударило его по голове, и в последнюю секунду перед тем, как потерять сознание, Мэйсон понял, что значит эта темнота. Неуправляемый корабль несся сквозь время!

Мэйсону показалось, что он отключился лишь на секунду. Простонав от боли в звенящей голове, он поднялся на ноги и вслепую нашарил рычаги управления. Затем он неожиданно понял, что темнота не совсем уж кромешная. Через прозрачный корпус корабля Мэйсон увидел усеянное звездами небо над головой и неровную черную стену вокруг, по-видимому, лес. Опасно накренившись, корабль лежал на боку. Археолог увидел бледное пятно в углу — лицо Аласы.

Он ничем не мог помочь ей, пока она лежала на сильно наклоненном полу. Открыв люк, Мэйсон выбрался наружу, практически неся Аласу на себе. Под ногами оказался слой перегноя полусгнивших растений с влажным, мускусным запахом. Воздух был некомфортно горячим и влажным.

Неуклюже действуя в звездном свете, Мэйсон пытался оживить девушку. Прошло какое-то время, прежде чем она села и прильнула к нему, потирая ушибленное плечо.

— Этот муравей... Где мы, Кент? Мы нашли Эриха и Мурдаха?

— Кажется, нет, — ответил Мэйсон. — Думаю, рычаги управления прыжками во времени случайно сдвинулись, когда мы врезались в гигантского муравья. Вероятно, мы пролетели сквозь время и разбились, пока лежали без сознания. Нам сильно повезло, что мы не сломали себе шею. Думаю, уровень поверхности тут выше, чем в будущем, возможно, стоит сказать этому спасибо.

— Но где мы?

— Понятия не имею. Не думаю, что мы попали в еще более далекое будущее — густой лес и жара говорят об очень древних временах. Надеюсь, это не меловой период. Крайне неохота встретить тиранозавра.

— А что это такое? — спросила девушка, округлив глаза.

— Гм... это такой дракон. Название означает: ужасная ящерица. Но...

И тут на них напали. Мэйсон не услышал ни звука из подлеска. Но из леса на них бросились какие-то темные фигуры, без всякого предупреждения. Прежде чем Мэйсон успел приготовиться, он упал, и его окружил десяток мускулистых людей...

затем в его затылке вспыхнул огонь. Красный огонь, поглощенный бездонной темнотой...

Мэйсон очнулся в тускло освещенном месте, напоминавшем грубо построенную хижину. Косые лучи теплого солнечного света струились через открытую дверь, по полу тянулась тень человека... стражника. Покачав головой, Мэйсон простонал. И услышал тихое, сдавленное пение.

Он... узнал его! Во время археологической практики, посещая отдаленные уголки земного шара, Мэйсон изучил несколько малоизвестных диалектов. Он уже слышал похожие звуки, давным-давно, спускаясь по южноамериканской реке на лодке, выдолбленной из бревна, его рука тогда болела и гноилась от того, что ее пронзили стрелой.

Неужели он, по невероятному стечению обстоятельств, вернулся в свой отрезок времени?

В дверях потемнело. Комнату заполнили люди, почти голые, низенькие люди с коричневыми мускулистыми телами. Они были странно разукрашены, в их волосах качались перья. Напевая, они освободили ноги Мэйсона. Кожаные ремни, как он понял, все еще связывали его запястья.

— Я... друг... — запинаясь, проговорил Мэйсон, пытаясь вспомнить чужой диалект из давних

времен.

Один из аборигенов ударил его по лицу.

— Молчать! — сказал он со странным акцентом, но вполне понятно. — Ты будешь смотреть, а не говорить.

Голоса снова запели.

— Услышь наши молитвы, о Громовержец! Услышь молитвы курупури...

Аборигены вывели Мэйсона из хижины. Он поморгал, давая глазам привыкнуть к яркому солнцу, и осмотрелся.

Возвышающиеся стены кратера ровной цепью тянулись вдоль горизонта. Со всех сторон были черные базальтовые стены. На востоке виднелась брешь с неровными краями, очевидно, проход. Земля спускалась к неподвижной, мрачной глади озера.

Ветер не морщил его поверхность. Темное и загадочное озеро заполнило почти весь кратер, оставив в котловине лишь узкую полоску земли, где расположилась деревня аборигенов. Пара десятков непрочных хижин удивительно контрастировала с каменной пирамидой, стоявшей на берегу озера.

Мэйсона погнали к ней. На него упала тень пирамиды. Пирамида была метров десять в высоту

и построена из огромных каменных блоков без использования строительного раствора. В одной из ее сторон был зияющий проем. Именно к нему вели белого человека.

Короткий коридор, затем помещение, наполовину расположенное под землей, — храм, понял Мэйсон. Его охватило изумление. В одном конце помещения было возвышение, на котором стояло кресло — трон, тускло поблескивающий в свете факелов. Золотой трон, украшенный драгоценными камнями!

Судя по внешнему виду, это была работа инков. Но коричневокожие аборигены никак не походили на инков. Возможно, инки построили пирамиду, а затем их истребило вторгшееся племя — курупури, как они сами себя называют, рискнул предположить Мэйсон.

Он понял, что попал в прошлое. Возможно, во время, которое было еще задолго до того, как Колумб достиг Америки, и уж точно до прибытия испанских конкистадоров.

На троне сидел труп. Мумия, сморщенная, съежившаяся и высохшая, в глазницах которой сияли два пылающих рубина. Золотой нагрудник и пояс свободно висели на скелете.

Рядом с троном стояла местная девушка, ее ян-

тарное тело едва скрывала прозрачная накидка, украшенная перьями, через которую просвечивали соблазнительные изгибы. Ее печальные глаза остановились на белом человеке.

На стенах висели головы размерами чуть меньше кокосовых орехов, сморщенные от какого-то таинственного процесса, сохраняющего плоть и черты лица. Их огромное количество почти закрывало необтесанные камни. Все это были головы аборигенов.

Пение стало громче. Десяток кричащие раскрашенных курупури зашел в помещение. Среди них была Аласа. На мгновение ее золотистые глаза встретились с глазами Мэйсона.

— Кент! — прокричала она. — Они...

Стражник зажал ей рот грубой ладонью. Выругавшись, Мэйсон попытался высвободиться. Аборигены, стоявшие рядом, держали его — молча и бесстрастно.

Курупури отвели Аласу на возвышение и защелкнули вокруг ее лодыжек золотые кольца. Из толпы вышел совсем низенький абориген и встал рядом с девушкой. Его лицо было ужасно раскрашено. Из лысой, бритой головы торчали перья, воткнутые в головной убор, украшенный драгоценными камнями. Он поднял руку, и шум

стих.

— Зол! — раздался из толпы громкий выкрик.

Местная девушка вышла вперед. Когда она взглянула на карлика Зола, Мэйсон заметил в ее глазах ненависть.

Снова раздался гортанный крик.

— Яна! Хо... Яна!

Зол оглянулся, белые перья закачались.

— Громовержец смотрит на нас с благосклонностью, — прокричал он.

Лысый указал на сморщенный труп на троне.

— Много лет она там сидит, правя курупури и после смерти. С тех пор как она умерла, мы не могли найти девушку с кожей, достаточно белой, чтобы стать нашей жрицей. Поэтому Яна служила...

Он хитро взглянул на жрицу рядом с ним.

— Но теперь она может отдохнуть. С небес упала дева с кожей белой, как пена. Мы чуть не убили ее, но Громовержец остановил мой удар.

Из толпы раздалось оглушающее пение.

— Хо! Житель Бездны, Темный Громовержец — услышь нас!

— Услышь наши молитвы! Пейте... ешьте в честь жертвоприношения! — прокричала Яна, ее красные губы скривила жестокая усмешка.

— Повелитель Озера! — прогремели курупури. — Взгляни на нашу жертву!

Затем повисло молчание, тяжелое и мрачное.

— Жрица должна быть невинной, — сказал Яна приторно злобным голосом.

Кивнув, Зол повернулся к Аласе. Вытянув руки, он сорвал с нее накидку, которая и без того представляла собой одни лохмотья. Аборигены охнули.

Девушка осталась нагой. Ее бронзовые волосы спутанными прядями покрывали голые плечи. Она инстинктивно подняла руки, пытаясь прикрыться.

Зол рассмеялся, взглянув на обнаженную девушку, на изящные изгибы ее тела, безупречные в своей красоте. Затем жрец снял накидку с перьями с Яны и набросил ее на плечи Аласы.

Тошнота подступила к горлу Мэйсона, когда он увидел тело жрицы, голое, не считая узкой набедренной повязки. С ног до головы оно было покрыто татуировками. Красные и голубые узоры обводили ее груди и шли по округлым бедрам. Представив многие месяцы жуткой боли, которые, очевидно, пришлось вынести девушке, Мэйсону вдруг стало плохо.

Крики стихли.

— Она — невинна! Прекрасно! Вечером начнутся испытания, — проговорил Зол. — На нее будет поставлена метка Громовержца.

Метка Громовержца? Задрожав, Аласа поплотнее завернулась в прозрачную накидку. В глазах Яны Мэйсон увидел красное пламя ярости. Ее ресницы опустились, и она отвернулась.

Курупури обступили Мэйсона. Несмотря на отчаянное сопротивление, его все равно вывели из храма и затащили в хижину. Там ему опять связали ноги и оставили одного.

Вечер тянулся неимоверно долго. Изредка заходил стражник, чтобы проверить путы пленника. Хотя Мэйсон пытался с ним заговорить, успеха он не добился. Возможно, курупури запрещалось вступать в беседы с пленными.

Сразу после заката снаружи раздались голоса, и вошла жрица Яна. Рядом с ней стояли двое аборигенов. Один из них был тем самым стражником. Он развязал Мэйсону ноги и вместе со вторым курупури вышел из хижины. Жрица встала на колени рядом с Мэйсоном.

В тусклом свете уродующих татуировок видно не было, и Мэйсон мог разглядеть только гладкие изгибы тела девушки, едва скрытого под тонкой тканью.

— Стражник ушел. Я сказала ему, что Зол хочет, чтобы тот пошел на охоту. А другой, кто ждет снаружи, — мой друг.

Мэйсон пристально посмотрел на нее.

— Мне тоже нужны здесь друзья, — медленно проговорил он, с трудом находя подходящие слова.

— Да, это так, — кивнула она. — Ты хочешь спасти белую девушку?

— Да! — быстро сказал Мэйсон. — Ты поможешь мне?

— Возможно.

— Почему? — Он не совсем доверял девушке, в чьих глазах так быстро вспыхивала убийственная ярость.

— На твоем месте я бы не медлила. Вы чужаки, я знаю это. Вы — не боги, как говорят некоторые, иначе ты бы не лежал тут связанный и беспомощный. Мне не важно, откуда вы пришли, если вы покинете деревню как можно быстрее.

— Место... место, где нас схватили. Оно далеко отсюда?

— Нет. Ты видел брешь в горах — проход? Это близко, сразу за кратером. Можно добраться за четвертую часть дня. Что касается того, почему я тебе помогаю, — потому, что белая девушка зай-

мет мое место! Белокожие жрицы правили моим племенем многие годы. Когда умерла последняя, я заняла ее место. Золу это не понравилось, поскольку я не всегда подчиняюсь ему. Теперь он увидел возможность сместить меня и получить жрицу-марионетку... Я бы убила белую девушку, но это святотатство. Меня бы стали пытать... но если ты убежишь вместе с ней, все будет по-другому.

— Тогда развяжи меня, — нетерпеливо сказал Мэйсон.

Девушка нагнулась, и ее волосы задели лицо археолога.

— Но ты обязан не подвести меня! Поскольку еще есть один способ... — В ее глазах опять сверкнула безумная ярость. — Я была жрицей Громовержца больше года и много что узнала — например, слова, вызывающие из озера Темного Повелителя. — Голос ее стал задумчивым. — Я собиралась использовать эти слова. Когда-то давно, столетия назад, так уже делали, и Житель Бездны поднимался из глубин. Курупури умерли — все, кроме тех, кто сбежал.

Она пожала плечами, и блеснул нож, разрезая последние ремни, связывающие Мэйсона. Он размял затекшие мышцы.

— Скажи мне, — спросил он с любопытством, — ты когда-нибудь видела других белых людей не из твоего племени? Как я?

— Нет. Никогда. Я даже не думала, что они существуют. У нашей жрицы была золотистая кожа, а не такая белая, как твоя. — Она оценивающе посмотрела на Мэйсона. — Ты должен подождать. Скоро совсем стемнеет. Если выйдешь из хижины сейчас, тебя убьют.

Безжалостная злоба исчезла из глаз Яны, они стали удивительно нежными.

— Ты не такой, как курупури. И поскольку я была жрицей, то не познала... любовь...

Ее руки внезапно обвились вокруг шеи Мэйсона, и когда она прижалась к нему, он почувствовал ее горячее дыхание. Казалось, в жрице высвободилась безумная страсть.

— Я не познала любовь. И... — нежно прошептала она.

Мэйсон попытался высвободиться. Девушка отстранилась, ее лицо стало суровым.

— Нет? — спросила она. — Помни — ты еще не освободил белую девушку. Если я позову на помощь...

Мэйсон криво ухмыльнулся. Тогда Яна снова оказалась в его руках. Сопротивляться было не

просто — нет! Под тонкой тканью одеяния он чувствовал привлекательные изгибы ее тела.

Пожав плечами, Мэйсон наклонил голову и прикоснулся к губам девушки. Он не отстранился. Влажный огонь ее рта участил его пульс. У жрицы была горячая, пламенная душа, дыхание обжигающего ветра, дующего в пампасах. Голодная страсть окатила Мэйсона приливной волной.

Содрогнувшись, Яна простонала. Снаружи донесся какой-то шум. Она мгновенно отстранилась и прижала палец к губам.

— Подожди...

Она исчезла снаружи. Мэйсон услышал, как ее голос поднялся в споре с более тихим, затем оба стали медленно удаляться. Подойдя на цыпочках к выходу, он осторожно выглянул. Рядом никого не было, хотя пара курупури бесцельно шаталась вдалеке по деревне. Солнце уже висело низко над горизонтом.

Через два часа стало достаточно темно, чтобы совершить вылазку. Стражник не вернулся. Мэйсон выскользнул из своей тюрьмы. Луна только что поднялась, и он двигался в тенях хижин. Тяжелая дубина, брошенная у затухающего костра, привлекла его внимание, и он захватил ее с собой.

Археолог двигался к пирамиде, а сдавленное пение будило в нем мрачные опасения. На вершине он заметил какое-то движение, и ему показалось, что он увидел бронзовые волосы Аласы, хотя уверенности в этом не было.

Глянув в сторону, на озеро, Мэйсон невольно содрогнулся. Что сказала Яна? Громовержец в глубинах — чудовищный бог, в честь которого курупури устраивают жертвоприношения. Могло ли какое-нибудь удивительное существо действительно существовать под этими мрачными водами на заре истории? Даже во времена Мэйсона ходили легенды о южноамериканских болотах и джунглях...

Глава XI
Кровь на пирамиде

Мэйсон остановился у подножия пирамиды. На фоне серого камня пирамиды сиял золотой трон, и на нем по-прежнему восседал мумифицированный труп мертвой жрицы. В лунном свете Мэйсон увидел Зола, низенького жреца, вместе с группой аборигенов стоящего рядом с троном.

Аласа, облаченная в халат, украшенный перьями, и удерживаемая двумя аборигенами, тоже была там. Низкое пение стало громче. Внезапно Зол повернулся, снял нагрудник и пояс с трупа и стащил мумию с трона. Трижды прокрутив тело над головой, он бросил его в черные воды озера, встретившие бывшую жрицу серебристым всплеском.

Мумия быстро всплыла, затем вода в том месте ненадолго забурлила, и тело утащило вниз. Оно исчезло. Пение превратилось в ликующие вопли.

Держа дубину в руке, Мэйсон осторожно двигался вперед, а Зол тем временем снял накидку с перьями с голых плеч Аласы. Она стояла обна-

женной в лунном свете — восхитительная статуя красоты. Тщетно она сопротивлялась, пока ее тащили к трону, усаживали на него и надежно привязывали руки и ноги.

Зол сделал жест, и один курупури подошел к нему с глубокой чашей в руках.

Подошли другие, неся длинный шест с привязанным к нему аборигеном. Раздался громкий крик.

Из теней вышли люди — племя курупури, толпившееся у подножия пирамиды и наблюдавшее за событиями, происходящими на вершине. Мэйсон отошел назад, его пальцы, держащие дубину, побелели.

Руки Зола двигались быстро. От боли связанный абориген жутко закричал. Кровь фонтаном брызнула из его шеи. Жрец проворно подставил чашу под рану и наполнил кровью.

Люди на пирамиде молчали... ждали. Зол ненадолго опустил руки в чашу. Потом принялся размазывать кровь по обнаженному телу Аласы, пока ее изящная фигура не стала с головы до пят алой. Жрец поднял нож, затем медленно опустил его. Острие дотронулось до голого живота Аласы.

Девушка резко вскрикнула. Это, как догадался Мэйсон, было началом церемонии нанесения та-

туировок. Еще несколько месяцев с этого момента Аласе придется переносить ужасные страдания, приносимые острыми ножами и болью от втирания краски в свежие раны, пока, как и тело Яны, фантастические узоры не покроют ее с головы до пят.

Нож опять опустился. Аласа снова закричала — пронзительный, испуганный крик, от которого в голове Мэйсона вспыхнуло красное безумие.

Выскочив из укрытия, он взмахнул дубиной. Шеренга аборигенов преградила ему путь к пирамиде, но он пробился через курупури с убийственным взмахом оружия, отправившим одного из них на землю с пробитой головой. Закричав, Мэйсон ринулся вперед.

За собой он услышал низкий рев. Не обратив на него внимания, он помчался по грубым камням пирамиды, предоставлявшим отличную опору для ног. Толпившиеся на вершине люди пристально смотрели вниз, держа в руках оружие. Прежде чем они успели приготовиться, Мэйсон обрушился на них.

Увидев появившееся перед ним оскалившееся лицо, бледное в лунном свете, он замахнулся дубиной. Вскрикнув, человек упал.

— Хватайте его, — проорал Зол. — Хватайте...

живьем!

Затем жрец внезапно помчался вперед, держа копье в руке и приготовившись к броску. Мэйсон кинул дубину в противника.

Он прицелился точно. Снаряд попал в лицо Зола, превратив его в кровавое месиво. Из расплющенного носа брызнула красная струя. Вскрикнув, жрец упал.

Но десяток курупури уже окружили Мэйсона, он мрачно махал руками, пинался и бодался. Босая нога полетела ему прямо в лицо. Он едва успел наклонить голову, чтобы избежать удара.

Но в конце концов, отчаянно борясь, он упал. Он ощутил, как руки скрутили ему за спиной, увидел, как Аласа, измазанная темно-алой кровью, пытается встать с трона.

— Кент, тебя ранили? Они...

— Я в порядке, — ответил он... и тут подошел Зол, его обезображенное лицо было все в крови.

Он посмотрел на белого человека.

— Скоро ты умрешь, — яростно прошипел он. — Но не сейчас еще, нет!

Повернувшись к озеру, жрец поднял священный нож.

— Житель Бездны, — проговорил он. — Жрица готова. Скоро она будет служить тебе.

Мэйсон попытался вырваться из держащих его рук. Бесполезно!

Курупури у подножия пирамиды захлопали жрецу.

Затем молчание. И пробивающийся через него тонкий, высокий крик, заставивший волосы на голове Мэйсона встать дыбом. В этом крике было неповиновение, отчаянная ярость, ужас и что-то еще, что нельзя описать словами. Жрец помешкал, затем посмотрел вниз. И у него отвалилась челюсть.

Мэйсон повернул голову. На пляже, по колено в черной воде, стояла Яна — обнаженная золотая статуя в лунном свете. Ее черные волосы развевались на ветру. Она подняла руки, ее красные губы зашевелились.

— Чужой! Призываю тебя! — вырвался изо рта жрицы ужасный крик.

Призывает... *что?*

— Убейте ее! Убейте ее! — завопил жрец.

Все аборигены, кроме тех двух, что держали Мэйсона, стали спускаться с вершины пирамиды, направляясь к Яне. Жрица снова выкрикнула странный призыв.

На лице Зола Мэйсон прочитал то, что заставило его взглянуть на середину озера. На

поверхности воды появилась небольшая рябь. И больше ничего.

Нет. Там было что-то еще. Нечто двигалось к берегу, чье-то темное, громадное тело, с неторопливой плавностью рассекающее воду. Нечто, которого не существует в обычном мире...

И теперь Мэйсон вспомнил слова Яны: «Я узнала слова, вызывающие из озера Темного Повелителя. Так уже делали столетия назад, и Житель Бездны поднимался из глубин...» Бог курупури ответил на призывы жрицы. Через чернильно-темную воду скользило нечто, затем черная, блестящая громадина показалась в лунном свете, плоская змеиная голова и длинная извивающаяся колонна шеи...

Лицо Зола стало каменной маской ужаса. Аборигены уже почти достигли берега... и рванулись обратно. Яна опять прокричала странный призыв, который превратился в вопль, когда чудовище напало на нее.

Гигантская голова бросилась вниз и схватила девушку так, что из огромных челюстей свисали лишь ноги. Холодные глаза рептилии осмотрели деревню. Затем девушка исчезла в пасти чудовища, а оно выбралось на пляж.

Мэйсон отчаянно пытался рационализиро-

вать страх. Какое-то доисторическое создание — водная рептилия, много столетий живущая в скрытом кратере и нетронутая эволюционными изменениями. Он знал, что такое было возможно, он знал. Всегда существовали легенды о чудовищах, обитающих в джунглях, о гигантских существах, живущих в болотах Патагонии и в глубоких ущельях Анд. Тем не менее Мэйсон не мог совладать с холодным ужасом, охватившим его при виде существа, появившегося из озера.

Тело в форме торпеды было длиной метров пятнадцать с большими плавниками, медленно двигавшими создание вперед. Змееподобная голова и шея извивались, поворачивались. И все это блестящее, словно с наброшенной сеткой, тело покрывали водоросли, а к бронированной шкуре прицепились раковины. Житель Бездны ворвался в деревню, и курупури обратились в паническое бегство, сделавшее их легкой добычей для чудовища из глубин.

Двое аборигенов, держащих Мэйсона, присоединились к остальным. Только Зол остался стоять — не шевелясь, глядя по сторонам и беззвучно шевеля разбитыми губами. Увидел Мэйсона, он прыгнул вперед, замахнувшись ножом.

На этот раз Мэйсон был готов. Злобно ухмыля-

ясь, он бросился на жреца и яростно его схватил. Зол ударил ножом, и Мэйсон почувствовал ужасную боль между ребер.

Он схватил запястье врага железной хваткой. Крича от ярости, Зол поднял голову, пытаясь вцепиться в шею Мэйсона зубами.

Снизу донеслись крики убегающих курупури. И вопль — близко, почти рядом! Аласа!

— Кент! Это чудовищное божество... оно идет сюда...

Потное и окровавленное лицо Зола превратилось в ужасную маску горгульи, зловонное дыхание жреца попадало Мэйсону прямо в нос, пока тот пытался дотянуться до горла врага. В лунном свете Мэйсон краем глаза увидел гигантскую тень и голову существа, подползающего все ближе и ближе!

Мэйсон отпустил запястье жреца. Зол не ожидал этого. Прежде чем он успел понять, что происходит, белый человек схватил жреца за шею и пах и поднял в воздух. Мышцы Мэйсона трещали от напряжения. Пошатнувшись, археолог быстро развернулся.

Жрец взмахнул кинжалом, но промазал. Времени на вторую попытку у него уже не было.

Из ночи выдвинулось жуткое божество, без-

молвное и угрожающее. Огромная голова была меньше чем в четырех метрах от вершины пирамиды, когда Мэйсон отпустил пленника, бросив его прямо чудовищу!

И он не промазал. Челюсти дьявольского создания схватили жреца. Зол издал один пронзительный крик, а затем его кости и мясо превратились в кашу под давлением безжалостных зубов.

Мэйсон не стал смотреть. Времени развязывать девушку уже не было, он подскочил к трону, схватил связанное обнаженное тело и перекинул через плечо, надеясь, что Аласа не пострадает от такого обращения. Но или так, или смерть, поскольку голова чудовища уже была совсем рядом, когда Мэйсон начал спускаться с пирамиды прыжками, с трудом удерживая равновесие. Он пытался добраться до прохода, ведущего внутрь строения, и ему это удалось как раз в тот момент, когда челюсти гигантской рептилии щелкнули совсем близко.

Но они уже были в безопасности, потому что чудовище не могло достать их в узком туннеле. Мэйсон пошел дальше, осторожно вглядываясь во мрак. Там могли укрыться некоторые из курупури. Хотя, возможно, паника вымела из их голов все мысли, кроме безоглядного бегства.

Позже Мэйсон выяснил, что именно так и было. Но сейчас он был занят тем, что развязывал Аласу и как мог успокаивал ее, судорожно всхлипывающую. Снаружи было тихо: либо там и вправду больше ничего не происходило, либо в пирамиду не проникали звуки извне. Мэйсон прижал Аласу к себе, и она, слишком испуганная и ослабевшая, чтобы сопротивляться, постепенно успокоилась на руках археолога и вскоре заснула. Мэйсон не стал ее будить. Несмотря на то, что сидел в неудобной позе, он терпел, боясь, что любое движение разбудит девушку.

Через час или чуть больше он решил, что пора идти.

— Аласа, — прошептал он.

Она пошевелилась.

— Кент? Что случилось?

— Ничего, — ответил он. — Но нам пора двигаться.

Встав, девушка пошла за Мэйсоном к выходу. Выглянув в освещенную луной ночь, они не увидели ни одного курупури, хотя отдаленные звуки в джунглях говорили о том, что чудовище еще не вернулось в озеро. Мэйсон действовал быстро. Схватив Аласу за руку, он пробежал вокруг основания пирамиды и проскользнул в деревню,

держась в тени. Один раз девушка остановилась, чтобы подобрать брошенный кусок ткани и накинуть его на обнаженное тело. Им обоим, дрожащим от прохладного ночного воздуха, очень хотелось найти одежду потеплее, но они не смели терять ни минуты.

Они направились к проходу в стенах кратера. «Вы можете достигнуть его за четверть дня», — говорила жрица. Она явно переоценила расстояние. Вскоре Аласа и Мэйсон дошли до проема, не увидев ни курупури, ни чудовища.

Под ними распростерлись залитые лунным светом джунгли, тянущиеся до самого горизонта. Мэйсон подумал, что где-то далеко-далеко за ними лежит Атлантический океан, море-океан доколумбовой Европы. На секунду его сознание заняла странная мысль: он бы хотел попасть в этот затерянный, удивительный мир забытого прошлого. Как необычно будет увидеть и поговорить с легендарными историческими личностями!

Затем Мэйсон увидел корабль времени. Метрах в восьмистах от них — он стоял на поляне, и лучи лунного света отражались от него холодным блеском. Мэйсон пожалел, что не взял оружие. Тут могут быть ягуары, возможно, даже доисто-

рический гигантский ленивец, пробирающийся через густые джунгли.

Ночные хищники были повсюду, но они не угрожали беглецам. Однажды какой-то зверь преследовал их некоторое время — они слышали шорох в подлеске. Но вскоре он сдался и исчез. А в другой раз мимо них, громко и резко крикнув, сонно пролетел необычайно яркий попугай-ара.

Но они беспрепятственно дошли до корабля. Курупури, по-видимому, испугались входить внутрь, поскольку Мэйсон обнаружил все на своих местах. Он почувствовал странное облегчение, закрыв люк и заперевшись с Аласой внутри.

— Надеюсь, ничего не сломалось, когда мы упали, — сказал он девушке. — Было бы... неприятно.

Мэйсон принялся рассматривать приборы. Больше часа он разбирался с замысловатыми циферблатами и шкалами. Кое-чему он научился у Греддара Клона, а кое-чему — у Мурдаха. Так что, спустя какое-то время, Мэйсону показалось, что он сможет вернуться в будущее, из которого они прибыли.

— Думаю, эта шкала, — медленно сказал Мэйсон, — показывает, в каком времени мы находимся. При каждой остановке на шкале создается

отметка — видишь красные точки? Та, что на нуле — твой мир, где был построен корабль. Точка дальше по шкале, прямо под указателем — это там, где мы находимся сейчас. А третья отметка обозначает время, где застряли Мурдах и Эрих. Если я смогу настроить приборы на этот отрезок времени...

Прошло еще полчаса, прежде чем Мэйсон удовлетворился результатом. Все перепроверив, он поднял корабль на пятнадцать метров вверх. Все действовало. Мрачно кивнув Аласе, Мэйсон сдвинул переключатель времени.

Темнота. Секунда, час или тысячелетие — короткая вечность, в которой не было осознания времени. Затем свет появился снова.

Неподалеку показалась башня гигантских муравьев. Корабль достиг пункта назначения. Удивительно точные приборы привели их обратно в потерянный мир будущего. Но что-то было не так.

Из вершины башни вылетела стая гигантских крылатых муравьев и понеслась к кораблю. На земле лежало искалеченное тело одного из таких чудовищ. Но Мурдаха и Эриха нигде не было видно!

Мэйсон мгновенно понял причину. Они прибы-

ли позже — на несколько секунд или пару часов. Но уж точно не больше. Знакомство с приборами помогло ему и сейчас. Быстро подрегулировав входные данные, археолог снова сдвинул рычаг времени.

Темнота... и свет. Корабль, по-видимому, не сместился ни на метр. Только Солнце было в другом месте на небе, а стая гигантских муравьев исчезла. Посмотрев вниз, на какую-то невероятную секунду Мэйсон увидел копию корабля времени с двумя людьми внутри, мчащуюся вперед и сталкивающуюся в воздухе с гигантским муравьем. Он моргнул — корабль исчез!

Пропал, подумал Мэйсон, оказавшись в доколумбовых южноамериканских джунглях. Поверженный муравей падал на землю — прямо на двух людей, которые едва успели увернуться. Эрих и Мурдах!

Они замахали крошечными ручками, активно жестикулируя. Мэйсон начал снижаться, приземлился и распахнул люк. Они подбежали к кораблю, глаза их светились утраченной было надеждой.

Эрих помог Мурдаху подняться на борт и запрыгнул следом.

— Слава Эль-лил! — воскликнул он. — Ты как

раз вовремя, Мэй-жон! Давайте выбираться отсюда, и побыстрее!

Мурдах поколдовал над приборами. Корабль времени поднялся и помчался над опустошенной равниной.

Наконец все четверо воссоединились. Теперь... теперь, ликующе подумал Мэйсон, можно последовать за Греддаром Клоном. Найти Владыку и убить его!

Глава XII
Странные поиски

Корабль завис на безопасном расстоянии над свинцовым морем, пока они вчетвером разговаривали и Мурдах с Мэйсоном строили планы. Порванная кожаная форма Мурдаха висела лохмотьями. Его орлиное лицо было узким и изнуренным, рыжая борода почернела от грязи. Но Эрих, казалось, не изменился. Бледные глаза холодно смотрели поверх кончика носа, выражение тонких губ было угрюмым как всегда.

— Чего я не могу понять, — заметил Мэйсон, — это как я попал из Аравийской пустыни — Аль Бекра — в Южную Америку, материк на другой стороне земного шара. Я ведь перемещался во времени, а не в пространстве.

— Шара? — озадаченно пробормотала Аласа. — Земля же плоская и окружена бездной?

— Ты переместился и в пространстве. Земля движется вместе с Солнцем, у которого тоже есть своя орбита, и за миллион лет — может, больше, может, меньше — это становится очень заметным. Но, к счастью, гравитация притягивает

корабль к Земле, иначе мы могли бы оказаться в открытом космосе в нескольких световых годах от любой звездной системы. Корабль привязан, но не слишком крепко. Планета вращается, корабль времени запаздывает, и поэтому один раз ты оказался в Аль Бекре, второй — где ты сказал? — в Южной Америке, а третий — тут. Но все три места расположены рядом с экватором. — Мурдах перевернул страницу вычислений. — Думаю, я нашел Греддара Клона. Но точно сказать не могу. Оставаться здесь нам тоже нельзя, иначе мы скоро умрем с голоду. Приступим?..

Он прочитал ответ в глазах компаньонов. Не сказав ни слова, Мурдах отправил корабль сквозь время.

Свет исчез и появился снова. Они зависли над изобилующей острыми пиками горной цепью — гигантской, уходящей в небеса. Солнце было теплее, ближе и больше. Земля снова стала зеленой, лишившись мертвой свинцовой мрачности невообразимо далекого будущего.

— Это где-то между моим и твоим временем, Мэйсон, — сказал Мурдах. — Около две тысячи сто пятидесятого года.

— Две тысячи сто пятидесятого? Это же время Нирвор, — вспомнив слова серебряной жрицы,

сказал Мэйсон и, когда ему в голову вдруг пришла одна мысль, продолжил. — А не лучше ли нам сначала найти оружие? В своем времени я могу раздобыть кое-что: пулеметы, взрывчатку... а в твоем времени наверняка есть что-то получше, Мурдах.

Человек из будущего посмотрел на археолога со странным выражением глаз.

— Мое время... я не хочу туда возвращаться. По крайней мере, пока. Что касается оружия, Владыка не ждет нас. И, возможно, мы найдем оружие по пути. Стрелка указывает на восток, и мы должны двигаться туда. Будем внимательно смотреть, пока летим.

Мэйсону это не понравилось, но он ничего не сказал. Он рассматривал бесплодные горы и равнины, густые джунгли, озера и обширные моря, над которыми они проносились. Увидев светящийся шар на вершине горы, он указал на него Мурдаху. Тот подлетел поближе.

Прозрачная сфера, нескольких километров в диаметре, висела в воздухе. Когда корабль завис рядом с ней, внутри сферы Мэйсон увидел незнакомые приборы и многие ряды длинных стеклянных цилиндров. В них лежали люди — мужчины и женщины — мертвые или спящие.

Мурдах посадил корабль, и они попытались войти в эту гигантскую сферу, но тщетно. Входов не было, а прозрачное вещество оказалось прочным, как сталь.

— У нас есть легенды об этом, — сказал Мурдах. — В дни господства зверей, столетия назад, экспериментаторы пытались превратить животных в людей. Человечество предвидело угрозу, — я думаю, временное ослабление солнечной активности. Они построили огромные сферы и запечатали себя внутри, обрекая на жизнь в подвешенном состоянии. Несколько ученых попытались приспособиться к изменившемуся излучению и тратили время на превращение зверей в людей, желая создать свою собственную империю, чтобы победить спящих, когда те проснутся. Но у них ничего не вышло.

— Тут мы не найдем оружие, — проворчал Мэйсон. — Это уж точно.

— Существовало оружие, которое усовершенствовали эти ученые, — задумчиво сказал Мурдах. — Оно было потеряно и забыто. Помнят лишь о его мощи. Никакая защита не спасала против него. Вот бы его найти и применить против Гредара Клона... — Глаза Мурдаха загорелись.

— Нам понадобится магия, чтобы сражаться

с Владыкой, — заметил Эрих. — Мой ятаган не справится. Это я точно знаю.

Корабль поднялся и полетел дальше. Внизу замелькали джунгли. Вдалеке, постепенно становясь все ближе и ближе, появился город... и Мэйсон затаил дыхание при виде его невероятной красоты. Ни Рим, ни Вавилон, ни Капри никогда не могли похвастать изящным, животрепещущим великолепием этого странного города, скрытого в джунглях, рассыпавшегося и растрескавшегося от времени при взгляде с близкого расстояния, но все еще являющегося несравненной жемчужиной архитектуры.

— Розово-красный город, старый, как само время, — тихонько пробормотал Мэйсон, словно сам себе.

Корабль стал опускаться. В городе среди джунглей что-то промелькнуло — точно не человек. Животные разбегались в разные стороны. Леопард быстро скрылся в лесу. Напуганные птицы взлетели с насиженных мест.

— Греддар Клон близко, — прошептал Мурдах. — Приборы показывают это.

Корабль сел на мраморную улицу. Помешкав, Мэйсон открыл люк и вышел наружу. Ничего не случилось. В неподвижном влажном воздухе

было абсолютно тихо.

Из глубины джунглей донесся крик зверя, одинокий и удивительно резкий.

Потом вдалеке Мэйсон увидел человека. Волоча ноги, тот медленно приближался. Это был старик.

Азиат, догадался Мэйсон, отметив характерный разрез глаз, особенности лица и цвет кожи. Лицо старика было сморщенным и высохшим, как грецкий орех. Редкие седые волосы покрывали череп. Тонкие губы постоянно шевелились, что-то шепча. Полузакрытые глаза, ничего толком не видя, рассматривали Мэйсона и остальных.

Но когда человек остановился, его лицо стало другим. Он громко заговорил на языке, который Мэйсон вроде бы узнал. Это был китайский, но странно изменившийся — с другими ударениями и акцентом. Тем не менее, если китайский язык просуществовал столько веков, не было причин полагать, что он исчез к 2150 году нашей эры. Две сотни лет мало что меняют.

— Значит, Спящие проснулись? — спросил китаец.

— Мы не Спящие. Мы прибыли из другого времени... другого века, — поняв, что спросил тот, ответил Мэйсон.

Старик прикрыл глаза, из-под морщинистых век выступили слезы.

— Я думал, меня простили. Ах, я заслужил наказание.

— Наказание?

— Когда Спящие ушли в свои спасительные шары, мы отказались присоединиться. Собирались построить королевство людей-зверей. Мы воздвигли для них города и взяли под контроль те, что уже существовали. Вырастили зверей... но это было давным-давно. Только немногие остались. Они воевали друг с другом, убивали и умирали... так что сейчас я, Ли Кенг, живу в Коринуре один, с тех пор как Нирвор ушла в пустыню со своими леопардами...

Мурдах услышал знакомое имя.

— Нирвор? — вмешался он в разговор. — Расспроси его об этом, Мэйсон! Она здесь? Что он говорит?

— Я видел Нирвор, — сказал Мэйсон на китайском. — Думаю, она жива. Вы ее друг?

Ли Кенг не ответил. Его глаза остекленели. Губы задергались и искривились. Он что-то забормотал и внезапно безумно расхохотался.

Мэйсон содрогнулся. Старик был сумасшедшим!

Ли Кенг тут же пришел в себя. Он пробежал по редким волосам костлявыми пальцами.

— Я один, — пробормотал он. — Спящие простили меня? И прислали вас?

— Мы из другого времени, — пытаясь пробиться через туман, окутавший отупевший мозг, сказал Мэйсон.

— Спящие? Они простили меня?

Но затем Ли Кенг потерял интерес к разговору. Он опять безумно расхохотался.

Видимо, старик ничего не знал о Нирвор или Греддаре Клоне, хотя Мэйсон не мог быть уверен. Он тронул китайца за плечо.

— Здесь есть пища? Мы проголодались.

— А? В лесу есть фрукты и свежая вода.

— Спроси его про оружие! — прошептал Мурдах. — Спроси!

Мэйсон подчинился. Ли Кенг посмотрел на него слезящимися глазами.

— А? да. «Непобедимая мощь». Но это запрещено... запрещено.

Старик повернулся, чтобы уйти. Мэйсон шагнул вперед и осторожно схватил старика за руку. Тот слабо попытался вырваться.

— Мы не желаем зла, — объяснил Мэйсон. — Но нам нужна ваша помощь. «Непобедимая

Мощь»...

— Вы из Спящих? Они простили меня?

Мэйсон замялся.

— Спящие послали нас к вам. Они простили, — сказал он медленно и выразительно.

Сработает ли эта уловка? Может ли дать ответ безумный разум?

Ли Кенг уставился на археолога, нервно шевеля губами. Тощая рука подергала редкие волосы.

— Это правда? Они позволят мне попасть в шар?

— Да. Но в прошлый раз вы их предали. Они требуют, чтобы вы доказали свою веру.

— Они... Они... — замотал головой китаец.

— Вы должны дать им Непобедимое Оружие в качестве подтверждения, что вы не предадите их вновь.

Ли Кенг долго не отвечал.

— Да. Вы получите его. Идемте, — кивнул он.

Когда Мэйсон подозвал остальных, старик поднял руку.

— Им нельзя идти с нами.

— Почему же? — подозрительно спросил Мэйсон.

— Есть только два защитных костюма. Без них радиевые лучи убьют вас. Мы должны спустить-

ся в радиоактивные пещеры под Коринуром... — Ли Кенг резко оборвал себя, его глаза опять остекленели.

Мэйсон быстро перевел, что сказал китаец.

— Я боюсь перечить ему сейчас. Это может совсем лишить его рассудка. Вы трое останетесь с кораблем — охраняйте его, пока я не вернусь с оружием.

— Но Кент! — Лицо Аласы было обеспокоенным. — Там тебя может подстерегать опасность...

— По крайней мере, не в лице Ли Кенга, — улыбнулся Мэйсон. — Я могу о себе позаботиться. Даже если бы я был уверен, что там опасно, мне пришлось бы пойти. Пока мы не достанем оружие, нам нечем сражаться с Греддаром Клоном.

— Пусть идет, — тихо сказал Мурдах.

Эрих промолчал, но его коричневая рука сильнее сжала рукоятку ятагана.

— Пойдемте, Ли Кенг, — сказал Мэйсон старому китайцу и пошел за ним по пустынной мраморной улице.

Вскоре Ли Кенг свернул в полуразрушенное здание, пройдя между двумя покосившимися створками ворот странной архитектуры. Он остановился у входа.

— Вы должны подождать, — сказал старик.

— Войти могут только осужденные и те, кто поклоняются Селене. Я обязан рассказать богине о своих планах.

Прежде чем Мэйсон успел возразить, китаец проскользнул через внутреннюю дверь и исчез. Шепотом выругавшись, Мэйсон шагнул вперед... и остановился. Потом посмотрел в узкую щель, оставленную полузакрытой дверью.

Археолог увидел огромное тусклое помещение, скрытое загадочным мраком, и гигантскую женскую статую, возвышающуюся в дальнем конце. Ли Кенг шел к ней, затем Мэйсон увидел, как старик опустился на четвереньки, чтобы поклониться божеству.

Ну, каменная или металлическая, богиня не представляла особой опасности. Криво усмехнувшись, Мэйсон отодвинулся от внутренней двери и затаил дыхание, услышав с улицы шум и крики. Затем все прорезал гневный вопль...

Одним прыжком Мэйсон добрался до бронзовых дверей. Выглянул наружу. И когда увидел, что там происходит, его желудок скрутила судорога.

Десяток уродливых существ, слабо напоминающих людей, заполнили мраморную улицу. Они суетились вокруг корабля времени, и в середине толпы были две связанные и распростертые на

земле фигуры — Аласа и Мурдах. А к Мэйсону приближался... Греддар Клон!

Владыка шел вперед быстрыми шагами, заостренные челюсти стиснуты, в холодных глазах светилась смерть. За ним двигались странные создания, больше похожие на зверей, чем на людей. Мэйсон вспомнил про жуткую науку, превратившую животных в людей, и догадался, что уродливые и волосатые чудовища с жестокими лицами были результатом этих ужасных экспериментов. Мэйсон тут же понял, что должен делать.

Он увидел Эриха с поднятым и окровавленным ятаганом, бегущим к нему. Шумер завопил, приготовившись к бою. Он подскочил к Владыке и изо всех сил замахнулся ятаганом, но тем не менее не смог пробить атомную решетку, защищающую Греддара Клона.

Мэйсон выскочил из бронзовых ворот. Он заметил, как Владыка невольно пытается увернуться, съеживаясь под ударами шумера и поднимая крошечными ручками металлическую трубу.

Плечо Мэйсона врезалось в Эриха, оттолкнув гиганта. Археолог кинулся на шумера, стараясь вырвать ятаган у него из рук, и увидел изумление в бледных глазах. Изумление... и гнев, лютую

ярость, прошедшую по венам Эриха и придавшую ему сил, чтобы с легкостью сбросить Мэйсона. Но люди-звери уже окружили их обоих.

Мэйсон ощутил, как его схватили грубые руки. Он не сопротивлялся. Он молча встал и позволил людям-зверям оттащить его к Греддару Клону. Эрих все еще яростно сражался, но без ятагана его возможности были ограничены. В конце концов его с трудом повалили на землю и связали кожаными ремнями.

Холодные глаза Владыки буравили взглядом.

— Эрих теперь твой враг, Мэйсон, — пропищал он.

— Да.

Археолог выигрывал время. Он импровизировал, инстинктивно зная, что надо делать. Но ему нужна была возможность рассмотреть свои карты, чтобы понять, с какой ходить.

— Мы можем поговорить наедине, Греддар Клон? — спросил Мэйсон и кивнул на Эриха.

Долгое время Владыка не отвечал. Затем он прокричал приказ, и двое людей-зверей повели Мэйсона к дверям неподалеку. Карлик вошел следом.

Внутри здания, в заросшей грибами комнатке с отвратительным запахом, Греддар Клон, скре-

стив ноги, сел на пол. Он сделал жест слугам, чтобы те отпустили пленника.

— Спасибо, — проворчал Мэйсон. — Мне многое нужно рассказать. Я уж не знал, найду ли вас вообще.

— Теперь ты нашел — и что дальше?

— Ну... я хочу, чтобы вы сдержали слово.

— Вернуть тебя в твое время? — пожав узкими плечами, спросил Владыка.

— Есть еще кое-что, — тихо сказал Мэйсон. — После того как вы покинули Аль Бекр, Эрих попросил меня помочь освободить Аласу и Мурдаха. Я согласился. Мурдах рассказал о ваших планах — вы намереваетесь покорить цивилизацию и править ею. Мою цивилизацию — это так?

— Я тоже буду откровенен, — признал Греддар Клон. — Все так и есть.

— Они хотели найти вас и убить, — продолжал Мэйсон. — Мурдах построил еще один корабль времени. Я помог ему. Я притворялся, что чувствую то же, что и они. Это было несложно, поскольку я тоже собирался вас искать, только с иной целью. В Аль Бекре мне бы хватило, если бы вы просто вернули меня назад в мое время. Но сейчас, зная что у вас на уме, мне хочется большего. Я хочу стать частью вашей Империи,

Греддар Клон!

— Я уже думал предложить это тебе, — прошептал Владыка. — Но мне не нужна твоя помощь.

— Вы уверены? Мой мир вам незнаком. Вы не знаете, куда наносить удары, на какие страны и города нападать, какие торговые пути блокировать. Я знаю свой мир, с моей помощью и информацией, которую я мог бы дать, вы покорите Землю гораздо быстрее и с меньшими усилиями.

— И что ты хочешь взамен?

— Править. Править государством, разумеется, под вашим контролем. Я хочу власти...

Владыка встал.

— Я понял. Ты очень умен, Кент Мэйсон... но я пока не знаю, говоришь ли ты правду. Возможно, ты искренен, а может, пытаешься меня обмануть. Пока я не приму решение, ты останешься пленником... но тебя не тронут.

Греддар Клон махнул рукой. Схватив Мэйсона, люди-звери вытащили его на улицу. Он не сопротивлялся. Археолог заложил семя в сознание Владыки и теперь оставалось лишь ждать. Он не посмел просить освобождения Аласы и остальных — это тут же вызвало бы подозрения.

Мэйсона отвели в соседнее здание из розово-

го мрамора и затолкали в подвал. Он оказался заперт в помещении с голыми каменными стенами. Там был одинокий факел, но Мэйсон не знал, сколько он еще будет гореть.

Лохматые, неуклюжие люди-звери скрылись из виду. Мэйсон остался один, в заключении, не переставая бояться за судьбу своих друзей.

Глава XIII
Суд зверей

Через какое-то время Мэйсон встал и обследовал тюрьму. Стены, хотя и потрескавшиеся и покрытые лишайником, были весьма крепкими. Запертая дверь оказалась металлической и слишком толстой, чтобы попробовать ее выломать. Потолок и пол тоже выглядели не слишком многообещающе. Мэйсон задрожал от прохладного воздуха, пожалев, что у него нет ничего теплее набедренной повязки.

Факел, пока не выгорел, не только освещал, но еще и грел. В темноте почему-то стало сложно чувствовать время, но, несмотря на это, Мэйсон посчитал, что уже наступила ночь, когда один из людей-зверей наконец принес еду. Он просунул ее сквозь прутья решетки — месиво из полусгнивших, почерневших фруктов, которые Мэйсон с трудом смог проглотить. Однако человек-зверь принес новый факел.

Прошло не больше получаса, прежде чем археолог увидел приближающийся тусклый свет. Подойдя к двери и просунув голову между пру-

тьями, Мэйсон разглядел сутулую сморщенную фигуру. Он тут же узнал высушенное восточное лицо — Ли Кенг!

Китаец медленно отпер дверь. Жестом предложил Мэйсону выходить.

— Мы должны вести себя тихо, — пробормотал он надтреснутым голосом. — Нирвор вернулась и привела с собой зло. Они ищут «Непобедимую Мощь», но не знают, где она спрятана. Как не знают и то, что это известно только мне. Идем!

Он заковылял по коридору, держа факел в тощей руке. Мэйсон пошел за ним.

— А остальные? — тихо спросил он. — Мои друзья? Где они?

Ли Кенг не расслышал.

— Нирвор привела людей-зверей из леса в Коринур, — продолжал он старческим голосом. — Но она не получит оружие. Ты отнесешь его Спящим в качестве доказательства моей веры.

Мэйсон почувствовал острый укол совести. Они свернули в другой подземный коридор, затем в еще один и еще, пока Мэйсон совсем не заблудился в этом лабиринте. Один раз он увидел белую тень, промелькнувшую вдалеке, и вспомнил Валесту, леопарда Нирвор. Но если это и была Валеста, больше она не появлялась.

Наконец они остановились у металлической двери. Покопавшись в стенной нише, Ли Кенг вытащил два громоздких свинцовых костюма.

— Нам надо их надеть. Радиевые лучи...

Мэйсон облачился в костюм. Прозрачный шлем полностью закрывал голову. Неуклюжий в броне, китаец распахнул дверь.

Они оказались на краю скалы, спускавшейся вдали в серый туман. Узкая тропинка была очень опасной, но Ли Кенг, идя по ней, сохранял равновесие без особых проблем. С ужасом глянув в глубокую пропасть, Мэйсон направился за ним.

Метров через тридцать они обогнули выступ скалы. Мэйсон остановился, моргая ослепшими глазами. В бездне перед ним сверкало ревущее пламя, а все его тело стало странно покалывать. Смертельное радиевое излучение, понял он.

Тропинка вышла на узкий, опасный каменный уступ, нависший над пропастью. Внизу бурлил огненный котел, похожий на жерло вулкана. Но огонь, горевший там, был гораздо более мощный, чем лава, поскольку создавала его ужасная сила радия!

Сзади послышался звук. Мэйсон обернулся. Ли закричал, но его голос утонул в ревущем аду. Их преследовала Валеста — белый леопард.

За ней шла Нирвор, следом черный леопард — Бокиа. А также десяток людей-зверей, чьи клыки поблескивали красным в зареве бездны, а глаза злобно сверкали.

Ли Кенг закричал так пронзительно, что Мэйсон услышал его даже сквозь грохот радиевой бездны. Китаец махал рукой, отгоняя Нирвор назад.

Жрица засмеялась. Ее серебристые волосы развевались по плечам, едва прикрытым просвечивающим черным балахоном. Она шагнула вперед.

Ли Кенг повернулся и побежал по уступу. У самого края он встал на четвереньки, затем распрямился, держа в руках металлический ящик. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, Ли Кенг вместе с ящиком спрыгнул в бездну!

Нирвор вскрикнула. Мэйсон краем глаза увидел ее лицо, превратившееся в каменную маску отчаяния... и тут на него прыгнул белый леопард. Мэйсон потерял равновесие и рухнул на землю. Только ширина тропинки у основания уступа спасла его от падения вниз. Секунду Мэйсон лежал у самого края, вес леопарда не давал ему встать, а оскалившаяся пасть зверя была над самым лицом.

Потом грубые руки схватили его. Леопард легко отпрыгнул. Люди-звери втащили Мэйсона на уступ и подняли на ноги, поставив прямо перед жрицей.

Она резко махнула рукой, и Мэйсона потащили по тропинке. Сопротивляться смысла не было. Это означало бы смерть, и хотя он захватил бы с собой пару врагов, его все равно скинули бы в пропасть. Так что Мэйсон позволил людям-зверям доволочь себя до металлической двери, где с него сняли броню.

Лицо Нирвор побелело.

— Я осмелилась туда войти, — прошептала она. — Над радиевой ямой люди долго не живут. Еще чуть-чуть и я бы умерла... ужасно!

Содрогнувшись, она провела руками по стройному телу.

Белого леопарда, тершегося у ее ног, оттолкнул в сторону черный.

— Я так и думала, что Ли Кенг знает тайну, поэтому и следила за ним, — объяснила жрица. — Но он уничтожил «Непобедимую Мощь» и себя вместе с ней. Он ушел от моей власти. А ты... а ты нет, Кент Мэйсон! — В ее черных глазах блеснули красные огоньки. — Сегодня будет суд, — прошептала она. — Трое твоих друзей умрут. И следом

за ними — ты.

Она махнула рукой. Человек-зверь подтолкнул Мэйсон в спину. Он молча позволил провести себя по бесконечным коридорам обратно в клетку. Но Нирвор не остановилась там. Они шли все дальше и дальше, пока наконец не оказались на улицах Коринура.

— Сюда, — приказала жрица.

Мэйсон узнал здание — то самое, куда Ли Кенг привел его чуть раньше этим же днем. В лунном свете развалин было не видно, оно казалось настоящим дворцом магии — симфонией, запечатленной в мраморе.

Они прошли через бронзовые врата, затем через внутренние двери. Помещение больше не было полутемным. Его освещали факелы и заполняли люди-звери. В дальнем конце стояла гигантская статуя обнаженной женщины, коронованной луной.

Нирвор указала на скульптуру.

— Это Селена, — сказала она, — богиня Коринура... Коринура, который скоро восстанет в своем прежнем величии!

Жрица остановилась перед дверью в стене. Дверь открылась от прикосновения, и Нирвор указала внутрь.

— Заходи, Кент Мэйсон. Быстрее!

Он подчинился и оказался в темной, роскошно обставленной комнатке с подушками и гобеленами. В стенной нише стояла маленькая скульптура Селены. Воздух был необъяснимо темным, наполненным ароматами, быстро подействовавшими на голову Мэйсона. Он повернулся.

Нирвор стояла у закрытой двери. Ее черные глаза загадочно смотрели на него.

— Я сказала тебе, что ты умрешь, — произнесла она.

— Я помню, — проворчал Мэйсон. — И что с того?

— Я... я возненавидела тебя. У меня на то есть причины. Мое королевство, моя богиня, мой город Коринур — вот чему я поклоняюсь. Ради этого я сотру тебя в порошок. Но тем не менее... — Черные глаза стали какими-то странными! — ...ты же помнишь, что я сказал тебе тогда в Аль Бекре. Я — женщина... — В ее голосе звучала безнадежность. — Теперь в моем сердце печаль. Поскольку я знаю, что ты должен умереть, знаю, что ты ненавидишь меня... — Жрица опустилась на пол, ее серебристые волосы закрыли лицо. — Оооээээ, оооээээ! — зарыдала она. — За всю свою жизнь я не встречала такого мужчину, как ты.

Были ученые, как Ли Кенг, варвары Аль Бекра и... Греддар Клон. И люди-звери. Я — женщина, Кент Мэйсон! Я хочу того, чего еще не испытывала — любви.

Мэйсон не отвечал. Сладкий мускусный аромат был очень сильным. Он чувствовал себя опьяненным, удивительным образом отделившимся от своего тела. Когда Нирвор встала и подошла к нему, он не шевельнулся. Она уложила его на подушки.

Прохладные руки прижались к щекам Мэйсона, пламенные губы жадно впились в рот Мэйсона. А странные глаза были совсем близко...

Мэйсон опять прочитал в них нечто... нечто чуждое! Он отстранился.

— Ты боишься моих глаз, — прошептала Нирвор. — Но не боишься моего тела...

Она встала, ее глаза скрылись под длинными ресницами. Недолго повозившись с застежками черного халата, она позволила кружевному шелку соскользнуть к ногам. Мэйсон затаил дыхание при виде роскошного тела жрицы. Его горло внезапно пересохло.

Закрыв глаза, Нирвор приблизилась вновь. Обхватив руками голову Мэйсона, она впилась в его губы.

В сознании Мэйсона что-то щелкнуло, словно он вдруг прозрел, позволив свету проникнуть в дымную и темную комнату. Отупляющее, убаюкивающее действие ароматических веществ тут же прошло. Потому что Мэйсон *понял...*

Его желудок скрутило от отвращения. Он оттолкнул женщину. Ее глаза распахнулись.

— Я должен был догадаться раньше! Исходя из того, что мне рассказали ты, Ли Кенг и Мурдах... — хрипло прошептал Мэйсон.

Губы Нирвор превратились в алую рану на фоне бледного лица.

— Как ты смеешь так смотреть на меня! Как... — вскричала она.

— Нет. Тебе не нравится, что теперь я все знаю. Ученые и их эксперименты... превращают зверей в людей... Боже! — Мэйсон содрогнулся, вспомнив, какую страсть в нем вызвало тело девушки, и неуверенно продолжал: — Ты — результат такого эксперимента, Нирвор! Ты не человек. *Ты была животным!*

Жрица вскочила, груди ее качнулись, пальцы растопырились.

— Да! И что с того? Они сделали меня женщиной...

Лицо Мэйсона охватил ужас.

— Кем ты была? — прошептал он едва слышно.

Нирвор помолчала секунду.

— Бокиа и Валеста... — наконец сказала она.

— Леопарды?

— Они мои сестры!

Ее лицо искривилось, Нирвор подскочила к двери и распахнула ее. Из огромного помещения за ней донесся гортанный рев.

Она выкрикнула приказ. Люди-звери наполнили комнату и схватили Мэйсона. Слишком подавленный отвращением, чтобы говорить, он отчаянно боролся, пока вес тел не придавил его к полу. Мерзкий запах людей-зверей забивал нос.

Нирвор стояла над ним — само воплощение зла.

— Ты гордишься тем, что ты человек, Кент Мэйсон? Возможно, ты об этом еще пожалеешь. Поскольку сейчас ты попадешь на Суд Зверей!

Огромное помещение было заполнено множеством людей-зверей. На низком возвышении перед статуей Селены Мэйсон увидел трех связанных людей — Аласу, Мурдаха и Эриха. Мэйсона подтащили к возвышению и закинули на него. Два человека-зверя неподвижно держали его.

Нирвор стояла рядом, подняв тонкую руку. Она выкрикнула что-то на гортанном языке чудовищ.

Те проревели ответ.

— Приговор — смерть, — насмешливо сказала жрица Мэйсону. — Сначала девушка. Приготовь же ее, мой народ!

Она кивнула, и человек-зверь, подняв стройное тело Аласы, втащил его в середину толпы. Лохматые фигуры животных сомкнулись вокруг нее. Девушка вскрикнула.

Мэйсон видел, как грубые руки развязывают веревки и срывают с Аласы накидку. Девушку подняли вертикально, и секунду она дико озиралась по сторонам, а ее бронзовые волосы падали на белые плечи. Вскрикнув, она протянула руки в сторону Мэйсона, умоляя ее спасти. Потом сделала несколько шагов к нему...

Стая сомкнулась, жестокие руки грубо схватили девушку. Выругавшись, Мэйсон попытался вырваться. Люди-звери неподвижно держали его, их хватка усилилась, сбивая его дыхание. Судорожно хватая ртом воздух, весь в поту, Мэйсон заставил себя успокоиться.

Нирвор прокричала команду. Люди-звери медленно отступили назад. Один из них перекинул Аласу через плечо и запрыгнул на возвышение. Жрица указала наверх.

На крыше висел блок, с которого свисали рем-

ни. Подчинившись Нирвор, человек-зверь туго привязал к ремням запястья Аласы, подскочил к лебедке неподалеку и начал ее вращать. Аласу медленно поднимали, пока она не повисла на руках, ее волосы вуалью падали на лицо и грудь. Все выше и выше, пока ноги не перестали касаться пола...

Наконец Нирвор кивнула. Человек-зверь отошел назад. Аласа висела метрах в трех над головами — истинная красота, подвергаемая пыткам.

— Она — человек. Но скоро об этом будет сложно судить, — прорычала жрица Мэйсону.

Нирвор сдвинула рычаг. Сверху донесся скрежет механизмов. Подняв голову, Мэйсон увидел, что рука гигантской статуи Селены медленно опускается вниз. Боже! Неужели Аласу раздавят металлические руки божества?

Нет, это невозможно, иначе двигались бы обе руки. Левая рука Селены остановилась в метре от висящего тела Аласы. Из руки вырвалась белое облако... и девушка закричала от страшной боли!

Пар! Живой, кипящий пар, достаточно горячий, чтобы отделить мясо от костей! Мэйсон снова попробовал вырваться, но люди-звери с легкостью сдержали его.

Шипение прекратилось. Пар струился лишь пару секунд, но белое тело Аласы уже стало ярко-пунцовым.

Рука статуи поднялась. С громким скрипом механизмов медленно опустилась вторая рука. Из металлической ладони не появился пар, но Аласа принялась извиваться от боли. На Мэйсона дунул холодный ветерок.

Обжигающий пар, перемежающийся с потоками ледяного, мертвого воздуха! Для Аласы это будет означать не быструю смерть, а непрекращающийся ад невыносимых мучений. Она тихонько рыдала, у Мэйсона от этого кружилась голова и крутило живот.

— Нирвор! — настоятельно сказал он. — Ради бога, прекрати это! Я сделаю все что угодно...

— Поздно, — прошептала жрица.

В ее черных глазах светилась жажда пыток, а на лице был отпечаток звериной жестокости. Сейчас Нирвор управляло ее наследие — печать леопарда.

— Слишком поздно, Кент Мэйсон! Она умрет, как и все твои друзья, но раньше, чем ты. Ты сгинешь через несколько лун, а прежде познаешь глубочайшие бездны боли...

Эрих страшно выругался.

— Мэй-жон! Ты не можешь вырваться? Эти проклятые веревки слишком прочны для меня!

Узкое лицо Мурдаха было бледной маской безнадежности.

— Они уничтожили корабль времени, — сказал он. — Греддар Клон разрушил его.

Нирвор дотронулась до рычага, и рука богини начала медленно опускаться. Но прежде чем из нее вырвался раскаленный пар, в открытые бронзовые врата влетело поблескивающее прозрачное яйцо.

Корабль Владыки! И внутри него — Греддар Клон!

Глава XIV
Возмездие в Коринуре

Яйцо опустилось рядом с возвышением. Греддар Клон распахнул люк и встал, его холодные глаза оглядели происходящее.

— Тебе никто не разрешал заниматься подобными вещами, Нирвор, — резко сказал он.

Словно почувствовав угрозу, черный и белый леопарды мягко запрыгнули на возвышение и стали крутиться вокруг жрицы.

— Эти пленники не представляют никакой ценности, — объяснила Нирвор.

— Это мне решать! Этот человек... — Греддар Клон указал на Мэйсона. — Я говорил тебе оставить его в покое.

— Я застала его с Ли Кенгом там, где была спрятана «Непобедимая Мощь»...

— Ты нашла ее?

Мэйсон увидел нетерпеливость в глазах Владыки.

— Она навечно потеряла это оружие, Греддар Клон! — быстро заговорил археолог, не дожидаясь, пока Нирвор ответит сама. — Она напала на

нас с леопардами и людьми-зверями, и Ли Кенг предпочел уничтожить оружие и себя, вместо того чтобы позволить ему попасть в руки Нирвор.

— Это правда? — Владыка посмотрел на жрицу.

— Если посмотреть с этой стороны, то да. Но спроси, зачем он искал «Непобедимую мощь». Спроси же его!

— Чтобы отдать вам, Греддар Клон, — медленно сказал Мэйсон. — Ли Кенг освободил меня из клетки, сказав, что не выдаст секрет ни вам, ни Нирвор. Я убедил его, что смогу уберечь «Мощь» от попадания не в те руки. Я собирался забрать ее и передать вам, Греддар Клон, чтобы вы знали, чего стоит моя помощь.

— Он лжет! — выкрикнула жрица. — Он лжет!

— Освободите его, — сказал Греддар Клон.

Никто не пошевелился. Тогда рука Владыки поднялась, держа металлическую трубку. Из нее вырвался луч света и попал в человека-зверя, сторожившего Мэйсона. Схватившись за грудь, создание взревело от боли и упало. И умерло.

Остальные люди-звери не стали мешкать. Мэйсона отпустили, и он ринулся вперед. Два леопарда тоже двинулись, защищая Нирвор своими телами, зеленые глаза их злобно сияли.

Мэйсон быстро завертел лебедку, опустил Алу на возвышение и развязал запястья. Затем освободил Эриха и Мурдаха.

Нирвор смотрела на него, ее губы превратились в тонкие белые шрамы.

— Я же говорила, что этот человек врет! И говорила, что он умрет... как и остальные, — резко повернувшись к Греддару Клону, прорычала она.

— Пойдем со мной в корабль. Брось остальных. Нирвор собирается напасть... и люди-звери последуют за ней, — сказал Владыка на английском, языке, о котором Мэйсон уже и забыл.

Мэйсон замешкался. Его взгляд упал на корабль времени. Тот, что создал Мурдах, был уничтожен, как сказал он сам. Ну... и как эту ситуацию использовать с максимальной выгодой?

Внезапно Мэйсон понял. Это будет сложно, практически невозможно, но других вариантов нет. Резким движением он спрыгнул с возвышения и оказался рядом с Греддаром Клоном.

Его поступок вызвал смятение. Взмахнув руками, жрица прокричала команду. Рыча, леопарды ринулись вперед. Люди-звери приближались, и Греддар Клон быстро залез в корабль. Мэйсон последовал за ним. Люк захлопнулся.

Через прозрачный корпус Мэйсон увидел Эри-

ха, загородившего Аласу собой и защищающего ее своим телом. Мурдаха видно не было. Мэйсон осмотрелся.

Он благословил часы, потраченные на изучение приборов корабля времени. Это яйцо было точно таким же.

Греддар Клон находился за пультом управления. Он нажал кнопку. Поднявшись, корабль завис в трех метрах над полом — вне досягаемости людей-зверей.

Мэйсон увидел нужный рычаг. Он украдкой подошел к нему поближе. Вдруг он ощутил желание положиться на свои мышцы, чтобы побороть Греддара Клона, хотя и знал, что атомная броня Владыки неуязвима. Нет, либо так, либо никак.

Мэйсон дернул рычаг.

В воздухе внезапно возникло напряжение, нежный ветерок дунул Мэйсону в лицо. Греддар Клон обернулся. Впервые Мэйсон увидел эмоции на крошечном, похожем на маску лице. Замешательство, опаска и ярость искривили тонкие губы. Карлик шагнул вперед.

И, задыхаясь, остановился.

Давление воздуха менялось.

Мэйсон передвинул рычаг, отвечающий за климат на борту, и теперь воздух закачивался в

корабль с пугающей скоростью. Сначала Мэйсон думал выпустить воздух, чтобы создать вакуум, но быстро понял, что увеличенное давление будет для Греддара Клона гораздо более опасным. Как и для него самого! На глаза и уши уже давил невыносимый пресс. Мэйсон понял, что почти не может дышать. Воздушное давление сжимало грудь, выталкивая воздух из легких. Сделать вдох было невероятно трудно.

Крошечный рот Греддара Клона широко раскрылся, жадно пытаясь поймать хоть глоток воздуха. Владыка схватился за пояс и выхватил лучевую трубу. Испепеляющий желтый луч полетел в сторону Мэйсона. Он увернулся.

Луч двигался к нему. Кровь стучала в висках, и когда давление начало сплющивать капилляры и вены, он почувствовал ослепляющую боль. Лицо Владыки казалось странно искаженным.

Луч обжег плечо. Греддар Клон пошатнулся. И тут случилось то, чего Мэйсон так ждал.

Огромный череп Владыки... лопнул!

Лопнул, разлетелся и повис лохмотьями, как раздавленное яйцо. Гигантский мозг, едва защищенный бескостной мембраной, раздавило огромным атмосферным давлением. Тело карлика пошатнулось и упало. Каждое движение

причиняло невыносимую боль, но Мэйсон все же сумел поднять руку и выключить насос. Двинув рычаг в другую сторону, он с облегчением вздохнул. Постепенно к нему вернулось зрение.

Хотя Мэйсон знал, что резкое уменьшение давления может вызвать кессонную болезнь, он постарался выпустить воздух как можно быстрее. Глянув вниз через прозрачное днище корабля, он увидел, что люди-звери смотрят наверх, а Нирвор вместе с леопардами стоит рядом с возвышением. А на нем, невредимые, были Аласа, Мурдах и Эрих.

Мэйсон посадил корабль. Сильно рискуя, он открыл люк и на секунду ощутил головокружение и тошноту от резкой смены давления. Но люди-звери уже мчались к нему.

Развернувшись, Мэйсон подобрал лучевую трубку там, где она выпала из пальцев Греддара Клона. Мурдах и остальные бежали к кораблю. Люди-звери отрезали им дорогу.

И тогда Мэйсон сжег их тепловым лучом. В спину ударила какая-то тяжесть, он не упал, но трубка вылетела из руки. В шею вцепились железные пальцы.

Вытянув руки назад и вверх, археолог нащупал мохнатую плоть. Он резко наклонился вперед,

и человек-зверь, застигнутый врасплох, упал с возвышения. Его спина ударилась о мраморный пол с тошнотворным хрустом. Чудовище больше не шевелилось.

Мэйсон осмотрелся. Эрих и Аласа были рядом с ним, обнаженное тело девушки еще пылало после пытки паром. Мурдах бежал к ним, держа лучевую трубку, потерянную Мэйсоном.

Серебряная жрица стояла на краю возвышения, крича от ярости. Повернувшись, Мурдах увидел ее.

Он поднял оружие. Из трубки вылетел желтый луч.

И Нирвор, женщина-зверь, жрица Селены в Коринуре, на секунду замерла, а потом молча упала и так и осталась лежать на мраморном полу.

Черный леопард взвыл так, что Мэйсону стало плохо, поскольку он знал, какие отношения были между Нирвор и леопардами. Зверь помчался прямо к Мурдаху.

Тот убил его тепловым лучом.

Затем Мэйсон повернулся и побежал к кораблю, вместе с остальными залез в открытый люк, захлопнул его и поднял корабль в воздух, когда белая ярость — леопард Валеста — с рычанием накинулась на прозрачный корпус. В приступе

бешенства люди-звери рванулись к возвышению. Не совсем отдавая отчет своим действиям, Мэйсон прикоснулся к пульту управления и отправил корабль в путешествие во времени. Фантастическая сцена снаружи скрылась за занавесом тьмы.

Черная вуаль поднялась. Они все еще висели в храме Селены, но теперь он опустел. Бронзовые ворота были приоткрыты, и через них проникал бледный, холодный свет. Факелы больше не горели.

Было темно и очень, очень холодно!

Время изменило все.

— Мы в будущем, — глянув на приборы, прошептал Мурдах. — Прыгнули на десять лет...

Всего лишь секунду назад тут бушевала адская бойня, но на самом деле Мэйсон знал, что прошло десять лет. Ничего не сказав, археолог посадил корабль. У его ног лежало искалеченное тело Греддара Клона, он вытащил тело из корабля, не глядя на обезображенные лицо и голову.

— Нам нельзя долго тут оставаться, — сказал Мурдах. — Солнечное излучение ослабло. Думаю, жизнь на Земле вне прозрачных сфер просуществует недолго. Пройдет много сотен лет, прежде чем Солнце восстановит былую яркость и Спя-

щие проснутся. Но давайте посмотрим, что через десять лет стало с Коринуром.

— Это безопасно? — прошептала Аласа.

— Вполне, — ответил Мурдах.

Однако на выходе из люка он пропустил всех вперед.

Огромный храм тонул во мраке. Джунгли вторглись в его пределы лианами, грибами и травой, рука статуи Селены отвалилась. Стояла полная тишина.

Аласа прижалась к Мэйсону, и он обнял ее. Она дрожала.

— Подождите секунду. Я хочу сказать вам кое-что.

Мэйсон развернулся. Мурдах стоял рядом с люком корабля, метрах в четырех от них. В руке он держал излучатель.

В тени его рыжие волосы казались черными.

— Не подходите ближе, — продолжал он. — Я не хочу вас убивать. Предпочитаю оставить вас тут, живыми.

Не веря своим ушам, Мэйсон шагнул вперед. Рука Мурдаха поднялась. Лучевая трубка нацелилась археологу в грудь.

— Стой, где стоишь! — предупредил человек из будущего. — Я не шучу!

— Мурдах! — ахнула Аласа. — Что ты делаешь?

— Делаю? То, что запланировал Греддар Клон. Вы так и не поняли, почему я не хочу возвращаться в свое время. Там я преступник — меня разыскивают. Я пытался свергнуть правителей и сбежал, полетев через пустыню, где попал в ловушку времени. О, вы помогли мне, все трое — помогли победить Греддара Клона. Но теперь, когда он мертв, я могу сделать то, что собирался — захватить какой-нибудь отрезок времени и править им!

— Ты — пес! — с пылавшими глазами взревел Эрих. — Подлый предатель!

— Говори, что хочешь, но ближе не подходи, иначе умрешь. План Владыки будет исполнен, как он и собирался, но с одним изменением — его место займу я. Что касается вас троих, я проявлю милосердие и оставлю вас тут. Возможно, вы проживете какое-то время. А может быть, солнечная радиация скоро убьет вас.

Мэйсон почувствовал, как стройное обнаженное тело Аласы теснее прижалось к нему. К пересохшему горлу подкатил комок. Проиграть сейчас, из-за предательства Мурдаха, после всего, что они пережили! Эта мысль была невыносимой.

Мэйсон глянул на Эриха и увидел понимающий взгляд шумера. Они нападут одновременно. Мурдах, конечно, убьет одного, но, возможно, второй... Мурдах распознал их намерения. Он стиснул зубы. Когда мышцы Мэйсона напряглись, он поднял лучевую трубку.

А потом... из тени выпрыгнуло нечто невозможное! Белая молния с ревом обрушилась на Мурдаха и сбила его с ног. Он тщетно пытался бороться с разъяренным зверем. Мэйсон мгновенно понял, что произошло.

Валеста, белый леопард! Десять лет она пряталась в храме, наблюдая и поджидая человека, убившего серебряную жрицу. И теперь, спустя десять лет, клыки и когти совершили возмездие.

Сверкнул тепловой луч. Острые когти рвали плоть на куски. Мурдах закричал. Это был ужасный вопль, ставший невыносимо громким и резко оборвавшийся захлебывающимся бессловесным бульканьем чистого ужаса.

Затем все кончилось. Человек и леопард лежали тихо и неподвижно...

Они умерли!

Когда Мэйсон закрыл люк корабля, последним взойдя на борт, он ощутил странное чувство нереальности происходящего. Он окинул взглядом

громадный мрачный храм Селены, медленно превращавшийся в темные руины. Его охватил трепет, когда он подумал о бесчисленных жизнях, существовавших в мертвом Коринуре, и невероятном множестве людей, которые будут обитать на Земле, пока последний человек не испустит дух в ледяных сумерках планеты, лишенной света и тепла.

Археолог невольно содрогнулся. Аласа подвинулась ближе, в ее золотистых глазах читался немой вопрос. Глянув вниз, Мэйсон почувствовал, как уныние покидает его.

— Аласа, — нежно сказал он. — В чем дело?

— Мы можем вернуться... — Голос девушки был неуверенный.

— Вернуться... точно! — проворчал Эрих. — Я устал от Аль Бекра, Мэй-жон. От этого мира я тоже устал. Твой мир — он должен понравиться мне. Но... — Он замялся, а в его холодных глазах появился странный взгляд. — Но я служу тебе, Аласа. Если хочешь, чтобы я вернулся в Аль Бекр, то я так и сделаю. Но клянусь именем Эль-лил — с Мэй-жоном я пойду хоть на край света!

— Наверное, ты прав, — сказала девушка. — Но что Мэйсон думает об этом?

Вместо ответа Мэйсон шагнул вперед и стиснул

коричневые руки шумера.

— Мы отлично сражались, — сказал он. — И мы бы вместе умерли, если бы потребовалось. Все, что есть у меня — твое, Эрих. Не думаю, что ты пожалеешь, если пойдешь со мной.

— А я? — вставила Аласа.

Мэйсон повернулся.

— Я думаю, ты вернешься в Аль Бекр, — ответил он, и при мысли о том, что он потеряет девушку, к его горлу подступил жесткий комок. — Я знаю, как работает корабль времени. Я могу...

— О, Кент, глупенький! — прошептала Аласа. — Мы же сражались вместе и могли умереть. Мой народ в Аль Бекре теперь в безопасности. Меня там ничто не держит. И... ты позволишь мне присоединиться к вам с Эрихом?

Мэйсон обнял Аласу.

— Позволить? Это единственное, чего я хочу. Но я не смел просить...

Девушка улыбнулась, ее бронзовые локоны упали на плечо Мэйсона.

— Я не позволю тебе от меня сбежать, Кент. Можешь даже и не пытаться.

Шумер тихонько засмеялся.

— Идем, Мэй-жон! Пора в путь. Мне не терпится увидеть твой мир.

— Хорошо, — улыбнулся Мэйсон. — А если он вам не понравится... ну, у нас все еще будет корабль времени. Возможно...

Не закончив, археолог протянул руки к пульту управления, и на них опустилась пелена тьмы.

И в этой темноте Аласа поцеловала его.

The time trap, (Marvel Science Stories, 1938 № 11).
Пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

СЕКРЕТ ЗВЕЗДЫ ЗЕМЛИ

Глава I
Грабеж

Несмотря на ужасную жару индийской ночи, в искусственно охлаждаемой комнате во дворце было прохладно и уютно. Она была чрезмерно роскошной для рабочего кабинета, однако вполне могла соперничать с любыми нью-йоркскими апартаментами. Трое сидели за стеклянным столом, на котором лежал кожаный саквояж.

Когда вошли два индийца, они, встав, уважительно поклонились Раджаху. Тот — маленький человечек с болезненным лицом, жидкими усами и губами, слишком большими и красными на фоне всего остального, — едва ли заметив приветствие, уставился на кожаную сумку.

— Звезда Земли у вас? — спросил он.

— Да, — ответил один из трех европейцев.

Индиец открыл сумку, поднял крышку встроенного в нее металлического футляра и достал коробочку для ювелирных изделий.

Рот Раджаха пересох. Он не смог подавить мелкую дрожь.

— Звезда Земли... — прошептал он.

На черном бархате пылал огромный драгоценный камень. Овальной формы, он был божественно прекрасен, с лучами живого света, пылающими из самого его сердца. Внутренние цвета менялись и переливались под слабым освещением. Он походил на алмаз, — но ни один алмаз не обладал чудом Звезды Земли.

Секретарь Раджаха начал глубоко дышать.

— Углерод, — пробормотал он. — Несколько миллионов лет назад это был папоротник...

— Не все так просто, сэр, — прервал его один из европейцев, так что ему пришлось отвести взгляд от камня. — Чтобы создать Звезду Земли, потребовалось необычайное давление. Его добыли в новых шахтах в каверных пустотах на дне Атлантики, знаете ли, где ищут жилы на огромных глубинах. Звезда Земли возникла из папоротника... но этот папоротник каким-то образом оказался погребен глубже, чем считалось возможным. Он во много раз тверже алмаза, хотя, разумеется, это тоже углерод. Существует только один такой...

— В короне вашего правителя тоже есть Звезда Земли, — тихо сказал Раджах.

Скрытая улыбка промелькнула на лицах европейцев.

— Да, есть. Превосходная подделка. Повторяю: вы станете единственным обладателем Звезды Земли.

Раджах положил на стол худую руку, поблескивающую бесценными кольцами с драгоценными камнями.

— Значит, договорились. Мой секретарь выпишет вам чек.

Вдруг лунный свет что-то заслонило. Фигура человека, казалось появившегося из сердца ночи, прыгнула через открытое окно и мягко приземлилась на толстый ковер. Через окно была видна отвесная бездна, уходящая к речному ущелью далеко внизу.

Резкие движения европейцев и быстрый взмах руки секретаря Раджаха замерли при виде странного на вид пистолета, который держала рука в перчатке. Незваный гость стоял неподвижно, одной рукой придерживая металлическую лестницу, второй конец которой уходил куда-то вверх. На нем была обычная кожаная куртка, а лицо скрывала черная шелковая маска.

— Не двигайтесь, — сказал он низким, явно измененным голосом. — Нет... этого не надо!

Пистолет слегка дернулся — это было единственным свидетельством того, что на курок нажали. Один из европейцев слабо выругался, когда его рука, обмякнув, повисла вдоль тела.

— Нейропистолет, — довольным голосом заметил человек в маске. — Он *может* и убить, знаете ли... Прошу вас не двигаться. А теперь... — Он прицепил гибкую лестницу к стулу и осторожно подошел к столу. — Звезда Земли, да?

— Не будь дураком, — сказал секретарь. — У тебя не получится его продать. Он уникален.

Незваный гость не ответил, но в его насмешливом взгляде появилось удовлетворение.

— Продать? — прорычал высокий европеец. — Болван... ты что, никогда не слышал о Мерлине?

Пока он говорил, его нога медленно сдвигалась к стулу, к которому была прикреплена лестница. Когда Мерлин повернулся к нему, тот застыл.

— Так ты узнал меня?

— Я слышал о тебе.

— Ладно! — Голос Мерлина вдруг сделался резким. — Тогда слушай! У меня есть способы узнавать то, что я хочу. Я обнаружил, что определенные силы, правящие твоей страной, решили

продать Звезду Земли нашему другу Раджаху. Цену я не знаю, но, должно быть, она баснословна. Если бы деньги пошли на благие цели, я не пришел бы сюда сегодня.

Высокий европеец легонько пнул стул. Металлическая лестница соскользнула, и проехав по ковру, исчезла в окне. Мерлин, кажется, этого даже не заметил, хотя его путь к отступлению теперь был отрезан.

— Но деньги пойдут на оружие, — продолжал он. — А вы, джентльмены, и те, что за вами, пытаетесь развязать новую войну. Что же касается тебя... — он взглянул на Раджаха. — Ты просто идиот. Не шевелись! Наверное, ты первый раз слышишь правду, но теперь ты послушай ее до конца. Ты — самый богатый человек на Востоке — унаследовал свое состояние, как и власть. Ты, впрочем, не станешь платить за Звезду Земли из своего кошелька. А вместо этого повысишь налоги, хотя твои люди и так уже голодают. Вот еще одна причина, почему я здесь, — Мерлин глянул из окна вниз. — Думаю, этот кусок углерода вызовет много проблем. Так что я заберу его с собой. Его имитация не заинтересует Раджаха. Поэтому...

Засунув драгоценный камень в карман, Мерлин

пошел к окну. Остальные пристально наблюдали за ним. Казалось, он так и не заметил отсутствия металлической лестницы.

В одной руке он все еще держал пистолет, а в другой появился предмет, похожий на фонарик.

— Вам, может быть, интересно узнать, почему ваша охрана и сигнализация меня не засекли. Я прилетел на гиросамолете.

— Но... мои глушащие двигатели лучи... — глаза Раджаха расширились.

— Они действуют всего лишь на сотню метров. Я завис гораздо выше и спустился по лестнице. А вот и она.

Из темноты появилась вдруг лестница.

— Умный ход, — но у меня есть очень мощный магнит, — засунув «фонарик» в карман кожаной куртки, довольным голосом сказал Мерлин. — Я покидаю вас, джентльмены...

Поставив ногу на подоконник, он на секунду отвлекся. В то же самое время самый высокий европеец решил действовать. Разразившись ругательством, он рванулся вперед, схватил Мерлина одной рукой за куртку, а второй — за запястье руки, держащей пистолет.

— Хватайте его! — завопил секретарь.

Он бросился к кнопке сигнализации. К окну

подбежали остальные европейцы.

Мерлин боролся молча. Противник пытался затащить его назад в комнату, и это означало бы смерть. Грабитель бросил оружие и обеими руками схватился за лестницу.

Он подтянулся, переложив весь свой вес на руки. Европейца неизбежно тоже начало поднимать. Он потерял равновесие. Обоих стало по дуге вытаскивать в ночную темноту, а цепляющиеся пальцы промазали мимо цели на какой-то сантиметр.

— Стреляйте! — прокричал Раджах. — Пристрелите его!

Из окна засверкали выстрелы. В тусклом лунном свете, вися над бездной на непрочной металлической лестнице, боролись две фигуры. Вниз полетел какой-то кусок ткани.

— Его маска...

— *Мартелл!* — раздался из темноты громкий и четкий голос.

Он тут же превратился в крик, и один из двоих на лестнице сорвался в пропасть.

Держа в руке фонарик, секретарь стоял у окна. Он направил луч вверх — на человека в кожаной куртке, отвернувшегося от света. Зажглись прожекторы на крыше, окутав Мерлина беспо-

щадным светом. Раздался грохот выстрелов.

— Они достанут его, — сказал Раджах. — На крыше есть пулеметы.

Взметнувшись, рука Мерлина ухватилась за верхнюю ступеньку. И — внезапно — он пропал! И лестница, и грабитель исчезли!

Раджах продолжал озадаченно смотреть вверх.

— Как...

— Автоматическая лебедка на его самолете. Его просто подняло. — Говоривший европеец посмотрел на разряженный пистолет. — Лучше отправьте за ним самолеты.

По кивку Раджаха секретарь поспешно покинул комнату, важно бросив: «мы его возьмем».

— Нет, не возьмете. У Мерлина быстрый самолет. Он часто такое проделывает. Но в этот раз... ну, он потерял маску.

— Ты узнал его?

— Стоун узнал... и сорвался в пропасть. Он выкрикнул имя. Помнишь? Мартелл.

— Распространенная фамилия, — нахмурился Раджах.

— Мы со Стоуном много работали вместе. Он не знал ни одного Мартелла. Он узнал имя и лицо откуда-то еще. Телевизор, газеты — все знают Сета Мартелла и его сыновей. Я должен незамед-

лительно связаться со своим правительством. Могу я использовать вашу рацию?

— Да. Верните Звезду Земли, и я куплю ее.

— Значит, — мрачно сказал европеец, — договорились.

Глава II
Побег

Обветренное суровое лицо Сета Мартелла изобиловало глубокими морщинами, когда он пристально рассматривал сложенную газету, лежащую на столе. Теплый солнечный свет струился в окна квартиры на верхнем этаже, откуда открывался вид на Нью-Йорк, и придавал седым волосам и подрезанным усам Мартелла серебристый оттенок. Он просто излучал суровость... пока не поднял веки и не взглянул на трех молодых людей, сидящих перед ним.

Сэт Мартелл был одним из самых влиятельных людей в Америке. Он был связан с высокопоставленными военными, и ни его честность, ни его преданность стране никогда не ставились под сомнение. Он всегда непоколебимо следовал своим идеалам, вне зависимости от того, что это за собой влекло. А теперь...

Теперь в его голубых глазах была боль.

Теребя сложенную газету короткими мозолистыми пальцами, он смотрел на троих сыновей и не знал, что сказать.

— Ну? — спросил, наконец, Мартелл.

Никто из троих не сказал ни слова.

Мартелл потянулся к звонку, но тут же отдернул руку и посмотрел на самого высокого из троих.

— Тони. Это ты — Мерлин?

Тони — темноволосый, стройный молодой человек с проницательными темными глазами и узким энергичным лицом — дерзко поднял бровь.

— Я, сэр? Мерлин?..

Мартелла на секунду подвела сдержанность.

— Отвечай! — прокричал он.

Тони отрезвел.

— Нет, сэр, — тихо сказал он. — Я не Мерлин.

— Фил.

Второй молодой человек, светловолосый и коренастый, вынул изо рта короткую трубку.

— Нет, сэр.

— Джимми.

Третий из тройки немного походил на Тони, но выглядел не таким взрослым. Энергичность Тони превращалась в энтузиазм на юношеском и приятном лице Джимми. Он окинул взглядом остальных и, помешкав, слегка нахмурившись, сказал:

— Я не Мерлин, сэр.

— Ладно, — вздохнул Мартелл. — Идите, мальчики, на террасу и ждите. Скоро прибудут следователи. — Пока сыновья не встали с мест, он сидел, внимательно рассматривая свои ногти.

Тони оставил их у двери.

— Скоро вернусь, — пробормотал он и быстрым шагом ушел по коридору.

Двое вошли в помещение, десять минут спустя старший присоединился к ним, его лицо было невозмутимо бесстрастным. Подойдя к окну, он принялся смотреть на небоскребы Нью-Йорка, стоящего на пороге двадцать первого века. И задумчиво насвистывать.

— Сет настоял на том, чтобы допросить нас еще до детективов. Так великодушно с его стороны.

Нервно закурив, молодой Джимми кивнул.

— Чертовски великодушно. Но все же... Я не понимаю.

В серьезных глазах Фила явно читался вопрос.

— Ты уверен? Вне всяких сомнений, власти считают, что тот негодяй — это кто-то из нас. Мне интересно...

Возникло короткое молчание.

— А кто такой этот Мерлин? — спросил наконец Джимми.

— Самый хитрый злодей в мире, — обернувшись, ответил Тони. — По крайней мере его не могут поймать уже два года. В наши дни это о многом говорит. Практически, он — Робин Гуд. Убивает только из самозащиты... и никогда ради личной выгоды.

— Многим преступникам удается скрываться от правосудия в течение многих лет, но все они — мелкая рыбешка, — вставил Фил. — Этого недостаточно, чтобы привлечь внимание. Однако Мерлин... все думают, что у него за спиной большой опыт. Помнишь, когда убили Дженисона? Губернатора Дженисона? Мерлин разделался с ним, и никто не знал почему, пока не вскрылось, что Дженисон был одним из самых крупных политических рэкетиров в стране. В некотором смысле Мерлин и правда Робин Гуд, но закон все равно против него.

— И еще, — саркастически заметил Тони, — один из нас и есть Мерлин. Ну, так говорят.

— И кто же он? — ухмыльнувшись, спросил Фил.

— О, скоро мы узнаем. Сначала составят наши психологические портреты — характеристики личностей — и сравнят с анализом действий Мерлина. А потом детекторы лжи скажут, кто из

нас — Мерлин. Это — безошибочная процедура, как ты знаешь.

Джимми потушил сигарету и резко повернулся к остальным.

— Вы чертовски легкомысленно ведете себя! Что, если это правда? Что, если один из нас и есть тот негодяй... вы хоть понимаете, что это будет означать для Сета? Его сын стал известен миру как вор и убийца. Сет нам поверит, я знаю. Но я также знаю, что значит для него честь. У него серебряная пластина в черепе, потому что честь для него дороже жизни. И сейчас...

— Замолчи, Джимми, — спокойно прервал его Фил. — Мы и сами в курсе. Но что мы можем с этим поделать?

— Наш младший брат собирался сказать, что Мерлин должен во всем сознаться. Как трогательно. Отличный заголовок для новостей по всему миру. Сет тут же закроет все офисы — он это сделает. Все узнают, что сын Сета Мартелла — это Мерлин, — пробормотал Тони.

— Мерлин может... исчезнуть, — предложил Фил.

— Ему придется исчезнуть навсегда. Предположим, я и есть Мерлин, и представим, что я исчез. Подписанное признание будет ничуть не хуже.

Как только я пропаду, сам этот факт послужит доказательством, что я — Мерлин. Никто никогда не следил за нами. Как сыновья Сета, мы были выше рутинных проверок. Мы отчитывались перед Сетом раз в месяц. В остальном никто нам не докучал, и имея кучу свободного времени, мы могли делать, что душе угодно. Включая грабежи и разбои!

— В любом случае, в наши дни и в таком возрасте не получится просто взять и исчезнуть, — проворчал Фил. — Только не при телевидении, беспроводных устройствах, телефотографии и всего прочего. Где, черт побери, может спрятаться человек на долгие годы?

— В Иностранном Легионе, — ответил Тони и стал ждать.

Внимательно глядя на лица братьев, он отметил удивление, поражение и недоверие, которые тут же пропали. В глазах Фила появилась упрямая мрачность, а на лице Джимми — волнение.

— В Легионе? — спросил он.

— Да. Там нет экстрадиции. Иностранный Легион образовался в 1960 году, и ни одно правительство не имеет над ним власти. Они пользуются услугами Легиона так же, как раньше гессенские герцоги продавали своих солдат, чтобы те сра-

жались за другие страны. Когда работа слишком грязная для регулярных частей, нанимают Легион — и отказываются от экстрадиции. Полярные крепости. Пустыня Сахара. Патрулирование каналов на Марсе. Охрана опасных космических маршрутов. Это — как старый Французский Легион. Нынешний Легион частный, и как только вступаешь в его ряды, никто не сможет тронуть тебя ни на Земле, ни на Марсе. До тех пор, пока состоишь в Легионе. Но, как правило, долго там не живут.

— Звучит ободряюще, — затягиваясь трубкой, проворчал Фил. — Кстати, кто из нас Мерлин?

— Я — тот самый парень, — улыбнулся Тони. — И этим я занимался все время. Я собираюсь скрыться. Вступлю в Легион. И... ну, хотел, чтобы вы об этом знали. Разумеется, я не могу рассказать все Сету. Но...

— Будь я проклят, — в изумлении сказал Фил. — Звезда Земли у тебя?

— Совершенно верно.

— Странно. Так получилось, что она есть и у меня. В дупле зуба.

— Да вы оба несете чушь, — влез в разговор Джимми. — Камень у меня.

— Так не пойдет, — покачал головой Тони.

— Нет смысла всем троим уходить в Легион. Достаточно исчезнуть одному. Так что...

— Подождите-ка минутку, — сказал Фил. — Предположим, мы исчезнем втроем. Никто не выдвинет обвинения против троих людей, когда двое явно невиновны. Кроме того, камень у меня...

— Да, — проворчал Тони. — Но не спеши. Вы оба заходите слишком далеко. Я уже ухожу. Направляюсь в Легион, а вы остаетесь тут.

— Встретимся там, — сказал Джимми.

Спор продолжался без всякого результата. Джимми и Фил твердо стояли на своем. Каждый настаивал, что именно у него был украденный камень. И если они не пойдут с Тони сразу, то просто последуют за ним и вступят в ряды Легиона по отдельности.

— Тогда давайте держаться вместе, — наконец подытожил Фил. — Так у нас будет больше шансов.

Губы Тони сжались.

— Вы чертовы дуралеи! Вы ведь и вправду сделаете это... ну, останьтесь здесь. Я пойду за самолетом-амфибией.

— Что, если следователи нагрянут раньше? — спросил Фил.

— Задержите их. И приглядывайте за окном.

Джимми закусил губу.

— Как ты собираешься выбраться отсюда? Что, если охрана...

Тони ухмыльнулся.

— Скоро узнаешь.

Он повернулся к двери — и исчез, совершенно спокойный с виду. Но пока он быстро шагал по коридору, в его сознании появилась грызущая тревога. Охрана, без сомнения, попытается предотвратить попытку бегства. Помочь сможет только слепая удача.

Тони вошел в большую, сверкающую кухню, на голых стенах которой были пышные фрески. Вся кухонная техника и мебель были встраиваемыми, так что плита, столы и другие приборы выезжали из своих ниш при нажатии кнопок. Помещение казалось пустым.

Окинув кухню пристальным взглядом, Тони сосредоточился на ближайшей панели. Подойдя к ней, он распахнул дверцу, за которой была темнота. Кухонный лифт. Взгляд вверх сказал ему, что кабинка лифта находится внизу, хотя он не знал, как далеко. Проворно сунув ноги в дыру, Тони ухватился за веревки сильными пальцами.

И закрыл за собой панель.

Там была неполная темнота. Сверху пробивалось равномерное бледное свечение, и Тони медленно и осторожно начал спускаться ко дну шахты. Путь предстоял долгий. Если он не доберется достаточно быстро до кабинки лифта, пальцы неизбежно потеряют судорожную хватку. А это верхний этаж небоскреба.

Уже через несколько метров он стер ладони до крови. Становилось темнее, а внизу была лишь непроглядная темнота. Тони обвил ногами веревку и отдохнул пару секунд — больше он не посмел. Время было жизненно важным.

Затем он продолжил спуск. Когда он оказался в полной темноте, каждая мышца уже болела от напряжения. Руки ужасно жгло. Плечи ныли.

Ноги Тони плавно опустились на остроконечную крышу кабинки лифта.

С облегчением ловя воздух ртом, он расслабился, но продолжал держать веревку обмотанной вокруг кистей, чтобы под его весом кабинка не рухнула на дно шахты. Однако через секунду он уже стремительно падал, изредка замедляя скорость, когда осторожность побеждала настоятельную нужду в спешке. Наверху, на верхнем этаже, ждали Джимми и Фил, которых, возможно, уже допрашивают следователи. И Сет... неви-

димое в темноте лицо Тони помрачнело. Сет страдал. Преданность старика своим идеалам и человечеству противостояла его искренней любви к троим пасынкам. И одним из троих был Мерлин.

Наконец кабинка стукнулась о дно шахты. Узкая щель, через которую пробивался свет, указывала на раздвижную дверь, ведущую в подвальную комнату носильщика. Используя лезвие ножа, Тони постепенно увеличивал щель, пока не обнаружил, что комната пуста.

Дальше было легче. Спецодежда и кепка из шкафа обеспечили хорошую маскировку, и неся мусорный бак, Тони спокойно прошел мимо охранника, стоящего на входе. Он поставил груз на тротуар и, не останавливаясь, быстро зашагал к углу здания.

— Эй, ты! Минутку! — окрикнул его кто-то.

Тони повернулся. Охранник шел следом, сверля его взглядом. Толстый палец подозрительно вытянулся.

— Куда это ты направился?

Улица была почти полностью пуста. Тони не стал ждать охранника. Он сам поспешил к нему, свесив руки вдоль тела — до самого последнего момента. Затем, когда охранник понял, что сей-

час произойдет, и его рука метнулась в карман, Тони изо всех сил ударил его в челюсть. Удар был нанесен с такого близкого расстояния, что прохожие ничего не заметили. Единственным звуком был глухой стук кости об кость. Поймав охранника, когда тот начал падать, Тони быстро оттащил его в подвал и оставил там лежать без сознания.

Других охранников не было.

Тони больше никто не останавливал. Дойдя до цели, он сел в маленький самолет-амфибию, оборудованный гиродвигателями, и поднял его в воздух через люк на крыше. К счастью, у Тони в кармане было полно денег. Если бы он захотел, то мог бы купить самолет, а не взять напрокат. Но, как и у большинства кораблей этого класса, пульт управления был оснащен устройством «заблудившийся голубь», благодаря которому самолет можно вернуть в ангар в любое время с помощью радиосигнала.

Пальцы Тони колдовали над органами управления. Корабль был просто чудесный — маленький и быстрый, в форме толстой сигары, с убирающимися крыльями и другими выступающими элементами. Тони выписал широкую дугу, которая вскоре вывела его прямо над небоскребом,

являвшимся его целью.

Он немного тревожился по поводу того, что там происходит и ждут ли его еще Фил и Джимми. Ну... главное все сделать быстро. Следователи уже настороже. Вид приближающегося самолета предупредит их, что стоит ждать неприятностей. Ухватившись за рычаги, Тони сделал глубокий вдох... и спикировал круче, чем диктовала безопасность. Шум ветра позади корабля превратился в высокочастотный вой почти за пределом слухового порога.

Небоскреб подлетел к нему, как брошенное копье. Шпиль здания, казалось, вот-вот пронзит корабль. Но рычаги двигались с идеальной точностью, и амфибия зависла напротив окон верхнего этажа в целости и сохранности, остановившись с рывком, от которого затрещали кости, когда автоматика взяла управление на себя. Тони прогнал головокружение и поморгал — в глазах все плыло. Размытая картинка обрела четкие очертания. Слишком далеко влево...

Тони подлетел ближе. Вот нужное окно. За стеклом он увидел широкую спину Фила и руку, вытянутую в качестве предупреждения. Значит, следователи уже прибыли. Но где Джимми? Тони не мог его найти.

Послышался незнакомый голос. Следователь...

— Что ж, мы найдем его. А детекторы лжи скажут нам все, что нужно. Попытка подставить Сета Мартелла была худшим из всего, что сделал Мерлин.

— Вы сошли с ума, — сказал Джимми.

— Да? Один из наших людей все видел. Мерлин открывал сейф Мартелла — пытался положить туда Звезду Земли и свалить вину на Мартелла. Но ему не хватило времени. Наш человек оказался слишком близко, и Мерлину пришлось сматываться. Так кто из вас это был?

Брови Тони поднялись. В дело вступил новый элемент. Пытаться скинуть вину на Сета — да, это чертовски подлый трюк. Так что...

Тони тихо свистнул, и Фил, дернувшись вбок, что-то выкрикнул. К окну подбежала худая фигура. Тони только успел заметить бледное юное лицо Джимми, как тот уже оказался в воздухе, в горячности чуть не промахнувшись мимо люка. Тони схватил его за руку и затащил внутрь, прежде чем тот сорвался бы вниз. Под дополнительным весом аппарат слегка накренился, затем, когда электроника включила дополнительные стабилизаторы, вернулся в прежнее положение.

Из помещения донесся удар, кто-то завопил от боли. Показался Фил, его лицо было бесстрастным и спокойным. Прыгнув, он точно приземлился и тут же развернулся. В его руке Тони увидел бронзовую статуэтку, которую тот схватил со стола.

— Беги в рубку! — крикнул Фил.

В окне появились чьи-то лица. Яростно протрещал пистолет. Фил бросил статуэтку с идеальной точностью, разбив стекло прямо над выбежавшими людьми, и следователи попятились назад, уворачиваясь от града осколков. Вернулись они практически сразу... но руки Тони были уже на пульте управления.

Корабль взлетел. Когда он повернул на юг, далеко внизу стали видны поблескивающие воды залива Лонг-Айленд.

— Они летят за нами. Я вижу самолеты... — натянуто сообщил Джимми.

Фил сдвинул рычаг. Верхняя часть конструкции самолета тут же закрылась прозрачными панелями, делая его еще больше похожим на толстую блестящую сигару.

Тони направил корабль круто вниз. Уже почти над самой водой он перешел на плавный спуск, войдя в залив практически без брызг. Свет загородила зеленая полупрозрачная субстанция,

становящаяся темнее по мере того, как корабль уходил все глубже.

— Не опускайся слишком глубоко, — предупредил Фил. — Корпус не выдержит удара о дно.

Тони не ответил. Он был занят рычагами, пытаясь выжать из корабля всю возможную скорость, прежде чем преследователи засекут их поисковыми лучами. Если им удастся достигнуть внешней Атлантики, они будут в безопасности, если, конечно, не какой-нибудь несчастный случай. Но в заливе им точно оставаться не следует.

Внезапно вода впереди закипела и забурлила. По ним выпустили торпеду. Тони рванул корабль вверх и затем почти сразу вниз, резко уходя влево. Прежде чем его спутники сумели перевести дух, корабль уже мчался обратно по тому же самому пути.

— Какого черта... — вспылил Джимми.

Пальцы Фила схватили руку младшего брата.

— Отличная мысль, Тони.

— Может быть, — кивнул тот. — Мы спрячемся у входа в Хадсон. Они никогда не станут там искать. А ночью выскользнем, опять поднимемся в воздух... и направимся в Легион.

— Оказавшись там, мы будем в безопасности. Из Легиона же нет экстрадиции, да? — спросил

Джимми.

— Разве что в ад, — ухмыльнувшись, заметил Тони.

Глава III
Легион потерянных

— Итак, — сказал толстый низенький человек с лысой головой, — вы хотите вступить в Легион. Да?

Тони оглядел его с ног до головы. Весьма грязный кабинет на задворках североафриканского города был не очень впечатляющим.

Но каким-то образом низенький выглядел иначе. На нем была одежда из грязно-белой парусины, лицо блестело от пота, но для трех братьев он олицетворял судьбу. Их участь зависела от его решения.

— Да, — сказал Тони. — Мы хотим вступить в Легион. Что нам для этого надо сделать?

Постучав коротенькими толстыми пальцами по заваленному столу, лысый улыбнулся.

— Ну, давайте посмотрим. Вы прошли медосмотр. Ваши имена: Энтони, Филлипс, Джеймсон. — Его глаза злобно сверкнули. — Запомните их хорошенько. Иногда это сложно поначалу, но вы привыкнете. Понятия не имею, почему все, кто вступает в Легион, меняют имена. У нас нет

экстрадиции. Однако... срок службы составляет пять лет. Если захотите уйти раньше, можете купить свободу при условии, что у вас найдутся необходимые денежки. Если же нет — вы обязаны отслужить весь срок. Можете попробовать сбежать. Возможно, у вас получится. А может, и нет, и в таком случае вас назначат охранниками на урановые шахты на Марсе. Оттуда еще никто не сбегал. Так что не рекомендую... — Его взгляд стал твердым как сталь. — Вряд ли попытку побега стоит считать мудрым поступком. Кроме всего остального, вы сразу же лишаетесь защиты Легиона. — Он провел пухлой рукой по блестящему лбу. — Вопросы?

Тони посмотрел на братьев и покачал головой.

— Только один. Что дальше?

— Гарнизону в Сахаре нужны люди. Это легкая работа для новичков: следить за коптами и смотреть, чтобы они не грабили соседние деревни. Вот и он!

Прозвенел звонок, и вскоре вошел человек в бледно-серой форме Легиона. Привычным движением он отдал честь.

— Сэр.

— Капитан Брэйди, — сказал лысый толстячок, — эти трое назначены на пост в Сахаре. Новички.

Энтони, Филлипс, Джеймсон. Введите их в курс дела.

И он принялся копаться в куче бумаг на столе.

Тони с интересом посмотрел на офицера. Он увидел худощавую фигуру и изнуренное лицо с глубокими морщинами, впалыми глазами и жидкими усами. Авантюрист, отправившийся за приключениями, подумал Тони, который уже сыт ими по горло.

— Идите за мной, — сказал Брэйди и вышел из комнаты.

Они оказались под ярким белым солнцем. В паре десятков метров стоял вертолет, и капитан жестом указал в его сторону.

— *Entre*[1]. Поговорим, пока будем лететь. Уставным отношениям необязательно начинаться до того, как мы доберемся до Подземной Сахары, так что если у вас есть вопросы — я к вашим услугам.

Он махнул рукой в сторону самолета и провел братьев к нему. Быстрыми привычными движениями поднял аппарат в воздух и направил его на юг.

— Остановимся у Азуада. Там есть оазис. Смо-

---

[1] Примечания: 1

Entre — туда (*фр.*) (*здесь и далее прим. перев.*).

жете взять там сигареты, обмундирование — и другие вещи, если захотите. При условии... что у вас есть деньги.

— Есть немного, — прищурившись, просто сказал Тони.

Поерзав на потертом кожаном сиденье, он глянул сбоку на капитана Брэйди. Изможденное лицо того не двигалось, а когда пылающее солнце начало его слепить, глаза превратились в узкие щелки.

— Что это вообще такое — Подземная Сахара? — донесся сзади голос Джимми.

— Ну... лет двадцать назад под Сахарой был обнаружен лабиринт пещер. Его населяли выжившие доисторические египтяне — копты. После какой-то катастрофы они оказались в подземной ловушке. Постепенно они привыкли к жизни там. Фактически, в древние додинастические времена там было некое подобие колонии. Копты работали на рудниках, и под Сахарой был целый шахтерский город. После того как вход завалило, шахтеры уже не могли выбраться на поверхность — так они и остались под землей, — проговорил Брэйди скучным голосом.

— А что насчет еды? — спросил Джимми. — И кислорода?

— Мы мало знаем о коптах. Еда... ну, рыба и грибы были основной пищей. Под Сахарой лежит Полуночное море. Столетия назад воды этого моря были на месте пустыни, но в конце концов пересохли. Что касается кислорода, еще до того, как мы пробили несколько отдушин, должно быть, где-то были другие, хотя их так и не нашли. Возможно, воздух проходил через речные пещеры, соединявшиеся с морем. — Капитан Брэйди вытер лоб тыльной стороной коричневой ладони. — Мы многого не знаем о коптах. Дикие, свирепые... но первоклассные шахтеры. Легион держит там гарнизон, чтобы поддерживать порядок. Не давать им грабить племена на поверхности. Копты поклоняются Исиде или Луне — я уж не знаю, кому именно. Возможно, это одно и то же. Держитесь от них подальше, если вы не вооружены, не смейтесь над их религией и не входите в проходы, отмеченные эмблемами Луны и систра[2].

— Почему нет?

— Религия, юноша. Ни один белый человек не видел Ка'абу — Черный Камень в Мекке. Это — священная реликвия мусульман, так же как и Алу — группа самых глубоких пещер — священна для

---

[2] Примечания: 2

Систр — музыкальный инструмент древних египтян.

коптов. Они говорят, что там обитает Амон-Ра.

— Амон-Ра? Древний египетский бог? — подняв брови, спросил Джимми.

— Все верно. «Скрытый свет». У нас с коптами что-то вроде вооруженного перемирия, по крайней мере пока мы не вмешиваемся в их дела слишком сильно. Когда они совсем распоясываются, мы загоняем их обратно. Фигурально, конечно.

Рука Брэйди дотронулась до застегнутой на пуговицу кобуры на бедре.

— Как, вы сказали, называются священные пещеры? — вдруг спросил Фил.

— Алу.

— И что это значит?

— «Земля Света». — Брэйди оглянулся, его лицо загорелось неподдельным интересом. — Вы изучали египтологию?

— Нет... боюсь, что нет.

Глаза капитана потухли.

— А-а... Просто — мое небольшое хобби. Земля Света — Скрытый Свет — Исида, богиня луны — меня всегда интересовало, что происходит в Алу. Так и не получилось там побывать. И не получится. Но я не удивлюсь, если там останки цивилизации. — Он усмехнулся. — Не то чтобы

командир со мной согласен — командир Десквер, вы будете под его началом. Но он не может объяснить, ни как были построены Пирамиды, ни любую другую тайну Египта. Я считаю, что космические путешествия осуществлялись за много веков до того, как этого достигли европейцы. Да... — Брэйди задумчиво кивнул. — Загадка. Кочевники на Ниле, и затем — ни с того, ни с сего — зрелая цивилизация, уже начинающая приходить в упадок. С чего бы вдруг? Мне интересно, в каком она была состоянии, когда пришла в Египет... — Он повернулся к приборам. — Вот Азуад. У вас будет полчаса. Там куча магазинов. Но не покупайте вина — они не выдержат условий Сахары. Берите брэнди. И трубки подходят Легиону лучше, чем сигареты.

Внизу, на коричневой равнине Сахары, виднелось серое пятно, усеянное маленькими точками бледно-зеленого цвета — деревьями, отчаянно жаждущими влаги и жизни. Капитан Брэйди посадил корабль на поляне.

— Все на выход, — проворчал он. — *Parte*[3]! У вас полчаса, не забывайте.

Братья смотрели, как худощавый человек

---

[3] Примечания: 3
Parte — быстро (*фр.*).

быстро идет по иссушенной солнцем площадке и исчезает в глубине столовой. Они переглянулись.

— Вот мы и в Легионе! — воскликнул Джимми.

— Подземная Сахара. Гм-м... Идем, у нас лишь тридцать минут. Давайте осмотрим Азуад. — Тони помешкал, схватил Фила за рукав и поднял голову. — Это самолет?

— Да. — Прищурившись, Фил взглянул вверх. — Постойте-ка... это не правительственный самолет. Частный. А, какая разница. Отсюда нет экстрадиции.

— Знаю, — тихо сказал Тони. — Но Звезда Земли — очень дорогая вещь. У кого-нибудь могут возникнуть... кое-какие идеи.

— Пожалуй, мне стоит отправить ее домой, — ухмыльнувшись, сказал Джимми.

Три взгляда пересеклись. И, как ни странно, в этот самый момент братьев накрыла тень — тень самолета, мгновенно охладившая их после жаркого африканского солнца. Словно это был знак свыше.

— У меня, — ответил Тони. — Пойдемте, я хочу пить.

Он шел впереди, проталкиваясь через толпу различных отбросов общества — обычное для по-

граничных городов население. Запахи кунжута, масла и менее знакомая вонь сливались в тошнотворную гамму. Десятки собак жадно рыскали по округе. Кружило несчетное количество мух.

Купив курево, братья вошли в столовую, темную и удушливую. К тусклому углу, где они сидели, вперевалку подошел толстый туземец и подал дешевый джин. Тони заметил, что за ними была приоткрытая дверь, в которую вместо свежего воздуха вливалась какая-то вонь. Он небрежно закрыл ее пинком.

Джин был дрянной, но зато крепкий. И к тому же — необычайно дорогой. Джимми скорчил гримасу.

— Чертовски много денег нам сейчас пригодится. У нас еще десять минут. Думаете, нам понравится Подземная Сахара?

— Звучит... заманчиво, — медленно произнес Фил. — Капитан Брэйди точно помешан на Земле Света. Интересно, что за люди эти копты?

— Суровый народ, — проворчал Тони.

Возникла короткая пауза. Официант появился, наполнил стаканы и ушел. А потом...

— *Мерлин!* — прошептал чей-то голос.

Пальцы Тони сжали стакан. Фил сидел абсолютно неподвижно. Голова Джимми чуть дернулась,

затем он замер.

Тони осмотрелся, и братья повторили его движение.

Рядом с ними стоял маленький человек с круглым лицом, маленькими блестящими черными глазками, посверкивающими из-под пробкового шлема, в белой тропической одежде, выглядевшей недавно постиранной. Его взгляд метался с одного брата на другого. На лице промелькнула тень разочарования.

— Кто вы такой, черт возьми? — спросил Тони.

Незнакомец сверкнул зубами.

— Личный секретарь некоего Раджаха. Один из вас уже видел меня. Не знаю, кто именно. Однако...

— Он просто сумасшедший, — проворчал Фил. — Чокнутый, как постельный клоп. Допивайте, парни.

— Меня зовут Зэдах, — не обратив внимание на то, что его перебили, продолжал незнакомец. — Я знаю, что один из вас — Мерлин и у него Звезда Земли. Я хочу ее вернуть.

Тони посмотрел на человека.

— Думаете, те, кто крадет драгоценности, настолько глупы, что держат их при себе?

— Мерлин бы так и сделал. Потому что ему

нужно убедиться, что определенная... сделка... никогда не состоится. Существует подделка Звезды Земли, такая искусная, что обман можно заметить, только положив оба камня рядом. Кто-нибудь, вероятно, попробует продать подделку, выдав ее за настоящий камень, и Мерлин сможет предотвратить эту сделку, просто показав оригинал. Он не станет от него избавляться. Если, конечно... его не принудят к этому.

Тони задумчиво опустошил стакан.

— Тут отвратительно пахнет, — отметил он. — Неужели никто не замечает?

— Я не хочу, чтобы вас или Звезду Земли нашла полиция. Если я верну украденное сокровище сам, Раджах заплатит любые деньги, чтобы заполучить его... а первоначальные владельцы ничего не смогут доказать. Мои люди отследили вас до этого места. А теперь... — Он вытащил небольшой пистолет. — Вы встанете и один за другим выйдете в эту дверь. И не дурите. Мой самолет стоит неподалеку. Мы полетим в мою страну, и там... — Его зубы опять сверкнули. — Там, думаю, будет несложно понять, кто из вас — Мерлин.

Тони помешкал и вспомнил самолет, который видел в небе. Зэдах держал пистолет почти полностью под курткой, но сомневаться не при-

ходилось, что он может пустить его в ход за долю секунды. Братья переглянулись.

— Встать! — прошептал Зэдах.

Тони подчинился. Повернувшись к двери, он ее открыл и вышел на солнечный свет. Остальные последовали за ним.

— Налево, — приказал Зэдах.

Они медленно шли по замусоренной аллее, на которой стояла ужасная вонь. Вокруг не было ни души, только бездомная дворняга пробежала через улицу, поджав хвост.

— Через площадь. Пистолет у меня в кармане, но палец на курке. Не делайте подозрительных движений.

Губы Тони побелели. Он прекрасно понимал, что случится, как только он и братья окажутся пленниками на самолете. Чтобы добиться ответов, Зэдах не остановится перед пытками. Если только... Но помощи ждать не приходилось. Они шли по площади к маленькому кораблю, стоящему в ее центре. Бездельники в тени низких зданий смотрели на группу без особого любопытства. Они шагали дальше, к столовой, мимо ее двери...

Из которой вышел капитан Брэйди. Он остановился, его впалые глаза замерли на открывшейся картине. Затем он стал действовать, как раскру-

чивающаяся пружина.

Зэдах почуял угрозу. Он резко развернулся, вытаскивая из кармана пистолет. Но Брэйди яростно рубанул рукой, попав ребром ладони по позвоночнику у основания черепа секретаря.

Тихо хрюкнув, Зэдах обмяк и рухнул на землю, как мешок с мукой. Привычными движениями Брэйди нагнулся, поднял пистолет и сунул в карман. В его невыразительных глазах так и не появилось ни намека на эмоции.

— Пора, — сказал он. — Идите за мной.

Ни слова не говоря, братья последовали за Брэйди к самолету. Также молча они взлетели и помчались на юг. Пятно Азуада вскоре скрылось за горизонтом.

И ни разу за время путешествия капитан Брэйди не упомянул о происшествии, в котором ему пришлось сыграть роль спасителя.

— В Легионе нет экстрадиции, — мысленно ухмыляясь, шепотом заметил Тони.

— Да, — кивнув, согласился Фил. — Дьявол защищает своих.

Джимми промолчал. Он был слишком занят, разглядывая холмистые дюны и безжизненные равнины Сахары.

Подземная Сахара! Лабиринт под поверхностью

планеты — оазис под пылающим безжизненным пространством! В течение первых минут после невыносимой жары пустыни для трех Мартеллов он стал облегчением. Но уже с самого начала появилось какое-то угнетение, как только металлическая кабина опустилась ниже уровня поверхности, и вес земли над головой стал практически осязаем.

Казалось, прошли часы, прежде чем лифт остановился и дверь в его голой стенке чуть отъехала вбок. Бледное свечение пробилось через образовавшуюся щель, устрашающе подсвечивая лица людей. Казалось, блеск исходил прямо от самих стен.

— Фосфоресцирующая краска, — кивнув, сказал Брэйди. — Предохраняет от неприятностей. Мы опрыскиваем ею стены и потолок раз в год — этого хватает. Идемте.

Четверо вышли в проход. Он был не очень длинным и закончился металлической дверью. Брэйди вытащил из кармана стержень и, направив его на замок, недолго так подержал. Дверь открылась.

За ней лежала пещера.

Огромная, тусклая и чуждая, словно отдаленный мир, гигантская полость в виде полусферы

прямо в недрах планеты. Насколько мог судить Тони, она была почти три километра в диаметре, с выступающими повсюду камнями из пола, который в некоторых местах был выровнен. Тусклый свет пробивался с потолка, как солнечные лучи через плотные тучи. Голос Брэйди не соответствовал серебристой, мягкой серости этого места.

— Там крепость. Вон там... — Он указал. — Это вход в туннели коптов. Мы охраняем выход на поверхность. Хотя копты уже долгое время не совершали рейды наружу. — Он свернул на каменистую тропинку, остальные последовали за ним. — Они ненавидят бедуинов также, как и древние египтяне. К нам они, в общем-то, безразличны, если мы не встаем у них на пути. Если бы залежи минералов, что разрабатывают копты, не были бы такими ценными, их бы предоставили самим себе. Но Легион платит нам, а мы следим за тем, чтобы добыча шла полным ходом.

Тони промолчал. Его глаза медленно привыкали к необычному освещению. Он глянул на потолок, который одновременно был видимый и невидимый. Но никаких подробностей не смог разглядеть. Его заслоняла завеса из светящихся облаков. Подвал мира, подумал Тони. Это место приобрело нынешний вид, возможно, еще

тогда, когда Сахара была морем, а не пустыней. Что Брэйди сказал о древних временах? Что-то о могущественной доисторической цивилизации додинастического Египта... а глубоко внизу, в скрытых пещерах Алу, куда еще никогда не ступала нога белого человека, копты все еще поклоняются Исиде. «Обломки цивилизации» — вот что тогда сказал Брэйди.

В этом жутком пещерном мире было легко поверить почти во все. В сознании Тони всплыла пара строчек полузабытого стихотворения:

Но пред тобою обелиск
Открыл свои иероглифы,
С тобой играли гиппогрифы
И вел беседы василиск.[4]

Они остановились у крепости. За ограждением из толстого тускло-сияющего металла ничего не было видно. Но громко зазвенел колокольчик, ворота открылись и появился человек в форме легионера.

В царившем здесь странном освещении его лицо казалось необычно бледным — лишенным всех красок, как выцветший папирус. Он был

---

[4] Примечания: 4
Оскар Уайльд, «Сфинкс». Перев. Николай Гумилев.

тощий и изможденный, можно даже сказать — болезненно истощенный, а глаза и рот походили на черные впадины. Казалось, что лихое кепи Легиона носил скелет.

Он отдал честь, и Брэйди ответил тем же.

— Приветствую, Джеклин. Доложи командиру Дескверу, что я прибыл.

Джеклин отошел в сторонку, чтобы дать другим войти. Тони обнаружил, что за ограждением находился десяток сборных металлических домиков без признаков жизни. Значит, с этого момента они станут их домом!

— Ну? Вы разве... — начал Брэйди.

— Рад, что вы вернулись, сэр, — натянутым голосом сказал Джеклин. — Командир отбыл на поверхность час назад. Он получил сообщение... Неприятности, сэр. Копты... они похитили Руггиеро.

Капитан Брэйди посмотрел на свои ногти.

— А сейчас полная луна, не так ли?

— Да, сэр.

— Ладно. Мне нужно четверо человек. Хорошо вооруженных. Мы выдвинемся, как только будем готовы.

Джеклин поспешно ушел.

— Это... часто случается? — спросил Тони.

— Нет, — покачал головой Брэйди. — В полнолуние копты выбирают, кого принести в жертву Осирису — мужу Исиды. Обычно все происходит по-тихому и жертва, конечно же, является коптом.

— Что это за церемония? — неуверенно спросил Джимми.

— Устаревшая форма египетской религии. В соответствии с легендой, Сэт, бог зла, ревновал к Осирису. Он убил его, разорвав на четырнадцать частей. Копты... воспринимают все буквально. — Брэйди с шумом втянул воздух. — Хотел бы я знать побольше об их мифологии. Церемония прославляет Исиду, богиню Луны. Копты и раньше ее проводили. Но сейчас... — Он подергал свои седые усы. — Руггиеро утащили в Алу, чтобы принести в жертву. Это означает неприятности... причем большие. — В его впалых глазах не было страха, только волнительно ожидание. — Алу! Земля Света!

И вдруг Тони понял. Брэйди годами интересовался полумистической пещерой в самой глубине — в месте, доступ куда был прегражден строгими правилами. Теперь, в отсутствие командира, спасти похищенного легионера стало его долгом. Его долгом... и его шансом.

— Позвольте нам пойти с вами, капитан. А? — предложил Тони.

Джимми и Фил обменялись удивленными взглядами. Затем Фил кивнул.

— Да! Как насчет этого?

Брэйди замялся.

— Вы не подготовлены. Вы не знаете что к чему...

— Мы знаем, как управляться с оружием.

— А с углеродными пистолетами?

— Мы быстро научимся.

— Да... они просты в обращении. Ну... ладно, — сказал капитан с внезапной решимостью. — Вы тут новички, что значит — Алу не пугает вас до чертиков. Вы трое и Джеклин. Пойдет! — Он окрикнул человека, похожего на скелет. — Джеклин! Тащи снаряжение! Я беру эти трех рекрутов. *Allons*[5]!

Тони ухмыльнулся своим братьям. Их первое задание в Легионе обещало быть захватывающим... а то и вовсе смертельно опасным!

---

[5] Примечания: 5

Allons — ну же (*фр.*).

Глава IV
Подземная Сахара

— Я пробыл тут почти пятьдесят лет. За это время ничего не изменилось. Копты впервые совершили подобное. Они, конечно, пару раз пытались выбраться наружу, чтобы напасть на бедуинов, но против нас никогда ничего не предпринимали. Странно...

Группа быстро шла по тусклому туннелю — капитан Брэйди впереди, остальные следом. Они двигались около часа по лабиринту проходов, из которых капитан безошибочно выбирал верные.

— Все верно. Я отлично знаю эти места, но Джеклин может найти дорогу вслепую. Он сам практически копт. Не выходил на поверхность почти пятьдесят лет, — обернувшись, отметил Брэйди.

— Наверное, вам тут нравится, — предположил Джимми.

— Это ад, — очень тихо сказал Джеклин. — Вы недавно были в Нью-Йорке, да? Как выглядит старый город?

— Изменился за пятьдесят лет, — ответил Фил.

— Но вы и так это знаете.

— Таймс-Сквер... все еще есть, да? Помню, как чувствовал пустоту всякий раз, когда выбирался из старого города. Боже, как я хочу снова увидеть его... но не по телевизору. Вообще, — медленно продолжал он, — я хочу снова подышать свежим воздухом, а не этой затхлой гадостью. Увидеть звезды и живую зелень.

— И солнце, — понимающе кивнул Джимми.

Он взглянул на Джеклина... и у него захватило дух при виде выражения бледного лица легионера. Ужас... и ненависть!

Через секунду оно прошло. Джеклин никак не прокомментировал замечание.

— Я был одним из первых космонавтов, — сказал он. — С тех пор многое улучшилось: сухое топливо заменили на жидкое, новые гравитационные экраны, работающие на магнитном поле. Но это, как кораблеплавание, пар или парус — без разницы, в целом ничего не меняется. Море всегда будет под тобой, а космос вокруг. Мы...

— *Тс-с!* — Брэйди поднес к губам указательный палец. — Тихо!

Они замерли, но ничего не услышали. Капитан расслабился.

— Кажется, я слышал взрыв. Или нет. Ну... кста-

ти, вы уверены, что знаете, как пользоваться углеродными пистолетами?

— Это не трудно, — ответил Тони.

Он вынул пистолет, похожий на большой револьвер с чашеобразным углублением там, где должен быть ударник. Потом достал из кармана кусок угля, положил в чашу, где зубцы тут же задвинули его в нужное место, и поднял пистолет.

— Не так просто целиться, как из кольта, но энергетические заряды имеют большой радиус поражения, так?

— Все верно. Но надо следить за отдачей. Плавно спускай курок. И смотри, чтобы не закончился уголь, — добавил Джеклин.

— Забавно, — заметил Тони. — Никогда не думал, что пистолет может стрелять углем.

Капитан Брэйди немного посмеялся.

— Пистолет работает на атомной энергии — освобождении квантов, хотя я и сам не понимаю, какой научный принцип лежит в основе этого. Заряжать можно только углерод. Уголь — углерод, и к тому же дешевый. Так что, если копты начинают вести себя плохо, мы боремся с ними углем, который они же и добывают. Довольно нечестно, но для Легиона главное — результат.

— Углерод есть практически везде, — сухо ска-

зал Тони. — Сколько еще идти, капитан?

— Нам еще предстоит спуститься... стойте! Тут кто-то есть. Не прикасайтесь к оружию, пока я не скажу.

Тони принялся всматриваться вперед. Секунду он ничего не видел, затем туннель внезапно заполнился десятком странных людей. Облаченные в облегающую одежду из незнакомого материала, люди были белокожими с просвечивающими голубыми венами, а их лица напоминали орлиные — суровые, с похожими на клювы носами и необыкновенно большими глазами, зрачки которых практически затмевали радужные оболочки. Густо вьющиеся волосы коптов — на лицах их не было — походили на выцветшую солому. Они казались безоружными, но все тело Брэйди едва заметно напряглось, пока он ждал, когда они подойдут поближе.

Самый первый из коптов, тот, что был выше остальных и носил конусообразный головной убор, подошел и поднял руку. Потом заговорил на английском:

— Капитан Брэйди, зачем вы здесь?

— Если легионеру причиняют вред, для коптов это хорошо не заканчивается, жрец.

Человек кивнул.

— Я понимаю. Это было ошибкой. Некоторые из наших юнцов — они уже были наказаны надлежащим образом за то, что вмешались в дела, которые их не касаются. Ваш легионер уже в крепости, капитан Брэйди. Вы найдете его там, если вернетесь.

Тони заметил, как жрец исподлобья глянул на своих людей. Брэйди тоже это увидел и подергал себя за усы.

— Вы говорите правду?

— Я говорю правду.

— Предположим, я не верю. Думаю... мы пойдем дальше.

Коптов охватило оживление, они косо глянули друг на друга.

— Неподалеку начинаются Лунные коридоры. Вам нельзя в них входить.

Брэйди казался нерешительным.

— Пожалуй, мы все-таки вернемся. Но если нашего человека нет в форте...

Улыбка жреца была почти простодушной.

— Он будет там.

— Хорошо. Кругом! *Allons!*

Тони повернулся вместе с остальными. Но не успел поднять ногу, как его остановили. Жрец повысил голос, выкрикивая команду на незнакомом

языке. Тони, как и другие, увидел окровавленного и в одних лохмотьях человека, выскочившего из-за камней.

— Убить этих людей! — проревел бычий голос. — Прикончить!

— Командир Десквер!.. — Брэйди не успел закончить фразу... а затем...

— К оружию!

Из рядов коптов вылетел бледный луч, попав прямо в бизонью грудь Десквера, мундир которого был разорван. Еще один луч задел Тони, он почувствовал волну нестерпимого жара и выхватил углеродный пистолет.

Хр-рясь! Оружие Брэйди яростно огрызнулось, и тепловой луч оставил Тони в покое. Он засунул угольный боеприпас в чашу и спустил курок, практически не целясь. Смертоносные маленькие орудия создали хаос. Но коптов было больше десятка, и на пару секунд туннель превратился в бушующий вихрь битвы, заглушаемый грубым голосом Десквера, выкрикивающего приказы.

— Убить их! Всех! Цельтесь в живот!

Дым рассеялся. Копты лежали беспомощными кучами посреди красных луж. Опустив пистолет, Тони с тревогой осмотрелся. Джимми болезненно потирал руку там, где тепловой луч прожег

одежду. Фила, вроде бы, не задело, так же как и Джеклина, но капитан Брэйди держался за ногу и тихо ругался. Что до командира Десквера, то было невозможно сказать, когда его ранили. На нем и так не было живого места.

Ошеломленное лицо Тони повернулось к этому человеку. Он был сложен, как зубр, а широкая волосатая грудь судорожно вздымалась от усталости. Командир был подстрижен налысо, но тем не менее чем-то напоминал льва. Косматые с хохолком брови нависали над блестящими маленькими глазами, а чувственные губы были плотно сжаты. Почему-то Десквер напомнил Тони Нерона или Калигулу — полубезумных римских тиранов.

Тут Десквер надменно мотнул головой назад.

— Джеклин! Посмотри, есть ли у жреца исцеляющий луч. Он нам пригодится.

Когда легионер поспешил к телу, командир обратил свой взор к остальным. Ощутив на себе холодный взгляд, Тони почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Десквер долго и сосредоточенно смотрел на Тони, и прежде чем обратить внимание на Брэйди, также долго вглядывался в лица Фила и Джимми.

— Форта больше нет, — сказал он наконец.

— Копты развалили его и убили всех до единого. Они взорвали шахту, ведущую на поверхность, сразу после того, как я добрался до Подземной Сахары. Я сумел выбраться... пещера обвалилась вместе с ними.

Джеклин вернулся с плоской коробочкой, в которой была небольшая линза. Он нажал кнопку и направил линзу на бедро Брэйди.

— Спасибо... чуть повыше... Вы знаете, что они похитили Руггиеро?

Десквер кивнул.

— Да. Я нашел одного копта и вынудил его кое-что мне рассказать. — Взглянув на свои руки, он вытащил ножик и начал чистить ногти. — Я не знаю, что все это значит. Возможно, джихад — священную войну. Хотя раньше такого не было.

Капитан поднял руку.

— Хватит, Джеклин. Займись командиром.

Десквер нетерпеливо покачал головой.

— Некогда.

Когда Джеклин повернулся к братьям, командир поманил Брэйди в сторону. Оба офицера отошли на пару шагов и понизили голоса.

Тони пристально смотрел на коробочку с линзой, пока Джеклин обрабатывал ею руку Джимми.

— Что это за штуковина?

— Прибор коптов. Никто не знает, как он работает. Они и сами понятия не имеют. Им его кто-то передал... Это луч, повышающий активность клеток. Ускоряет рост клеточной ткани. Предотвращает инфицирование... чувствуешь что-нибудь?

— Опухло, — дотронувшись до руки, ответил Джимми. — И еще немного болит.

— Это ненадолго...

— Вы, трое новичков, слушайте меня. Мы идем дальше. В Алу. Джеклин, ты пойдешь за помощью.

Похожее на скелет тело легионера содрогнулось. Он пристально посмотрел на командира.

— За... помощью?

Десквер кивнул.

— Все верно. Ты знаешь эти пещеры. Есть и другие выходы на поверхность. Найди помощь. Мы спрячемся и будем ждать. Копты не ожидают, что мы пойдем прямо в их центр, поэтому именно так мы и сделаем.

— Но... — Джеклин облизнул пересохшие губы. — Мне придется подняться на поверхность?

В его голосе послышалась странная нотка ужаса.

— Не спорь. Шевелись! Одному у тебя будет больше шансов, чем с кем-то еще, так что... *allez*[6]!

Джеклин быстро пошел прочь, но тут же остановился и развернулся.

— Я не могу пойти на поверхность, командир, — деревянным голосом сказал он.

— Почему же? — очень тихо спросил Десквер.

— Солнечный свет убьет меня.

Возникла короткая пауза.

— С чего бы?

— Меня обожгло в космосе. Вот почему я присоединился к Легиону. Это нечто вроде аллергии, ну, знаете... прямые солнечные лучи поджарили меня так, что даже излучение, прошедшее через атмосферу, убьет меня за пару часов.

Тони почувствовал, как у него скрутило живот. Вот почему Джеклин провел в Подземной Сахаре пятьдесят лет. Тюрьма в качестве насмешки судьбы...

— Пошлите кого-нибудь другого, сэр!

— Я пойду, — предложил Джимми, но Десквер прикрикнул на него:

— Молчать! Ты знаешь эти пещеры, Джеклин...

---

[6] Примечания: 6
Allez — вперед (*фр.*).

— Капитан тоже их знает!

— Его сильно обожгло. Тепловой луч задел кость. Он не выдержит долгий переход. Вот! — Нагнувшись над мертвыми коптами, Десквер начал быстро снимать с них одежду. — Если ты не можешь находиться на солнце, избегай его лучей.

— В пустыне?

— Повязки, дурак — повязки! Завернись в тряпки. После того как выберешься на поверхность, иди по ночам, если будет нужно.

Джеклин начал молча надевать одежду мертвых коптов.

— Это убьет меня, — без всяких эмоций произнес он.

Десквер кинул ему еще охапку тряпок и ухмыльнулся.

— Успеешь прожить достаточно, чтобы позвать на помощь. Если копты вырвутся из Подземной Сахары, то это будет похоже на ловлю тысяч мух. Кроме того, я не знаю, что стоит за этим, но это точно что-то серьезное, я обещаю. Если...

Внезапно он прыгнул, как леопард. Под его ногой раздался отвратительный хруст кости. Тони, испуганный таким резким движением, увидел, что Десквер обрушился на жреца коптов, из чьей руки выпал генератор теплового луча. Лицо жре-

ца, покрытое пятнами крови, перекосилось от боли и приподнялось, когда он закричал.

— Еще не умер, а? — прошептал Десквер, а его голос натянулся от свирепой ярости. — Ну, ничего... скоро умрешь.

Он убрал ногу. Но поднятая рука жреца каким-то образом схватила его. Из последних сил копт приподнялся.

— Спускайтесь в Алу, дураки! Но вы уже опоздали. Исида восстала... и вместе с ней боги, которые живут в Алу. Прежде чем проход во внешний мир будет расчищен, мы победим... и Земля задрожит перед мощью Древних! Да — Древних, что правили Землей Четырех Рек до того, как их сыновья сбежали в Египет! Спускайтесь в Алу, дураки! *И обретите там смерть!*

Жрец упал... и умер.

Глава V
Пятеро против богов

Прошло несколько часов. Легионеры, возглавляемые командиром Десквером, разбили лагерь в маленькой каменистой бухте Полуночного Моря — бездонного озера чернильной воды, уходящего за границу видимости. Бледное свечение, струящееся со свода пещеры, рябило на поверхности вялого моря, в котором не бывает приливов. Пейзаж был просто невероятный, и Тони, сторожа вход в расселину, где спали остальные, с трудом осознавал, что он все еще на Земле, а не в подземельях какого-то чужого мира.

Они шли долго и быстро, незаметно проскользнув мимо стражей, расставленных коптами, используя преимущества каждого необитаемого туннеля, движимые больше инстинктами, чем знанием. Город коптов, который они обошли, спускался до самых запретных ворот в Алу. И теперь, на берегу Полуночного Моря, они были готовы нырнуть в неизвестное.

— Мы не может здесь оставаться, — проворчал Десквер. — Рано или поздно они нас найдут. Но

в Алу у нас будут шансы. По крайней мере на нашей стороне будет элемент неожиданности.

Тони знал, что он прав. Беспокойно поерзав, он взглянул на углеродный пистолет и проверил, заряжен ли тот. Мыслями он вернулся в Нью-Йорк. Человеческая цивилизация, казалось, находилась в миллиардах километрах отсюда. Тот мир был потерян для него — и его братьев — навсегда. И взамен они получили... вот это!

Рука опустилась Тони на плечо.

— Ладно. Выступаем, — сказал Десквер.

Когда командир взглянул на воду, его тяжелая челюсть выдвинулась вперед.

Один за другим появились другие члены отряда — в лохмотьях, взъерошенные и небритые. Брэйди при каждом шаге морщился от боли в ноге. Лицо Джимми осунулось, он не был таким выносливым, как остальные. Фил, напротив, казался таким же крепким и безмятежным, что и обычно.

Десквер повернулся, его глаза заблестели, когда он приказал:

— Выступаем!

Он шел впереди, Брэйди — сразу за ним. Следом братья. Тони заметил, как Фил ему подмигнул, и слегка задержался, пока офицеры не оказались

достаточно далеко, чтобы не услышать шепот.

— Да?

Фил дотронулся до кармана своего мундира.

— Пока я спал, кто-то меня обыскал. Думал, что мне приснилось, но когда проснулся, то карман оказался расстегнут.

Брови Тони поднялись.

— Ого! — Прищурившись, он посмотрел вперед. — И кто...

— Не знаю. Но кто-то это сделал. Я просто подумал, что тебе стоит знать. Теперь нам лучше смотреть в оба.

Фил обменялся с Тони многозначительным взглядом и ускорил шаг. Последний нахмурился, пытаясь понять, к чему это может привести. Звезда Земли? Вряд ли кто-нибудь в Подземной Сахаре мог знать детали кражи и то, что произошло потом. Скорее всего, мотивом была мелкая кража, если, конечно, Фил и правда все не выдумал. Но сердцем Тони почему-то чувствовал надвигающуюся угрозу. Зловещие огоньки Звезды Земли все еще горели глубоко под поверхностью планеты.

Десквер? Вряд ли он что-нибудь знает о драгоценности. Брэйди. Возможно, столкновение с Зэдахом, секретарем Раджаха, вызвало какие-то подозрения. Или... Джимми? Может, он искал

Звезду Земли, пытаясь понять, у кого из его братьев она была? Это было бы более вероятным, если бы Джимми перестал настаивать, что это он украл драгоценный камень.

Лицо Тони не изменилось, но рука нащупала углеродный пистолет. С оружием в руке он чувствовал себя спокойнее. Некоторое время он брел, весь напрягшийся в ожидании опасности. Неожиданной угрозы, разумеется, стоило ждать лишь от коптов.

Но группа обошла Полуночное Море, не встретив ни одного представителя подземного народа. Наконец они подошли ко входу в туннель, у которого Десквер остановился и, немного помешкав, стал совещаться с Брэйди. Последний указал на знак, вырезанный в камне над входом в туннель, — полная луна, увенчанная полумесяцем.

— Луна и систр, — кивнув, сказал капитан. — Это одни из запретных врат. Проход в Алу.

— Отлично. Идем. Берегитесь ловушек, — проворчал Десквер.

Они вошли в туннель. В нем оказалось темнее, хотя от стен и потолка исходило слабое свечение, вызванное, вероятно, каким-то видом радиоактивности. Проход уходил круто вниз. Его, видимо, использовали редко, и местами он был завален

различными обломками, через которые легионеры пробирались с большим трудом. Бычья сила Десквера пришлась очень кстати. Гигант-командир не уставал, и бывало, ему приходилось практически нести на себе Брэйди, потому что нога капитана ослабла еще сильнее.

— Интересно, Джеклин приведет нам помощь? — пробормотал Джимми Тони.

— Бог его знает. Если нет, то нам крышка.

— А если да? Мы все еще в Алу! — ухмыльнувшись, высказался Фил.

Спуск стал еще круче. Теперь на стенах появилась полуразрушенная резьба — символы, которые несли следы глубочайшей древности. Один знак озадачил Тони — это был крест внутри круга. Почему-то он напомнил слова умирающего жреца коптов: «...Древних, что правили Землей Четырех Рек до того, как их сыновья сбежали в Египет». Крест в круге задел струну в памяти Тони, и он каким-то образом понял, что этот символ означает четыре реки. Но, как он ни старался, ничего больше вспомнить не смог.

На стенах были и другие изображения — в основном систр и лунный диск. Тони почувствовал, что их вырезали в камне задолго до того, как Египтом начали править фараоны, прежде чем

династию стала представлять корона с *уреем.* Когда Тони подумал о бесконечных веках, что оставили наверху лишь руины, а путь в Алу — нетронутым, его охватила легкая дрожь.

Раньше на поверхности явно процветала цивилизация, но *что же* находилось в Алу?

Командира Десквера не тревожили никакие предчувствия. Его огромная фигура продолжала без устали шагать, практически таща на себе выдохшегося Брэйди. Они уходили все ниже и ниже. Ноги Тони начали уже ныть, а Джимми изнемогал от усталости. Бесстрастное лицо Фила не выражало никаких эмоций, но вокруг рта появились напряженные складки.

Все ниже и ниже! К скрытому сердцу Земли — к запретной земле. То, что им никто не мешал, вызывало у Тони наибольшую тревогу. Возможно, копты не обнаружили незваных гостей. А может, они знали, что дорогу к Алу охранять не нужно.

Изредка Тони замечал на себе взгляд Десквера, беспристрастно глядящего на трех братьев, словно пребывая в недоумении и с любопытством. Но командир ничего не говорил, пока они наконец не оказались в большой пещере, из которой выходило три туннеля, не считая того, откуда они только что вышли. Остановившись, Десквер

посмотрел по сторонам.

— Разобьем лагерь здесь, — коротко скомандовал он. — В середине. Таким образом, если копты нас найдут, путь к отступлению не будет отрезан. Проход в середине — тот, что нам нужен. Да, капитан?

Брэйди кивнул.

— Да. Над ним луна и систр.

Пятеро молча и осторожно подошли к середине пещеры и скорее свалились, чем сели, на каменный пол. Все жутко устали. Только Десквер сидел, широко раздвинув ноги, с пистолетом в руке, холодными глазами сканируя пространство.

— Спите, — сказал он. — Я покараулю.

Тони благодарно подчинился. На пещеру опустилось спокойствие. Но... что-то его нарушало.

Очень слабо, словно с огромного расстояния, доносилось ритмичное пение. Сдавленное и едва слышное оно шелестело почти на границе человеческого слуха.

— Слышите? — процедил Брэйди сквозь зубы.

— Ну, и?.. — спросил Десквер.

— Песнь Сета. Где-то начинается церемония Осириса, на которой принесут в жертву Руггиеро.

— Это во время нее они разрывают жертву на

куски, да? — спросил Тони.

— Да. Командир...

Брэйди не закончил. Одного взгляда на Десквера оказалось достаточно.

— Не будь дураком, капитан. Лучше отдохни... остальных это тоже касается. Сон вам пригодится. Вы не хуже меня знаете, что мы не сможем спасти Руггиеро.

Это правда, думал Тони, пока отдыхал, но тем не менее в основании позвоночника он чувствовал странное неприятное покалывание. Где-то в этих пещерах приносят в жертву ужасным способом белого человека, и эта мысль совсем не способствовала сну. И все же Десквер был прав. Единственной возможностью спастись для легионеров было оставаться незамеченными...

Посреди ночи Тони вдруг сонно приподнял голову и увидел, что командир лежит, а его место занял капитан Брэйди. Он расхаживал по пещере, рассматривая резную Луну и систр. Тощий, в тусклом свете он походил на пугало. Когда Тони начал опять погружаться в сон, то понял, что тихое пение стало громче...

И звучало оно теперь по-другому — ликующе!

А затем Десквер потряс его за плечо, прижав ладонь ко рту. Глаза командира ярко блестели.

— *Тс-с!..* Ни звука! Разбуди остальных.

Тони молча подчинился. Он понял, что капитана Брэйди нигде нет.

Десквер на цыпочках завел всех троих в тоннель.

— Брэйди исчез. Когда я проснулся... — скрывшись за первым поворотом, прошептал он.

— Что с ним случилось? Копты? — спросил Джимми.

— Возможно.

— Но разве они тогда не убили бы нас?

Десквер провел рукой по бритой голове.

— Необязательно. У них могут быть другие планы. — Он неприятно улыбнулся. — Итак, Брэйди нет. Нас осталось лишь четверо. — В его холодных глазах появился странный скрытный блеск. — Идем. Мы все еще направляемся в Алу.

— И какой из этого толк? — спросил Тони. — Если копты нас обнаружили...

— Может, и нет. Брэйди мог уйти сам, чтобы попытаться спасти Руггиеро. Впрочем, сомневаюсь... но надо учесть все варианты. Мы идем в Алу. Так что... *allons!*

Трое братьев переглянулись. Один за другим их количество неуклонно сокращалось. Сначала весь гарнизон крепости, потом Джеклин, теперь

капитан Брэйди. Тони чувствовал некоторую симпатию к старому закаленному солдату. Что бы с ним не случилось, Брэйди бы не сдался без боя.

— Он не пытался нас предупредить, — пробормотал Джимми.

— Мы не знаем, какое еще оружие есть у коптов. Бог знает, где они вообще его берут. Они периодически появляются с каким-нибудь сверхсовременным устройством, разработки которого находятся далеко за пределами их возможностей. Это — настоящая тайна. Может быть, мы найдем ответ в Алу.

Это показалось Тони странным парадоксом. Искать продукты новейших технологий среди развалин забытого прошлого. И все же — откуда взялась могущественная египетская цивилизация? Какая тайна лежит за загадочными силами коптов?

Ответа на это не было, по крайней мере пока. Четверо шли дальше, спускаясь все ниже и ниже. Тони решил, что, поскольку туннель давно уже плавно поворачивал, они находились под Полуночным Морем. Не только под пустыней Сахара, но и под подземным водоемом.

Дорога все тянулась и тянулась. Но они и сами не заметили, как дошли до конца. Все четверо так

измотались, что с трудом поняли, как серебристое свечение туннеля уступило место красноватому блеску — яркому, напоминающему лаву. Десквер поднял руку, приказывая остальным остановиться. Он пошел на разведку и вскоре поманил подчиненных за собой. Тони увидел, что здоровенный капитан стоит неподвижно.

А затем, сделав несколько шагов, он увидел еще кое-что. Туннель заканчивался. Он выходил в пещеру.

В пещеру, которая была целым миром!

Миром под пустыней и под морем! Перед людьми предстала Алу, Земля Света, и человеческие глаза никогда не видели ничего удивительней. Древний город с развалинами больших зданий и упавших колонн, усеивавших пол пещеры. Как Помпеи, только гораздо старше. Намного больше, чем Карнак, куда удивительнее, чем осыпающийся Ангкорват. Вдалеке стояла пирамида, доходившая до крыши пещеры... касающаяся ее, поддерживающая, как мифическое дерево Иггдрасиль[7], на котором покоится Земля.

За пирамидой виднелся яркий красный свет.

---

[7] Примечания: 7

Иггдрасиль — Мировое дерево (дерево жизни) в германо-скандинавской мифологии — исполинский ясень (или тис), в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.

Алу! Невообразимо старая колыбель расы, правившей тысячелетия назад! Алу, которую египтяне включили в свою мифологию в качестве рая.

Невероятное, подавляющее величие панорамы так ошеломило людей, что они не могли вымолвить ни слова, словно боясь, что чья-то могущественная рука может ударить по нечестивым губам. Перед ними растянулся огромный опустошенный и мертвый затерянный мир, крепко держащий свои секреты с тех пор, как Египтом начали править фараоны. Неудивительно, что пирамиды являются загадкой — построенные какой-то чужой наукой. Той же самой, что воздвигла колоссальные сооружения Алу!

Метрах в тридцати возвышалось квадратное здание из белого мрамора, с обеих сторон открытого входа стояли дорические колонны.

Какое-то необъяснимое желание притянуло взгляд Тони к ним.

— Слышите? — спросил Десквер.

Остальные прислушались, но ничего не услышали. Командир выругался.

— Звук идет из храма. Доставайте оружие. Идем внутрь. Если появятся проблемы, сначала стреляйте, потом смотрите в кого.

Четверка осторожно пошла по ровному камню пещеры. На полпути к входу в здание Джимми схватил Тони за руку. Показал направление, а лицо его побелело.

— Смотрите!

Вместе с остальными Тони посмотрел туда же, куда и брат. Вдалеке были два сооружения, соединенные арочным переходом. По нему двигались фигуры.

Фигуры с человеческими телами... но с головами зверей!

С такого расстояния было невозможно различить детали, но стало ясно, что существа, шедшие по переходу, уж точно были крайне необычными. Они прошли величественной колонной и скрылись внутри одного из зданий.

— Помните, что сказал жрец? В Алу живут боги! — прошептал Джимми.

Тони подумал об египетских богах — людях с головами зверей, птиц и рептилий. Могли ли в этой пещере выжить подобные чудовищные гибриды? Он отмахнулся от этой мысли.

— Маски, Джимми! Не глупи. Идем.

— Быстрее! — поторопил их Десквер. — Спрячемся в здании, пока не узнаем побольше о том, что тут происходит. Держите оружие наготове.

Когда они пересекли порог, ледяные глаза командира стали всматриваться во мрак внутри. Символ Осириса в виде рогатого быка был повсюду. Рассыпанные обломки колонны превратили внутреннее пространство храма в лабиринт. По всему полу валялись разбитые каменные блоки.

Здесь было очень тускло, но один луч красного света, словно меч, пробивался сквозь щель в стене и падал точно на трон, что стоял на возвышении в дальнем конце помещения. Тони и остальные принялись всматриваться в длинный проход, ведущий к трону и статуе над ним — фигуре человека, облаченного в развевающуюся одежду, с головой быка на человеческих плечах.

— Идем! — прошептал Десквер.

В руке у него появился пистолет. Шагая, Тони держал руку на холодной рукоятке своего пистолета. Путь до возвышения казался бесконечным. Невероятное путешествие по развалинам забытой цивилизации! Так потерянная душа могла идти к Осирису... Вдруг, ни с того ни с сего, Тони вспомнился отрывок стихотворения:

Пятьсот жрецов хранили дверь,
Пятьсот других молились, стоя
Пред алтарем его покоя

Гранитного, — и вот, теперь
Ехидны ползают открыто
Среди поверженных колонн,
А дом разрушен, и склонен
Надменный мрамор монолита.

Десквер остановился. На мгновение замер. Пистолет резко поднялся, прицеливаясь в статую над троном.

И теперь Тони понял, что увидел командир. На них смотрела совсем не статуя. На них смотрело нечто живое!

Глава VI
Перед богами

Остановить палец Десквера на курке могло только одно — и оно случилось. Чудовище на троне заговорило. Хрипло и почти неразборчиво его голос шел из нечеловеческой пасти, а руки создания тем временем шевелились.

— Стойте! — простонало существо с головой быка. — Я Брэйди... Брэйди!

Десквер остолбенел. Наконец он опустил пистолет, его лысая голова заблестела от пота. Разглядывая чудовище на троне, Тони сглотнул комок, застрявший в пересохшем горле.

Брэйди? Капитан Брэйди?

— Это сотворили со мной эти дьяволы, — продолжал хриплый голос. — Хирургия, командир — хирургия невероятно высокого уровня. Помните их исцеляющий луч? Они пересадили кожу и плоть быка на мою голову и во много раз ускорили клеточную активность с помощью этого луча. Я... я не смею шевелиться. Голова такая тяжелая, что позвоночник сломается, если... если...

— Мы в опасности? — спросил Десквер, рыская

глазами по темным углам.

— Вы обречены, — изрек Брэйди. — Тутмос рассказал мне об их чудовищном плане. Тутмос — верховный жрец. Один из немногих, кто знает секрет Алу. Он рассказал мне... почти все. Думаю, предвкушение победы щекочет его самолюбие... — Бычья голова чуть склонилась вперед, но тут же вернулась на место, и Брэйди добавил: — Может быть, еще есть шанс. Не знаю. Ваше оружие... Слушайте! Если доберетесь до пирамиды и разрушите машину к чертям собачьим...

— Какую машину? — спросил Десквер.

— Ту, что уничтожит Европу! Похожая на эту машина тысячелетия назад создала Луну! И затопила Атлантиду!

У Тони сперло дыхание. Атлантиду? Теперь он вспомнил, что значит крест в круге. Это был символ Атлантиды — четыре реки на острове-континенте.

— Древние, которые правили Землей Четырех Рек до того, как их сыновья бежали в Египет, — тихо прошептал Тони.

— Да. Это и есть секрет Египта и его цивилизации. Люди давно пытались разгадать его. Столетия назад, когда Европу населяли кочевые племена, Атлантида была островом культуры и

науки. Остров был нестабилен — вулканическая активность под ним не стихала ни на минуту. И земля начала уходить под воду. Тутмос рассказал мне, как они собирались избежать гибели. Они создали Луну. Из ложа Тихого Океана они вырвали кусок Земли и отправили его в космос. Они думали, что это ослабит давление под Атлантидой и спасет их цивилизацию. Но ошиблись. Они пытались управлять слишком мощными силами, но поняли это слишком поздно. Атлантида утонула, забрав с собой научные достижения, которые никогда не увидел мир и, возможно, никогда и не увидит. Но до потопа несколько атлантов успели сбежать на восток через Геркулесовы Столпы — в Египет. — Бычья голова кивнула. — Это были предки живущих под землей коптов. Они нашли Подземную Сахару и Алу за несколько веков до фараонов. Построили там город, похожий на тот, что существовал в долинах Атлантиды. Отправили своих людей, чтобы те, став великими жрецами богов, создали цивилизацию народов Нила. Они создали богов! Так же, как и меня, они создали богов с головами быков, крокодилов и шакалов, запугивая суеверные племена, которым были нужны воплощения богов, чтобы им поклоняться. А потом какой-то древний катаклизм

разрушил путь на поверхность, так что атланты оказались здесь в ловушке. Несколько жрецов сохранили культуру. Остальные вымерли или стали... коптами. Но жрецы все еще поддерживают старую религию, используя хирургию и исцеляющие лучи, чтобы создавать новых богов и править коптами при помощи страха. Теперь они собираются создать вторую Луну и, тем самым, поднять Атлантиду на поверхность, чтобы править всей планетой, как в древние времена. — Тонкие руки Брэйди сжались в кулаки. — Они поймали меня в пещере, пока я стоял в карауле, — воспользовались чем-то вроде парализующего луча. Притащили меня сюда и рассказали, что собираются сделать. Тут находится машина, способная вырвать всю Европу целиком и отправить ее в космос, чтобы та стала второй Луной.

— Но это же уничтожит мир! — воскликнул Тони.

— Это только часть их плана. Они утратили почти всю науку и обладают лишь парой машин и устройств, которые прихватили в день исхода из Атлантиды. Приборы постепенно теряют свою мощь. На затонувшей Атлантиде Тутмос и его последователи смогут найти секретное оружие, которое позволит им править миром. Но для

начала они хотят создать еще одну Луну, чтобы уничтожить Европу и разрушить остальной мир землетрясениями, приливными волнами и ураганами. В Алу они будут в безопасности. И выйдут на поверхность после того, как вода, поглотившая Атлантиду, заполнит бездну, оставшуюся на месте Европы, чтобы вернуться на свой континент, находящийся к западу от Канарских островов.

— Машина, чтобы создать Луну! — голос Дескверра звучал почти насмешливо. — Это невероятно!

— Такое уже произошло один раз. Принцип основан на резонансе. Колонна людей, марширующих в унисон, может развалить мост — вы это знаете. Правильно подобранная вибрация способна превратить здание в гору обломков. Звуковые волны нарушают молекулярную структуру Земли, и у Тутмоса есть машина, которая фокусирует волны прямо через планету. Сначала в Европе будут небольшие землетрясения, потом мощные толчки. Затем они станут еще сильнее. В конце концов весь континент вырвется, а центробежные силы унесут его на орбиту. Тутмос объяснил все до мельчайших подробностей...

Голова быка внезапно дернулась вперед. Раздался резкий неприятный хруст. Тело капитана Брэйди медленно наклонилось и согнулось. По-

том упало с трона.

Выругавшись, Десквер бросился вперед. Он дотронулся до пасти чудовища, отдернул руку, затем проверил сердцебиение Брэйди. Через секунду пожал плечами.

— Ну, он рассказал нам достаточно. А теперь... — Командир выпрямился и медленно обвел взглядом свой отряд. — Теперь нам надо найти и уничтожить эту машину... верно?

Казалось, он даже слегка расстроился, что трое братьев одновременно кивнули. Но его слова были вполне предсказуемы.

— Нам нужна информация. Так. Для начала нужно, чтобы кто-то выдал ее нам. В идеале — Тутмос... но, думаю, мы не можем особо привередничать.

— Вы верите в то, что рассказал капитан? — выпалил Джимми.

В качестве ответа Десквер обвел храм рукой.

— Посмотри сам. Современная цивилизация не могла это построить. Я прожил в Подземной Сахаре много лет, и... ну, по крайней мере, прежде чем действовать, я удостоверюсь, так это или нет. И позволь напомнить, что задавать вопросы — не твое дело.

Его холодный взгляд задержался на юноше.

— Я раздобуду информацию, командир, — быстро сказал Тони.

— Отлично. — кивнул Десквер. — Мне нечего тебе сказать, чего бы ты еще не знал. Большинство коптов знает английский, если нет — тащи пленника сюда. А мы останемся тут.

Тони взглянул на растянувшееся ужасное тело, которое совсем недавно было капитаном Брэйди, буднично махнул рукой Филу и Джимми и ушел. Быстро пробираясь по заваленному разрушенными колоннами темному проходу, он остановился, лишь когда вышел из храма. Там, присев в полумраке, осмотрелся.

Признаков жизни нигде не было видно. Вдалеке виднелась пасть туннеля, через который они вошли в Алу. Дойдя до края здания, Тони осторожно заглянул за угол. Он увидел арочный переход, где никого не было, хотя некоторое время назад по нему проходили «боги». Стоило ли их преследовать?

Затерянный город растянулся на несколько километров, по-видимому, пустующих руин. Тем не менее он знал, что город населен — верховным жрецом Тутмосом, его приспешниками и... возможно, коптами, хотя, скорее всего, нет, поскольку у них есть свой город наверху. По-

думав об этом, Тони невольно глянул вверх. За потолком пещеры было Полуночное море, над ним город коптов, а еще выше — сама Подземная Сахара. Тони задохнулся, почувствовав на себе вес несчетных тонн земли. Однако...

Стряхнув это ощущение, он двинулся в произвольном направлении, составив в голове приблизительную карту местности. У Тони лежал в кармане компас, но, как выяснилось после недолгого экспериментирования, в этом месте прибор был бесполезен. Но Тони мог довольно хорошо ориентироваться по огромной пирамиде, которую было видно практически из любой точки Алу.

Тони держался в тени зданий, где было совершенно темно, если туда не попадал мерцающий красный свет. Что вызывало похожее на лаву свечение, он не знал, хотя мысленно выдвинул пару идей.

Он шел к пирамиде.

Это был город мертвых. Тысячелетия назад его населяли выжившие с затонувшей Атлантиды, но сейчас его заполняла лишь многовековая пыль. Тишина. И повсюду — символы Исиды, богини Луны, вырезанные в камне. Тишина...

Пирамида приближалась, и Тони заново пора-

зился ее гигантским размерам. Она возвышалась до самого свода пещеры, словно поддерживая его, как столб. Возможно, так оно и было — Тони не мог понять. Подойдя еще ближе, он заметил, что пирамида была полой, поскольку там и тут в наклонных стенах зияли амбразуры.

И все еще не было ни звука, ни движения, ни какого-либо другого признака жизни.

Тони стал более осторожным, хотя особой нужды в этом не было. Рядом в стене пирамиды виднелся арочный проход, и он крадучись пошел к нему. Стражи не было. На пороге он остановился. Стоит ли рисковать, войдя туда, где может оказаться крепость врагов? Обыскивать пустой город, скорее всего, было бесполезно, и пожав плечами, Тони храбро вошел в пирамиду. Но в руке был пистолет, в чаше которого — угольные боеприпасы, готовые для мгновенного использования.

Коридор спускался вглубь пирамиды. Его тускло освещали мерцающие стержни, похожие на неоновые трубки, проходящие по всей длине потолка. Тони продолжал красться в этом полумраке.

Проход был ничем не примечательным и не имел дверей — поначалу. Но вдруг Тони заме-

тил то, что еще недавно избегало его внимания, — несколько едва заметных панелей в стенах. Секрет их замков был ему неизвестен, пока, в конце концов, один не показался проще остальных. Тони нажал пружину, которая была не слишком хорошо спрятана... и панель открылась.

Через металлические прутья он уставился в огромную клетку.

Сначала Тони подумал о зоопарке, затем его охватила тошнота и головокружение. Это действительно был «зоопарк»... но в нем содержались не животные, а боги!

Искусственные чудовища, созданные Тутмосом и его слугами, бродили по клетке — люди с головами различных животных, описанных в древних мифах. Здесь действительно были египетские боги: шакалоголовые, ибисоголовые, с головами быков, а некоторые даже — крокодилов, уродливо водруженных на человеческие плечи. Клетка освещалась так ярко, что существа не увидели Тони, и он быстро отошел назад, закрыв за собой панель. Очевидно, в этом месте ему не раздобыть информацию. Он подавил сильное желание воспользоваться углеродным пистолетом, чтобы положить конец кошмарному существованию вызывающих жалость существ. Если это был

пример власти Тутмоса, то правление атлантов ничего хорошего Земле не сулит.

Тони шел по коридору. Из скромных познаний в египтологии он знал, что не все боги были злобными, как Сет. Осирис и Амон-Ра, как и, конечно, Исиды, творили добро. Возможно, вначале религия была доброй, а затем, после множества столетий в закрытом пещерном мире, она пришла в упадок и деградировала. Первым, что приходит на ум, это — сатанизм...

Тем не менее вопросом не суеверия, а логики и науки, холодных фактов, было то, мифология какой расы тут укоренилась. За завесой так называемой «магии» находится чуждая могущественная культура, родившаяся в Атлантиде задолго до того, как Ур и Аккад пробились к власти в Шумерии, Тигре и Евфрате.

Тони все шел и шел, и его начала охватывать холодная тревога. Никто не преграждал ему путь. Он не единожды посматривал на углеродный пистолет, но все же оказался не готов, когда пол под ним провалился, и он, крутясь и извиваясь, полетел в темноту.

Приземлившись на твердую поверхность, он с руганью и стонами упал на пол всем телом. Прежде чем он сумел встать, Тони почувствовал

на себе мускулистые руки. Стесненный темнотой, он упорно боролся, но пистолет был выбит у него еще в начале схватки. Он оказался не в полной темноте — там был полумрак, но глаза Тони еще не привыкли к нему, в отличие от врагов. Наконец он распластался на полу, неподвижно удерживаемый железной хваткой рук неприятеля.

Чей-то грубый голос пробормотал приказ. Свет стал ярче. Лежа на полу с раскинутыми руками, Тони, поморгав, осмотрелся. Он обнаружил, что оказался в пустой камере с металлической решеткой в качестве двери. Пятеро крепко сложенных коптов держали его... хотя почти сразу Тони заметил, что это не копты. Их лицам не хватало деградации подземной расы шахтеров. Они были жестокими, а не глупыми. Жестокими... надменными и гордыми! Гордыми от осознания того, что их культура уходит в туман глубокой древности.

У стены стоял человек — настоящий гигант. У него была короткая бородка в форме черенка лопаты, а пышные угольно черные волосы падали на лицо длинными локонами. Его красота была подобна красоте лезвия меча — сильная, мощная и смертоносная, а длинный нос загибался, как ятаган. Бледно-голубые глаза, не моргая, смотре-

ли на Тони.

— Я — Тутмос, — сказал он на очень хорошем английском языке.

Тони не смог подавить желания слегка пошевелиться. Голубые глаза прищурились, но жрец лишь улыбнулся.

— Разве ты знаешь, кто я такой? Странно. Возможно, ты говорил с... Осирисом!

Он кивнул жрецам, и они отпустили Тони. Легионер вскочил, но не сделал ни одного враждебного движения. Безмолвно стоя, он смотрел на Тутмоса.

Атлант почесал бороду.

— Ты не глуп. Это будет твоей тюрьмой, и если не станешь доставлять нам хлопот, проживешь какое-то время. Мы не убиваем без необходимости.

— Не считая девяти десятых населения Земли, — осторожно заметил Тони.

— Это, — улыбнулся Тутмос, — необходимость. Нас десять против миллиардов. Даже если мы вернем все, чем когда-то обладала Атлантида, то не сможем захватить Землю, — только если Земля уже не будет повержена, а ее флотилии, авиация и оружие будут уничтожены катастрофой.

— Так вы действительно собираетесь создать

вторую Луну? — скептически спросил Тони.

Но жрец не счел это оскорблением.

— Да. Такое уже делали раньше. У Атлантиды была машина, которая может это сделать, а у нас есть ее копия. Ее создание заняло много веков, но, наконец, она готова и находится в сердце пирамиды... и уже приведена в действие.

— Уже? — Тони невольно посмотрел по сторонам. — Я не...

— Разумеется, здесь и сейчас ты ничего не почувствуешь. Позже — возможно, хотя в Алу мы в безопасности. Машина производит вибрации и нарушает молекулярные связи в определенных слоях земли под Европой. Постепенно сила вибраций будет увеличена, пока Европа в буквальном смысле не развалится на куски. Заключительный катаклизм произойдет через неделю или даже меньше. Европа исчезнет, оставив на своем месте колоссальную бездну, куда хлынет вода Атлантического океана. И Атлантида поднимется из глубин!

— И вы, — сказал Тони, — по такому случаю устроите фестивальное шествие?

Тутмос не ответил. Он повернулся к остальным и сделал повелительный жест. Один из слуг открыл решетку, и все вышли по одному. Дверь

захлопнулась.

Оказавшись за ней, Тутмос улыбнулся пленнику.

— Твои спутники скоро присоединятся к тебе. Мы не станем тратить время, чтобы их найти. Они сами к нам придут, и у тебя появится компания.

— Смотри, чтобы они не отстрелили тебе голову, — предупредил Тони.

Улыбка пропала с лица Тутмоса.

— Мало кому позволено насмехаться надо мной. Богов мало не бывает... и ты будешь отлично смотреться с головой шакала.

— А ты — с крысиной, — парировал Тони, — правда, у тебя такая уже есть.

Верховный жрец пробормотал что-то неразборчивое, сверкнул глазами и ушел. Тони остался один. Пожав плечами, он пошарил по карманам.

Пусто. Его полностью обыскали. Углеродный пистолет и угольные боеприпасы забрали. У него не было подручных средств, с помощью которых можно было выбраться из камеры.

С другой стороны, возможно, тут где-то есть потайная дверь. У Тони ушел час, чтобы убедиться в ее отсутствии. Наконец он просто сел и стал ждать. Делать было больше нечего. Он получил

информацию, за которой пришел. Машина атлантов находится в сердце пирамиды. Но Тони был не вооружен и не имел способа передать сведения Дескверу или своим братьям. Он недолго подумал о том, что происходит с Филом и Джимми и как долго они будут ждать. И что предпримут, когда устанут от томительного ожидания?

А что им делать, оказавшись в Алу — городе науки и непостижимой древности? Четыре человека — Десквер и братья — против могущественных сил величайшей земной цивилизации всех времен. Четверо против мощи, сделавшей Египет непобедимой империей. Четверо против богов!

Глава VII
Мощь Атлантиды

Топот наверху заставил Тони подняться с пола и выпрямиться, пристально глядя на потолок. Он тут же увидел, как распахивается вниз секция на петлях, позволяя упасть человеку с молотящими по воздуху руками и ногами. Бросившись вперед, Тони смягчил его падение. Это оказался Фил.

Светлые волосы Фила растрепались, на лице появилась желтая щетина, но крепко сложенное тело все так же могло похвастать стальным мышцами. Его рука все еще сжимала углеродный пистолет, что был при нем, а глаза с большим облегчением встретились со взглядом Фила.

— Ты в порядке?

— Да.

Понимание между братьями было так глубоко, что много слов и не требовалось.

— За тобой кто-нибудь шел?

— Я никого не видел.

— Возможно, ты застал их врасплох. Но они скоро появятся. Пока у нас есть возможность, надо сматываться отсюда. — Тони взглянул на за-

пертую дверь. — Можем пробить ее пистолетом, но я не знаю, куда идти потом. Так что залезай-ка мне на плечи, братец. Выберемся через потолок.

Отдав брату пистолет, Фил проворно вскарабкался на плечи Тони, когда тот опустился на колено. Придерживая Фила одной рукой, Тони медленно поднялся.

— Я... я начал беспокоиться, когда ты не вернулся, и пошел за тобой.

— Попробуй открыть панель... Как Джимми?

— Он в норме. Парень довольно крепкий... Получилось!

Когда короткие мощные пальцы Фила зацепились за край панели на шарнирах, она поддалась. Тони напрягся изо всех сил. Через секунду Фил завис в таком положении, затем его тело извернулось и вес исчез с плеч Тони.

Одновременно из-за запертой двери раздался крик.

Оттуда вылетел бледный луч. Тони ощутил нестерпимую боль в боку. Невольно он поднял пистолет и выстрелил. Металлическая дверь исчезла в белом пламени. Кто бы ни стоял за ней, он тоже пропал бесследно.

Но появились другие. Тони устроил с ними перестрелку. Услышав голос Фила, он рискнул

взглянуть вверх. Фил лежал на животе, протянув ему руку.

— Прыгай!

— Не могу, — крикнул Тони. — Они пристрелят меня...

— Придется рискнуть. Я слышу, что они бегут и ко мне.

— Оставь меня. Возвращайся к Дескверу. Скажи, что машина в основании пирамиды. Я выберусь через дверь. Если мы пойдем разными путями, у одного из нас будет больше шансов на успех. Беги!

Возникла пауза, прерываемая лишь хлопками углеродного пистолета. Затем Фил сказал: «Ладно. Удачи!»

Послышался звук его шагов. Панель захлопнулась. Тони скорчил гримасу досады, поняв, что Фил остался без оружия. Но у него было больше шансов убежать, чем у самого Тони, поскольку десяток или даже больше жрецов перегородили проход, ведущий — возможно! — к свободе.

Тони выстрелил еще раз. Передний ряд жрецов упал, остальные замешкались. Оружие свирепо рявкнуло. Один жрец развернулся и убежал... остальные рванулись за ним.

Тони погнался за жрецами, приведя все чувства

в боевую готовность. Коридор, по всей видимости, был гладким и безмолвным, не считая затихающего топота бегущих ног, но Тони предположил, что тут могут быть и другие ловушки. Неужели этот путь вел к выходу? И — смог ли убежать Фил? Этого было нельзя узнать... пока...

Проход перед Тони опустел. Он взял пистолет в руку. Холодный металл успокаивал, даже несмотря на угрозу, исходившую от Тутмоса и его могущества. Потенциально у оружия были безграничные возможности — чем сильнее заряд, тем значительней разрушения. При наличии достаточно мощных боеприпасов, саркастически подумал Тони, можно снести всю пирамиду. К несчастью, кроме обоймы в рукоятке пистолета, у него ничего не было.

У ответвления он остановился и понял, что новый туннель уходит вверх. Жрецы не станут ждать, что Тони пойдет туда... поэтому он так и сделал. И, как оказалось, он совершил правильный выбор.

Он оказался на маленьком балконе с видом на скат пирамиды. Под ним были нагромождения каменной кладки, ведущей вниз гигантскими ступенями, и когда Тони глянул туда, у него захватило дух. Шум сзади из коридора помог ему

принять решение.

Он едва не опоздал. Перед ним появился разинувший рот жрец с коротким металлическим стержнем в руке. Тони резко поднял пистолет и нажал на курок. Но ничего не последовало.

Боеприпасы закончились.

Реакция Тони была непроизвольной и инстинктивной. Он швырнул пистолет прямо в лицо противника и пригнулся, подныривая под него. Над головой Тони пролетел луч света. Затем Тони ударил жреца под колени и повалил на пол.

Для любезностей времени не было. Тони изо всей силы ударил сверху вниз. Оставив жреца без сознания, он перемахнул через перила балкона и стал спускаться по склону пирамиды, прыгая по огромным ступенькам, сделанным из гигантских блоков, рискуя при этом сломать себе шею. Но... ему это удалось.

Достигнув подножия пирамиды, он оказался в относительной безопасности. Вне красного свечения тени были густыми, и Тони воспользовался ими, чтобы крадучись добраться до стены пещеры, смутно вырисовывавшейся далеко впереди. Но прежде чем сделать это, он провел небольшую разведку, попытавшись найти Фила. Усилия оказались тщетными. Либо Фил уже в

целости и сохранности добрался до храма, либо пал жертвой жрецов Тутмоса.

Не было ни малейших признаков оживления. Тони не мог понять почему. Возможно, побег пленников не имел особого значения для атлантов. Они были слишком самоуверенны — хотя, возможно, на то имелись хорошие причины. С наукой, что может разорвать Землю на части, шутить не стоит.

Рядом с входом в храм Осириса Тони ускорил шаг. До его ушей донесся звук хриплого дыхания и шаркающих шагов. Остановившись на пороге, он присмотрелся, но не смог ничего разглядеть в полумраке интерьера. Постойте-ка! Под возвышением лежали две неподвижные фигуры. Одной, разумеется, был капитан Брэйди. Но второй...

Тони побежал. Тем не менее он проявлял осторожность и двигался как можно более тихо, хотя с трудом подавлял в себе желание выкрикнуть вопрос. Неужели атланты нашли незваных гостей? Чье это было тело: Десквера или... Джимми?

Оказалось, что ни того ни другого! Тони быстро нащупал углеродный пистолет, одним движением выхватил его и тут же увидел, что рядом с Брэйди лежит Фил без сознания и в крови — красная жидкость сочилась из дыры в груди. Но у

Тони не было времени рассматривать это, потому что рядом с телами между колонн, возвышающихся до самой крыши, в схватке сцепились двое — Джимми и командир Десквер!

Джимми приходилось нелегко.

Он был безоружен и пытался удержать руку, в которой Десквер держал пистолет. Командир медленно освобождался из хватки своего противника. Лицо офицера Легиона не выражало никаких эмоций, но глаза были черные, как влажный бархат, и в них блестела смерть. Джимми выглядел обессиленным, жадно глотал воздух, а из раны над глазом текла кровь.

— *Бросай оружие, Десквер!* — приказал Тони голосом, подобным удару кнута.

Реакция командира была неожиданной. Одним быстрым движением он отпустил Джимми и отскочил назад. Укрывшись в тени колонн, он выстрелил в Тони.

Мимо. Тони поднял пистолет с пола — видимо тот, что бросил Джимми, — но Десквер бегал и уворачивался, как призрак. Что за черт!.. Затем Тони понял, в чем дело. Дескверу нечем было стрелять. Но, с другой стороны, дураком его тоже нельзя было назвать. У него закончились патроны. Пояс с зарядами лежал на полу с оторванной

пряжкой, что все прекрасно объясняло. Десквер потерял его в драке.

Выбежав из храма, он исчез. Тони уставился на Джимми.

— Что за черт?

Парень побелел и все никак не мог отдышаться.

— Фил вернулся. Он видел тебя в пирамиде — сказал, где находится машина. Но его ранили...

— Дальше. Продолжай.

Тони стоял на коленях рядом с лежащим без сознания Филом, пытаясь оказать первую помощь.

— Десквер отправил меня наружу покараулить вход. Я услышал, как Фил закричал, и прибежал обратно. Я как раз успел увидеть Десквера... — Парень прокашлялся. — Он убил Фила, Тони. Выстрелил ему прямо в грудь. Я пытался его остановить... затем появился ты.

Веки Фила дернулись. Тони отдал пистолет Джимми.

— Ладно. Выйди из храма и смотри в оба. Берегись Десквера. Если увидишь его...

— Я его убью.

В голосе юноши была смертельная решимость. Рука Джимми сомкнулась вокруг рукоятки пистолета и он побежал по темному проходу.

Фил посмотрел на брата и его губы скривила косая ухмылка.

— Ты все-таки выбрался из пирамиды, да? Хорошо.

— Что случилось, Фил?

Тони тщетно пытался остановить кровотечение.

— Ничего особенного. Когда я сюда добрался, Десквер не стал перевязывать меня, а вместо этого обыскал. Разумеется, ничего не нашел. Но... спросил, где Звезда Земли.

Возникло короткое молчание.

— Как... — прошептал Тони.

— Не знаю. Десквер что-то разнюхал. Ему нужен этот камень. Думал, что он у меня, и не обнаружив его, пытался заставить меня говорить. Его методы были не слишком... любезными. Кажется, именно тогда я и закричал. Потом я набросился на Десквера. Выяснилось, что я не так уж сильно ранен, как казалось. Он выстрелил мне в грудь. — Фил закашлялся. — Можешь не стараться, Тони. Я первым из нас уйду. И чутье мне подсказывает, что будет и второй. Но кто-то из нас троих обязан остаться в живых.

— Я разберусь с Десквером, — очень тихо сказал Тони.

Его узкое темное лицо стало мрачной медной маской.

— Спасибо. И приглядывай за младшим, хорошо? Я... Я... — Изо рта Фила потекла кровь. Он болезненно закашлялся. Быстро оторвав кусок рубашки, Тони наложил повязку.

Но все оказалось бесполезным. Через десять минут Тони безмолвно стоял рядом с телом брата, смотря на бесстрастное лицо, навечно застывшее с приходом смерти. Тени храма Осириса давили, как прессом. В некотором роде, смерть и должна была прийти к Филу в Алу — священной земле, куда, по преданиям египтян, уходят души умерших, обрекая себя на вечные скитания.

Тони повернулся и медленно пошел по проходу. У выхода из храма он оглянулся. Возможно, Фил будет лежать там вечно — и таким саркофагом мало кто мог похвастаться.

— Не шевелись, — приказал низкий голос. — Ни на сантиметр! *Не делай глупостей!*

Но когда Тони развернулся, его реакция была непроизвольной. Рядом с ним, но все же вне его досягаемости, стоял командир Десквер. В руке у него был один углеродный пистолет, а в кобуре был второй. Посверкивающие глаза холодно смотрели на Тони из-под косматых нависающих

бровей.

— Без глупостей! — повторил Десквер. — Твой брат меня не послушал.

— Где он?

— Там... Он невредим. Очнется через пару минут. Просто оглушен. Мой пистолет не был заряжен, в отличии от его. Так что...

Десквер ухмыльнулся и провел ладонью по лысой голове.

— Приведи его в чувство. Быстро! — пролаял командир, увидев, что Тони замешкался.

Тони молча пошел туда, где у стены храма, свернувшись калачиком, лежал Джимми, и выдал ему пару пощечин. Подняв взгляд, Тони увидел, что командир пристально смотрит на него.

— Где Звезда Земли? Она у тебя? — спросил Десквер.

— Не знаю, о чем вы говорите, — проворчал Тони.

— Нет? Тогда дай мне объяснить. Рация, что вызвала меня на поверхность — это был человек по имени Зэдах, секретарь некоего Раджаха. Он рассказал мне о вас. Предложил целое состояние, если я верну ему драгоценный камень. Ну и я... я намерен сделать это. Меня уже тошнит от Легиона, и это моя единственная возможность купить

свободу и жить, как принц. Итак... где камень?

Тони рассказал ему все, но ответ командира был непечатным. Толстые губы Десквера скривились в усмешке.

— Отлично. Но я достану его, запомни это.

— И чем он тебе тут поможет?

— Отсюда я выберусь. Но сначала нам надо разрушить машину Тутмоса. Твой брат приходит в себя. Помоги ему. Мы направляемся к пирамиде.

Тони с мрачным видом поднял находящегося в полубессознательном состоянии Джимми и помог ему удержаться на ногах.

— Мы безоружны. А там десятки жрецов...

— Да мне без разницы — вооружены вы или нет, — прорычал Десквер. — Я обращаюсь с оружием лучше всех. *Allons!*

Выругавшись, Тони пошел за ним, большей частью таща Джимми на своих плечах, пока тот медленно восстанавливался после удара, оглушившего его. Его губы казались тонкими бледными линиями. Они с Джимми оказались полностью во власти Десквера, а тот был законченным эгоцентристом, не стесняющимся доводить свои планы до конца даже перед лицом катастрофы, угрожающей всей планете. Десквер был беспощаден, но в его ледяной отваге

сомневаться не приходилось. Так же, как и в его жадности! Тони понял, какая мощная сила накопилась внутри этого человека за долгие годы одиночества в Подземной Сахаре — тюрьме худшей для Десквера, чем, возможно, для любого другого.

Они шли к пирамиде, перебегая от тени к тени. Тони и Джимми двигались первыми, осознавая, что пистолет того, кто захватил их в плен, всегда направлен им в спины. Никаких признаков присутствия атлантов не было.

— Как ты собираешься добраться до машины? — наконец спросил Тони. — Она хорошо охраняется.

— Я могу перебить десяток коптов за раз, — уверенно ответил Десквер. — Мы идем прямо туда. Найдем кого-нибудь — заставим его показать нам дорогу. Если кто-то встанет у нас пути, то пожалеет об этом. Войдем в пирамиду, разрушим машину и уйдем. А потом... я узнаю, у кого из вас Звезда Земли.

Тони не ответил. Он шел вперед, отчаянно пытаясь что-нибудь придумать. Но, казалось, надежды нет. Выхода не было.

Наконец между ними и пирамидой осталась лишь широкая площадь. Они остановились у

ее края.

— Мы обогнем ее, пройдя у того здания, — видите? Оно вдается в открытое пространство... Я не вижу стражников, но это не значит, что их там нет.

Все трое стояли в тени у угла высокого каменного обелиска. И внезапно без всякого предупреждения на них обрушились десятка два человек, в полнейшей тишине... и с убийственной яростью.

В обеих руках Десквера были пистолеты. Оружие изрыгало смерть, и по мертвому городу разнеслось эхо выстрелов. Тони не видел командира, тот был погребен под десятком тел и яростно боролся. Джимми рядом с ним, ругаясь, слабо махал руками и ногами. Жрецы-атланты не использовали излучатели, возможно, рассчитывая одержать верх количеством. И напрасно!

Именно бесстрашная свирепость Десквера решила исход битвы. Пистолеты рявкали безостановочно. Трижды он падал и затем поднимался — ужасная фигура с вытянутыми в стороны руками, кровь стекала с него десятком ручьев, а лысая голова мрачно сияла в красном свете. Одного за другим, по двое, по трое убивал он безжалостно, яростно, закончив тем, что стукнул по голове последнего жреца, насевшего на Тони.

— Нельзя зря тратить боеприпасы, — проворчал он. — Вставайте! Оба! Живее!

Тони встал рядом с Джимми. Он увидел, что пара жрецов убежала по направлению к храму. Десквер поднял пистолет, но, помешкав, опустил его.

— Быстрее!

Тони замер. Пара десятков... нет, больше сотни жрецов выбежало из пирамиды, сформировав массивную фалангу, защищающую вход. Во главе стоял Тутмос — его бородка, похожая на черенок детской лопатки, делала его легкоузнаваемым. Убежавшие жрецы присоединились к товарищам, и небольшая армия замерла.

— Они не используют излучатели, — заметил Тони. — Наверно, это оружие эффективно лишь на коротких расстояниях.

— Живее! — прорычал Десквер, угрожая пистолетом.

Они медленно вышли на площадь.

Командир выстрелил. Вскрикнув, упал один жрец. Ряды сомкнулись, скрывая тело из виду.

Десквер непрерывно палил. Щелчок дал понять, что один пистолет разрядился, потом командир опустошил и второй. Затем он потянулся к поясу... и Тони услышал грязное ругательство.

— Дьявол! Чертовы копты! Жрецы... в драке они стащили с меня пояс с зарядами!

Остановившись, Тони повернулся. Десквер стоял, широко расставив ноги, углеродные пистолеты, бесполезные при отсутствии боеприпасов, смотрели на жрецов.

Что-то прокричав, Тутмос поднял над головой пропавший пояс и издевательски им помахал.

— Уголь есть? — прохрипел Десквер.

Двое братьев покачали головами.

Жрецы начали двигаться к ним.

— Ты уже не сможешь разрушить машину, Десквер. Ты обрек на гибель мир... и себя самого, — сказал Тони.

Костяшки пальцев Десквера побелели, он стоял, словно вырезанный из гранита. Прищурившись, смотрел на приближающуюся толпу.

Джимми засмеялся.

— Как тебе это, Десквер? — съязвил он. — Ты уже не командир. Просто человек с разряженным пистолетом. И... ты скоро умрешь, Десквер. *Ты умрешь!*

Глава VIII
Новая Атлантида

Напряжение стало невыносимым. Жрецы медленно наступали, словно были уверены, что добыча никуда не денется. Шедший во главе Тутмос улыбался и поглаживал одной рукой бородку.

— Сдавайтесь, — прокричал он. — Вам не причинят вреда... Пока не понадобятся новые звероподобные боги!

Лицо Десквера покрылось красными пятнами. Но страха в нем все равно не было. Все еще держа пистолеты, он смотрел на толпу... и вдруг сунул один пистолет в кобуру и начал шарить по карманам.

— Ну же, глупцы! Найдите что-нибудь, чем можно стрелять. Не обязательно уголь — сойдет любой вид углерода.

Тони бросил взгляд на толпу жрецов. Издав победный крик, Десквер извлек из кармана мундира один угольный заряд.

— Хорошо! Только один, но...

Он засунул его в чашу пистолета.

Темное лицо Тони приобрело странный, даже можно сказать довольный вид.

— Подожди! — схватив Джимми за руку, прошептал он.

Десквер шагнул вперед.

— Стоять! — подняв пистолет, выкрикнул он.

На лице Тутмоса появилась сверкающая улыбка. Верховный жрец не ответил. Он продолжал идти...

И Десквер выстрелил.

Тутмос, казалось, удивился. Остановившись, он приложил руки к груди, ставшей окровавленной массой. Потом посмотрел на испачканные в крови пальцы.

По толпе пробежал шепот ужаса... и Тутмос упал! Верховный жрец Алу умер!

Десквер не мешкал. Он сделал шаг вперед, затем еще один, словно ожидая, что враги отступят. Но они стояли не шелохнувшись.

Жрецы мрачно сплотили ряды... и продолжили наступать.

На этот раз остановился командир, губы его скривились. Рука нырнула в карман мундира, но тщетно. Теперь там точно было пусто.

Тони улыбался. Он дотронулся до руки Десквера.

— У меня есть для вас заряд, командир.

— А? — Сверкающие глаза расширились. — Где?..

Взгляд Десквера сосредоточился на том, что было в руке у Тони. Сверкая в красном свете Алу, на ладони у него лежал огромный прекрасный драгоценный камень в форме линзы. Он походил на бриллиант... но это было нечто другое.

— Тони! Ты... — чуть слышно выдохнул Джимми.

— *Звезда Земли!* — На лице Десквера выступил пот.

— Давай, — прошептал Тони. — Бери его, командир! Это углерод. Можно использовать как заряд. Простой уголь с легкостью убивает человека. А этот драгоценный камень гораздо плотнее угля. У углеродного пистолета нет предела мощности. Им можно снести пирамиду... командир!

Десквер так и не шевельнулся, и Тони ловко засунул драгоценный камень в чашу пистолета. Находясь в необычном для него месте, камень был красив и без оправы, заключая внутри пламенного сердца богатство, величие и смерть. Украшение — но это тоже был углерод. И Десквер не сводил глаз с огромного драгоценного камня.

— Стреляй, — сказал Тони. — Если выстре-

лишь, потеряешь только Звезду Земли. Если нет — жизнь.

Лицо командира блестело от пота. Он глянул на толпу жрецов, находящуюся уже очень близко. Его огромная фигура затряслась от нерешительности. Обладать Звездой Земли... и понимать, что это сулит несомненную гибель! Ему надо было лишь нажать на спусковой крючок, и враги превратятся в пыль. Но если он это сделает... То потеряет Звезду Земли!

— Так это ты! Мерлин... — прорычал он на Тони.

— *Стреляй!*

Неимоверным усилием воли заставив себя, Десквер поднял пистолет и прицелился. Он шептал про себя проклятия, до самого конца оттягивая решение, которое все равно должен был принять. И он не мог ждать слишком долго. Жрецы подходили все ближе и ближе.

Мерцающее красное свечение придало лицу Десквера черно-алый цвет, глаза, измученные и ужасные, зловеще горели.

— В ад вас всех! Я... я выс... — сказал он.

Палец на курке начал давить. И... остановился.

Жрецы замерли. Они уставились на Звезду Земли. И тоже неподвижно застыли.

— Камень! Камень! — закричал один из них.

Никто не двигался. Вдруг жрецы начали неуверенно отступать. Тони услышал, как Джимми с трудом ловит ртом воздух. Он и сам пытался понять, что это значит.

Но так и не узнал. Возможно, в глубине давно забытых веков со дна Атлантики подняли другую Звезду Земли, ставшую частью религии Атлантиды. Тони не знал. Но понял, что жрецы узнали камень или им так показалось. Они преклонились перед этим сокровищем!

Десквер тут же увидел в этом возможность.

— Давайте. Мы войдем в пирамиду... и разрушим машину, — тихо сказал он.

— Ты спятил. Жрецы не допустят *этого.*

Десквер неприятно ухмыльнулся. Без всякого предупреждения он выхватил второй пистолет и замахнулся им. Тони попытался увернуться, но все же получил ужасный удар по голове. Задыхаясь от боли, он метнулся вперед и сцепился с гигантом-командиром.

Джимми ухватился за руку Десквера, но командир одним движением отправил парня на землю. С грохотом Десквер и Тони упали на камни. Из толпы жрецов послышались сдавленные крики. Пропал их суеверный страх, и они снова начали

приближаться.

Толстые пальцы Десквера яростно сдавливали горло Тони, маленькие глаза командира поблескивали. Несмотря на то, что он был снизу, драка складывалась в его пользу. Тони безостановочно колотил его по лицу, но, кажется, особого вреда не причинял. Краешком глаза он увидел Джимми, пытавшегося отцепить железные пальцы от шеи брата.

И еще Тони заметил углеродный пистолет, лежащий на камнях неподалеку.

— Джимми! — Его голос скрипел и хрипел. — Пистолет... пирамида...

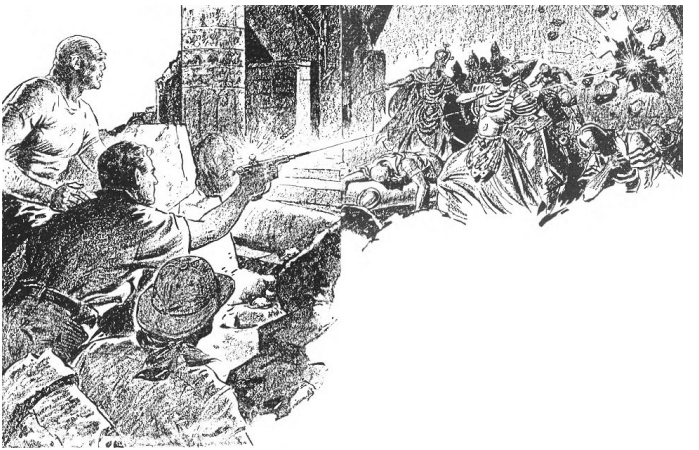
В глазах Десквера блеснул убийственный огонь. Пальцы сжались сильнее, по позвоночнику Тони пробежала невыносимая боль. Тем не менее Джимми все понял и бросился за пистолетом. Схватив его, он прицелился в пирамиду и приближающихся жрецов.

Десквер заревел, как зверь. Его хватка ослабла. Каким-то образом сумев высвободиться, он вскочил и оказался рядом с Джимми.

— Не-ет! — прокричал он. — Не-ет...

Из ствола пистолета вырвалась неистовая вспышка испепеляющего пламени. Невероятное давление, что создало Звезду Земли, обрело свобо-

ду. Пламя пробило путь прямо через ряды жрецов и понеслось к сердцу пирамиды, разрушая и расплавляя твердый камень чудовищной мощью своей энергии. Казалось, в этом снаряде были заключены все силы пылающих недр Земли!



Сквозь крики жрецов донесся низкий, сотрясший всю пещеру грохот. По склону пирамиды, громыхая, скатился каменный блок. Гигантское строение начало рушиться. Вместо одной из сторон появилась зияющая, колоссальных размеров дыра. Вершина пирамиды опрокинулась и покатилась вниз сквозь клубы вздымающейся пыли и горы обломков.

Неотрывно глядя на происходящее, Тони поднялся на ноги. Что-то происходило с крышей пещеры. Пирамиды *была* колонной, поддерживающей свод. А теперь эта опора исчезла...

Сверху падали камни. Подобно огромной паутине, по потолку расползались трещины. Сверкнуло что-то серебристое, сияющее в алом свечении. Тони вспомнил, что над Алу находится... Полуночное море!

И этот тусклый, спокойный океан заливался сейчас в пещеру через расщелину, проделанную в его ложе!

Падающая вода превратилась в колонну, поток, ревущую Ниагару. Она затопила развалины пирамиды. Океан продолжал грохотать, а ледяные волны уже докатились до Тони. Схватив Джимми за руку, он потащил его за собой.

— Надо отсюда выбираться!

— Как... как мы это сделаем?

— Можем хотя бы попробовать...

На фоне грохочущих вод океана, затапливающих Алу, их крики звучали, как тонкий шепот. Жрецы бесцельно носились по кругу, среди них Тони увидел командира Десквера. Его окружало кольцо атлантов. Они пытались сбить его с ног, как волки, окружившие бизона. Тем не менее

даже безоружный Десквер был сильнее своих врагов.

Джимми молча кивнул на это. На лице Тони появилась безрадостная улыбка.

— И что? — выдавил он.

Затем он вспомнил, что случилось с Филом...

Братья брели по улице по колено в прибывающей черной воде. За спиной словно ударил гром. Пещеру заполнил новый звук — низкое шипение, словно на горячие камни вылили гигантских размеров ведро воды. За обломками пирамиды Тони мельком увидел, как поднимаются красные облака. Выходит, красный свет Алу действительно был следствием вулканической активности. И теперь ледяные воды Полуночного моря встретились с раскаленной лавой...

Камни продолжали с грохотом падать. Оглянувшись, Тони увидел, как их преследует Десквер — избитый, истекающий кровью гигант, шлепающий по воде среди града камней, падающих с рушащегося свода Алу. Рядом с ним в воду плюхались смертоносные глыбы. Глянув назад еще раз, Тони увидел, что Десквер догоняет, его могучее тело сутулилось, а зубы сверкали в свирепой улыбке...

И вдруг он исчез! Волны от падающих кам-

ней захлестнули его. В том месте, где он был, на мгновение появилась куча глыб, которая тоже исчезла, когда поднимающаяся вода промчалась мимо.

Молча пробираясь мимо храма Осириса, где лежало тело Фила, Тони странным быстрым движением отдал честь. Возможно, теперь Фил узнает, что его гибель отомщена...

Темные волны уже добрались до входа в тунель, ведущий наверх. Тони остановился перед ним и последний раз окинул взглядом Алу. Красный свет стал темнее и мрачнее. Пылающие облака безостановочно кипели, камень дрожал и сотрясался под ногами. Ниагара, льющаяся сверху, выглядела, как твердый монумент, и в голову Тони пришла странная мысль.

— Колонна облаков днем... и столб дыма ночью...

Алу, дочь Атлантиды, умирала так же, как и материнский континент. Подземный огонь и потоп убивали ее, высасывая жизнь и разрушая культуру, пережившую несчетные тысячелетия до образования Египта. Полузатопленные огромные храмы превращались в груды обломков. В темноте огромной пещеры что-то рушилось.

Вдалеке был виден арочный переход, который

они заметили, когда только вошли в Алу. В нем стояли фигуры — так же, как в первый раз. Создания с пугающими уродливыми головами...

Жалкие и страшные боги со звериными головами, созданные мертвой наукой Тутмоса!

Лишь секунду Тони видел этих существ, черных на фоне красного дыма. Затем... мостик упал.

В Алу бушевал ревущий ад, сеющий смерть и разрушающий все на своем пути.

Тони повернулся к побелевшему Джимми. Вода доходила уже почти до пояса.

— Идем, — прокричал он. — Надо выбираться. Скорее!

Они убежали в туннель.

Дальше был сущий кошмар. Каким-то образом они нашли дорогу, выбирая проходы, идущие вверх, скрываясь от страшных, безумных коптов, носящихся по коридорам, чьи стены дрожали от постоянных толчков. Они всё шли и шли и в конце концов набрели на испуганного копта, который согласился вывести их на поверхность. Его мир разваливался на части, и он лишь хотел выбраться отсюда. Входная пещера уже разрушилась, но проход перед братьями оставался нетронутым. Они шли так быстро, как только могли...

Лучи солнца желтыми бликами пробивались через расщелину в камне. Истощенные, задыхающиеся, похожие на два грязных пугала братья выбрались на раскаленную поверхность. Вокруг тянулись дюны. Тони и Джимми оказались в небольшой каменистой долине.

Они упали на песок и пролежали так несколько часов, едва осознавая, что лежат под пылающим солнцем.

Тихое жужжание гиромотора разбудило их. Моргая, Тони поднялся. И как раз успел увидеть, как сел самолет и из него вышел человек в костюме пилота.

Джимми все еще спал. Тони заковылял вперед, чтобы поприветствовать прибывшего. Его глаза были затуманены после сна, и Тони не сразу узнал пилота — только когда тот достал оружие и навел его на Тони.

Затем он понял, что это Зэдах — секретарь Раджаха.

Остановившись, Тони покачнулся, его руки свободно повисли вдоль тела. Круглое лицо Зэдаха ликовало. Похожие на бусинки глаза светились от радости.

— Чистая удача, — сказал он. — Я кружил несколько часов, рассчитывая лишь на подарок

судьбы. Мне повезло, что я заметил тебя...

— Копты, — прохрипел Тони. — Они...

Зэдах кивнул.

— Знаю. Ваш легионер выбрался оттуда — Джеклин. У входа в Подземную Сахару стоит целая армия. Но... где Звезда Земли? Если ты сбежал, значит, Десквер остался там.

— Камня больше нет. Десквер получил его... и использовал. Звезда Земли уничтожена, Зэдах.

Тот замялся. Что-то в глазах Тони заставило его поверить. Внезапно на круглом лице Зэдаха проявилась подавленная ярость.

— Пропала! Тогда... — Он поднял пистолет, губы его побелели от ярости. — Может быть. Если ты лжешь, я все равно найду камень на твоем трупе.

Тони напрягся для рывка, заранее зная, что все бесполезно. Но прежде чем он успел пошевелиться, вперед рванулся другой. Джимми бросился на убийцу.

Пистолет Зэдаха рявкнул. Джимми вскрикнул, человек с востока опять навел оружие на Тони. Но уже было слишком поздно. Его запястье оказалось в железной хватке. Смуглое лицо Тони вплотную приблизилось к лицу секретаря, и в его мрачных глазах виднелась смерть.

Зэдах закричал.

Тони не проронил ни слова. Очень медленно, очень осторожно он согнул руку Зэдаха с пистолетом. Палец секретаря все еще был на спусковом крючке. В конце концов оружие нацелилось убийце в сердце.

Потом Тони улыбнулся... и мышцы его руки сократились.

В тишине пустыни результат был оглушительным.

Тони позволил мертвому телу сползти на песок и повернулся к Джимми. Парень был мертв. Пуля Зэдаха проделала в коричневой рубашке аккуратное маленькое отверстие.

Через полминуты Тони подтащил тело брата к самолету и занес его на борт. Затем залез сам. Самолет взмыл над пустыней.

Под ним распростерлась Сахара — белая пустыня, лежащая под горячими лучами Солнца. К северу виднелся лагерь, солдаты бежали ко входу в Подземную Сахару, но было уже слишком поздно. Тони двинул штурвалом и пролетел над ними.

Пустыня уступила место Средиземному морю, а оно, в свою очередь, Атлантическому Океану. Спустилась прохладная голубизна ночи. Лунный

свет серебрил волны.

Тони открыл люк в полу и позволил телу брата соскользнуть вниз. Фил покоился в храме Осириса... а Джимми пусть лежит под водами, что похоронили Атлантиду.

Вернувшись к пульту управления, он стал всматриваться в пустой горизонт. На западе лежал Нью-Йорк. Теперь он мог туда вернуться — смысла скрываться больше не было. Никто не узнает, кто был Мерлином. Некоторые будут гадать, возможно, даже поверят в то, что Звезду Земли украл Фил или Джимми... но никогда не посмеют никого обвинить, а Сету Мартеллу не придется выбирать между честью и своими идеалами.

Только Тони будет знать, что Мерлином был его брат Фил.

Он десять минут пробыл наедине с Филом в храме Осириса. И прежде чем тот умер, он рассказал Тони правду о том, что Мерлин — это он. Фил отдал брату Звезду Земли. Но теперь об этом никто не узнает.

У Тони сдавило горло. Он пристально смотрел на тусклую линию между океаном и небом, зная, что за ней лежит Нью-Йорк и жизнь, которую он сможет продолжить с того места, где она прерва-

лась. Жизнь, которую ему придется прожить... одному.

Потом на западе возникло слабое свечение. Самые высокие башни Манхэттэна столбами света взметнулись в темное небо.

Secret of the earth star, (Amazing Stories, 1942 № 8).

Пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

РОЖДЕННЫЙ АТОМОМ!

Глава I
Глаз

Тревога сработала сразу после полудня. Красный сигнал, показывающий чрезвычайную ситуацию. Но чрезвычайная ситуация была всегда. Мы все знали это. С тех пор, как мутировала в Чикагском Кольце стая пауков, мы понимали, что рисковать не стоит. В тот раз человеческая раса чуть не погибла. Немногие знали, как близко мы были к исчезновению. Но я-то знал.

В Центре Биологического Контроля все это знали. Для того, кто жил до Трехчасовой Войны, такое звучало бы невероятно. Даже нам было трудно поверить в это. Но мы-то знали.

По всему миру разбросано четыреста три Кольца, и каждое способно привести к гибели все Человечество.

Наша лаборатория располагалась к северу о того, что было Йонкерсом, а теперь является сплошными руинами. Атомный взрыв шестилетней давности, разумеется, не задел сам Йонкерс. Но разрушил Нью-Йорк. Радиация опустошила Йонкерс и города за ним, а вглубь страны дошла

до Белых Равнин, — но все, кто жил до Трехчасовой Войны, знают, что сотворила бомба с территорией вокруг Нью-Йорка.

Война закончилась невероятно быстро. Но настоящую угрозу создало то, что было потом — бомба замедленного действия, которая может с легкостью стереть с лица Земли всю цивилизацию. Мы пока не знаем, что с этим делать. Все, что нам остается — это продолжать исследования и вести наблюдения с самолетов.

И эта угроза — мутации.

Для меня это было не впервой. Я передал отчет по телетайпу, нажал пару кнопок и развернулся, чтобы взглянуть на стажера Боба Дэвидсона. Он пробыл тут две недели, в основном изучая что к чему.

Мой помощник Уильямс был в отпуске, и я уже почти решился взять молодого Дэвидсона в качестве его замены.

— Хочешь полетать и посмотреть, что случилось, Дэйв? — спросил я.

— Конечно. Это же красный уровень тревоги, да? Чрезвычайная ситуация?

Я пододвинул микрофон.

— Вышлите аварийную команду, — приказал я, — и свяжитесь с Уильямсом, чтобы он принял

командование. Подготовьте разведывательный вертолет. Красный маршрут. — Потом я повернулся к Дэвидсону. — Стандартная процедура, — сказал я ему, — если не произойдет ничего неожиданного. Данных пока мало. Зонды заметили провал и какую-то активность вокруг него. Возможно, это ерунда, но мы не можем рисковать. Это Кольцо семьдесят-двенадцать.

— Это же там, где на прошлой неделе разбился воздушный лайнер, да? — снова загоревшись интересом, спросил Дэйв. — Что-нибудь уже известно о том, что стало с пассажирами?

— Ничего. Если они еще живы, с ними расправится радиация. Теперь это закрытая зона, вот бедолаги. Но мы еще сможем найти самолет. — Я встал. — Возможно, это все погоня за собственной тенью, но когда речь идет о Кольцах, мы не можем довериться случаю.

— О, это должно быть интересно, — заметил Дэйв и вышел за мной.

Мы поняли это еще давно. Во всем мире насчитывается четыреста три таких зоны, но до Войны никто не мог представить что-то, похожее на Кольцо, и было трудно вообразить его, опираясь лишь на скудное описание. Нужно самому *почувствовать* это одиночество, пролетая над центром

Кольца с голыми разбросанными камнями, на которых ничто не сможет расти, пока сама планета не превратится в пыль, и увидеть, как вокруг этого мертвого ядра кипит жизнь Кольца.

Зона жизни, соседствующая с могуществом смерти. Звездные силы, выпущенные на свободу взрывами бомб, давали жизнь новым странным, мутирующим формам жизни, которые постоянно изменяются и будут изменяться, пока в мире, который в течение трех часов подвергался ударам почти космической мощи, опять не восстановится равновесие. Мы все еще страдали от последствий этих ударов. Баланс еще не был достигнут.

Когда час равновесия наступит, человечество, возможно, перестанет быть доминирующей расой. Вот почему мы так внимательно наблюдаем за всеми Кольцами. Время от времени мы обрабатываем их огнеметами. Но, разумеется, только атомная энергия сможет навеки утихомирить кипящую там жизнь, что, конечно, не является решением проблемы. У нас достаточно Колец и без использования еще большего количества атомных бомб.

Это словно рубить головы гидре, не зная, как ее убить по-другому. Все, что мы можем делать — смотреть, ждать и готовиться...

Мир был еще темный. Но само Кольцо озаряло странное бледное свечение, которое могло означать что угодно. Раньше такого не было. Вот и все, что мы пока что знали об этом.

— Давай глянем, что на сканере, — сказал я Дэвидсону.

Он передал мне маску, я защелкнул зажимы за ушами и надвинул монокуляр на глаза, ожидая

увидеть, как в приборе ночного видения рассеивается темнота.

Так и случилось — здесь все было предсказуемо. Я увидел негативные изображения деревьев и разрушенных домов, пугающе бледные на темном фоне. Но внутри Кольца — ничего.

Это было нехорошим знаком. А скорее, даже откровенно плохим. Не сказав ни слова, я снял маску, передал ее Дэвидсону и увидел, что он глядит вниз. Когда он повернулся, я заметил его хмурый взгляд через монокуляр еще до того, как он опустил сканер. В свете индикаторов пульта управления он выглядел слегка бледным.

— Ну? — спросил он.

— Кажется, в этот раз они натолкнулись на что-то серьезное.

— Они?

— А кто еще? Может быть все, что угодно. Ты же знаешь, что жизненные формы мутируют резко, без всякого предупреждения. Нечто внизу сделало это снова. Может быть, что-то тихо жило себе под землей, просто дожидаясь нужного момента. Что бы это ни было, теперь оно создает помехи для сканеров, а это не так-то просто сделать.

— Вначале парни доложили о провале, — тщетно глядя вниз, сказал Дэвидсон. — Ты что-нибудь

видишь?

— Только светящийся туман. Больше ничего. Совершенно непроницаемый. Ну, может быть, дневной свет покажет нам что-нибудь. Я надеюсь на это.

Не показал. Неглубокое море желто-серой дымки, медленно клубящейся гигантским кругом над всем Кольцом насколько хватало глаз. Мертвая центральная часть и внешняя зона неестественной жизни исчезли в этой дымке, сквозь которую не мог пробиться ни один инструмент, — а мы разработали множество вещей, способных видеть через туман и темноту. Дымка была очень густой. У нас никак не получалось приоткрыть эту вуаль.

— Садимся, — наконец сказал я Дэвидсону. — За этим щитом что-то происходит, кто-то не хочет, чтобы за ним наблюдали. И кому-то придется сходить и проверить это — причем, как можно быстрее! Вероятно, даже нам.

Мы надели свинцовые костюмы последней модели — гибкие и удобные. Опустили забрала, как только увидели землю, а маленькие счетчики Гейгера, которые были у каждого из нас, принялись беспорядочно тикать, будто сам воздух там, куда мы опускались, передавал слово «смерть»

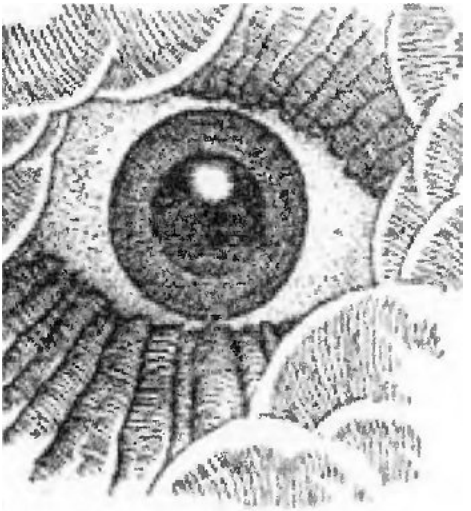
при помощи азбуки Морзе.

Я искал место, куда бы сесть, когда Дэвидсон внезапно схватил меня за плечо, указывая вниз.

— Смотри!

Его голос прошуршал в наушниках моего шлема. Я посмотрел. И вот с этого места рассказывать становится весьма трудно.

Я-то знаю, что увидел. Это было ясно с начала до конца. А увидел я глаз, смотрящий на нас через бледную дымку. Но являлся ли он огромным глазом, находящимся далеко внизу, или глазом обычного размера, расположенным вблизи, я тогда не смог понять. У меня отказало чувство расстояния.



Я глядел прямо в Глаз...

Следующее, что я помню, — как сижу в знакомой лаборатории за столом напротив Уильямса и слышу свой голос:

— ...никаких признаков активности рядом с Кольцом. Абсолютно нормальные...

— Разумеется, есть еще озеро, — добросовестно прервал меня Дэвидсон.

Я посмотрел на него. Он, сидя у стены, непрерывно крутил в руках шапочку. Его розовощекое лицо было осунувшимся, а во взгляде, который

встретился с моим, виднелись напряжение и ошеломление. И я понял, что выгляжу примерно так же.

Я словно просыпался ото сна, зная, что спал, зная, что уже бодрствую... но сон все продолжался... и я не мог прекратить это. Хотелось подпрыгнуть, ударить кулаком по столу и прокричать, что все это обман.

Но я не мог.

Что-то похожее на невероятно мощное психическое подавление удерживало меня. Когда я попытался выйти из этого состояния, кабинет на секунду поплыл перед глазами, я встретился со взглядом Дэвидсона и увидел в нем то же самое плывущее напряжение.

Это был не гипноз.

Нельзя было получить должность в лаборатории Биологического Контроля, не пройдя множество тестов и тяжелых физических испытаний. Никто из нас не поддается к гипнозу. Мы не можем этого себе позволить. Это тоже проверялось.

Нас можно загипнотизировать лишь в исключительных обстоятельствах, известных только самому Биологическому Контролю.

Нет, ответ был не так прост. Казалось, что он ле-

жал во... мне. В моем мозгу захлопнули какую-то дверцу, чтобы запереть жизненно важную информацию, которая не должна была исчезнуть... ни при каких обстоятельствах.

Через минуту, потраченную на выстраивание этой аналогии, я понял, что оказался на правильном пути. Я почувствовал себя увереннее и в большей безопасности. Что бы ни происходило в этом пустом месте в моей голове, теперь оно было под контролем моего инстинкта. А я доверял инстинкту.

— ...прорыв, как и доложили парни, — говорил Дэвидсон. — Вот, должно быть, из-за чего озеро начало пополняться. Хотя там все спокойно. Думаю, наши зонды присмотрят за этим.

Взгляд Дэвидсона пересекся с моим, и я понял, что он прав. Я знал, что он говорит это мне, а не Уильямсу. Разумеется, озеро не могло исчезнуть, просто пропав из виду. Мы не могли допустить худшей ошибки, чем заинтересоваться озером, рассказывая о нем явные небылицы...

Какое озеро?

Воспоминание вернулось, словно мираж, медленно выплывающий на поверхность сознания. Мы стояли на голых безжизненных камнях мертвого центра Кольца и глядели через просвет в

тумане, похожий на широкое низкое окно в километре от нас.

Рассветное озеро было ярко-голубым и невероятно спокойным. Стена скал за ним уходила влево и вправо, пропадая из поля зрения, стена, словно огромный каменный занавес, висящий величественными складками, розовый на фоне такого же розового рассвета и нависающий над своей идеальной копией, отраженной в зеркальной глади озера.

Мираж исчез. Озеро я вспомнил, но больше — ничего. Там было озеро. Мы стояли на его каменистом берегу. И что потом? Логика подсказывала мне, что мы, наверное, увидели, или услышали, или узнали нечто, что сделало озеро смертельной опасностью для всего Человечества.

Я знаю, что ощущение первобытного страха в моем сознании обязано иметь причину. Но все, что я мог сейчас сделать, — следовать своим инстинктам. Основными человеческими инстинктами, как я подумал, являются самосохранение и сохранение вида. Если буду опираться на этот фундамент, то не ошибусь...

Но... я не знал, сколько там пробыл. Не знал, много наговорил или мало... не знал, какие приказы отдал своим подчиненным и вызвала ли

у них моя поверхностная оценка какие-нибудь подозрения.

Я осмотрелся и понял, что настал идеальный момент изобразить искреннее удивление. Не считая нас с Уильямсом, кабинет был пуст. Во время последней встречи со своими воспоминаниями, пока я грезил наяву, то, наверное, совсем потерял связь с реальностью.

Уильямс смотрел на меня с... Любопытством? Подозрением?

Я протер глаза и постарался, чтобы голос прозвучал как можно слабее.

— Устал, — произнес я. — Чуть было не заснул, да? Ну...

Звук телетайпа за спиной Уильямса прервал мои объяснения. Я сразу понял, в чем дело. Отчет сначала пришел в мой кабинет, оттуда секретарь перенаправил его мне. Это указывало на крайнюю важность. А также означало — мгновением позже я получил причину надеяться на это, — что приемное устройство в моем кабинете было выключено, поэтому новость пришла прямо сюда, избежав посторонних глаз.

Перегнувшись через плечо Уильямса, я прочитал текст на бумажной ленте.

Он гласил:

ВОКРУГ НОВОГО ОЗЕРА В КОЛЬЦЕ НАБЛЮДАЕТСЯ НЕОБЪЯСНИМАЯ АКТИВНОСТЬ. РЕКОМЕНДУЮ ПРИМЕНИТЬ САМОЛЕТЫ ДЛЯ ЗАЧИСТКИ ЗОНЫ.
ФИТЦДЖЕРАЛЬД.

Последняя строчка меня просто ошеломила. Только одно стало мне ясно — этого *не должно* произойти. Если сообщение Фитцджеральда дойдет до кого-нибудь еще, само существование цивилизации окажется под ужасной, смертельной угрозой. Нужно было срочно что-то делать.

Уильямс перечитал сообщение. Он оглянулся на меня через плечо.

— Фитц прав, — сказал он. — Конечно. Нельзя позволить, чтобы там что-то развивалось. Лучше взорвать все к чертям прямо сейчас — или нет?

— Нет! — выкрикнул я так резко, что Уильямс замер, не успев до конца протянуть руку, чтобы дотянуться до межлабораторной связи.

— Почему нет? — с удивлением посмотрел он на меня.

Я открыл рот и тут же снова закрыл его, поняв, что не смогу подобрать нужные слова. Мне все казалось таким очевидным, что у меня не получалось объяснить, почему мы должны пренебречь

этим сообщением. Словно пытаться объяснить, почему не стоит взрывать атомную бомбу из чистого любопытства — причин так много, и они лежат так близко к поверхности, что не знаешь, с какой начать.

— Тебя там не было. Ты не знаешь. — Мой голос звучал хрипло и неровно даже для меня. — Фитц ошибается. Давай оставим озеро в покое, Уильямс!

— Тебе виднее. — Он одарил меня странным взглядом. — Я все равно должен записать в отчет. Окончательное решение примет штаб-квартира.

И он снова потянулся к выключателю межлабораторной связи.

Не знаю, как далеко бы я зашел, чтобы остановить его. Инстинкты, более глубокие, чем все разумные доводы, казалось, взорвались внутри меня в резком порыве, поднявшем меня на ноги. Нужно было не позволить ему передать сообщение — сейчас, без промедления, — не тратя времени на то, чтобы нырнуть в сознание и добыть там причину, которую Уильямс сочтет достаточно веской.

Но решать нам все-таки не пришлось.

Ослепительная вспышка беззвучного белого огня сверкнула прямо перед моими глазами.

Она закрыла Уильямса, она закрыла телетайп с невинным и в то же время смертельно опасным сообщением. Я ощутил ужасную боль в середине черепа...

Глава II
Другая угроза

Кто-то встряхнул меня. Я сонно сел, встретившись с пристальным взглядом, который узнал только после, казалось, бесконечно медленного пробуждения. Дэвидсон, чье розовое лицо было испуганным, потряс меня снова.

— Что случилось? Что это было? Джим, ты в порядке? Что случилось?

Я позволил ему помочь поднять себя на ноги. Кабинет постепенно прекращал кружиться вокруг меня, но перед глазами все опять поплыло, когда я увидел, что лежит рядом с телетайпом, лента которого свисает до самого тела, лежащего лицом вниз, и кровь все еще вытекает из пулевого отверстия в затылке...

Уильямс не видел, кто его убил. Должно быть, вспышка от этого выстрела и ослепила меня. Я чувствовал ожог от пороха на щеке, который получил, очевидно, когда невидимый убийца выстрелил рядом с моим лицом. Я ощущал только онемение. У меня онемело все тело, даже мозг. Но кое-что нужно было уладить как можно быстрее.

Сколько прошло времени? Ушло ли смертельно опасное сообщение дальше, пока я беспомощно лежал? Двумя неуверенными шагами я добрался до телетайпа. Лента, кольцами свисающая на мертвого Уильямса, все еще была на месте.

Кто бы ни выстрелил, чуть не задев мне щеку, он стрелял по другой причине, нежели это сообщение. Очевидно, поскольку кто мог знать о его важности? Сбивающая с толку загадка, о которой мне некогда было размышлять.

Оторвав ленту, я запихал ее в карман. Потом, щелкнув переключателем телетайпа, послал ответное сообщение так быстро, как позволяли мои дрожащие руки:

ФИТЦДЖЕРАЛЬД
НАИВЫСШАЯ СРОЧНОСТЬ ВСТРЕТИМСЯ НА ПОСТУ № 27 Я ВЫХОЖУ ИЗ ШТАБ-КВАРТИРЫ НИЧЕГО НЕ ПРЕДПРИНИМАЙ ПОКА Я НЕ ПРИБУДУ ЭТО СРОЧНО
ПОДПИСЬ: ДЖ. ОУЭН

Пока я искал взглядом вертолет, Дэвидсон смотрел на меня круглыми глазами. Когда же повернулся к двери, он вытянул руку. Я заставил себя остановиться и подумать.

— Ну? — спросил я.

Он не ответил. Только посмотрел на тело Уильямса, лежащее на полу.

— Нет, — сказал я. — Я не убивал его. Но, возможно, мне бы пришлось это сделать, если бы оказалось, что это единственный способ его остановить. На озере что-то стряслось. — Я замялся. — Ты тоже был там, Дэйв. Ты знаешь, что я хочу сказать?

Я был не совсем уверен, что пытался узнать. Я просто ждал его ответа.

— Ты тут главный, — все, что сказал он. — Не мутация сделала... это. А пуля. Надо узнать, кто застрелил его, Джим.

— Но я и понятия не имею. Я вырубился. Что-то...

Сознание закружилось, затем я снова пришел в себя, озаренный внезапной идеей. Я приложил ладонь ко лбу, смутно пытаясь вспомнить, что произошло.

— Может быть, нечто, похожее на мутацию, приняло в этом какое-то участие, — заключил я. — А может, мы не одни, кто этого хочет, — чтобы озеро не трогали. Интересно, могло ли что-то из Кольца специально вырубить меня, чтобы я не видел, что убило Уильямса.

Но не было времени раздумывать даже об

этом.

— Дело в том, Дэйв, — нетерпеливо продолжал я, — что смерть одного человека сейчас мало что значит. Кольцо...

Я замолчал потому, что не мог говорить дальше. Да мне и не пришлось.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Дэвидсон.

Так-то лучше. Я знал, что могу рассчитывать на него, и, возможно, очень скоро мне понадобится помощь.

— Следи тут за всем, — сказал я. — Мне надо встретиться с Фитцджеральдом. И слушай, Дэйв, это очень важно. Задерживай все, что приходит от него. Все! Запомнил?

— Так точно, — ответил он.

Когда я уходил, в его глазах все еще стояли вопросы. Но никто из нас не мог на них ответить... пока.

Подо мной мелькали все признаки разрухи, последствия Трехчасовой Войны, — рухнувшие здания, опустевшие поля, поваленный лес. Вдалеке я видел слабый блеск воды за бурлящим краем Кольца.

Я был в пути достаточно долго, чтобы привести сознание в порядок, но так и не достиг этого.

Видимо, чтобы открыть закрытые двери в моем мозгу, потребуется не только время.

Сегодня я был в Кольце, что-то увидел там или узнал, и что бы я там ни узнал, это оказалось таким важным и ужасным, что воспоминания просто стерлись как из моей головы, так и из головы Дэвидсона до тех пор, пока не настанет время действовать.

Я не знал, когда это случится или что я сделаю. Но был совершенно уверен, что когда придет время принимать решение, я не стану колебаться. Вместе с ужасом и тьмой в моем сознании было еще и одно прочное знание, на котором основывались все мои действия: я могу доверять своим инстинктам.

Вертолет Фитцджеральда уже ждал. Я видел его, облаченного в свинцовый костюм, крошечного, далекого, нетерпеливо расхаживающего взад-вперед, пока я садился. Вертолет плавно снижался. И на секунду в моей голове промелькнуло еще одна мысль.

Уильямс! Убитый человек, которого я знал и с кем вместе работал. Я уважал его. Это должно было подействовать на меня гораздо сильнее. Но я знал, почему не подействовало. Смерть Уильямса не имела особого значения — можно сказать, бы-

ла мизерной в свете другой нависшей над нами безымянной угрозы, невидимой, словно призрак, поднимающийся перед нами из озера.

Фитцджеральд был крупным светловолосым человеком с голубыми глазами и шрамом, пересекающим лоб, который он заработал в битве с мутировавшим мышиным опоссумом в Кольце Атланты. Когда я выбрался из вертолета, круглая мембрана его микрофона едва заметно завибрировала.

— Приветствую, босс. Вы получили мое второе сообщение?

— Нет. А что там было?

— Еще кое-что интересное. — Фитцджеральд махнул рукой в сторону Кольца. — На этот раз в озере есть... признаки жизни. Но я не смог ничего разглядеть.

Я облегченно выдохнул. Дэвидсон не даст этому сообщению пойти дальше. Мне нужно было найти способ убедить Фитцджеральда молчать.

— Тогда нам стоит взглянуть на озеро, — сказал я. — Расскажи, что ты видел.

— Ну... — Он беспокойно помялся с ноги на ногу, посмотрев на меня через забрало шлема так, словно не ожидал, что я ему поверю. — Странное местечко это озеро. Мне показалось, что оно...

гм... смотрело на меня. Знаю, звучит это глупо, но я должен тебе рассказать. Думаю, это может быть важным. Сделав второй заход, я увидел в озере что-что. — Он помолчал. — Скорее *кого-то,* — добавил он через секунду.

— Кого?

— Я... это были не люди.

— Откуда ты знаешь?

— Они не носили свинцовые костюмы, — просто сказал Фитцджеральд, радуясь, что может подкрепить свою историю фактами. — Я подумал, что либо они не люди, либо какие-то сумасшедшие. Они услышали мой корабль. И погрузились в озеро.

— Уплыли?

— Они вошли в него. Прямо под воду. И остались там.

— Как они выглядели?

— Я не подходил близко, — уклончиво ответил Фитцджеральд, старательно избегая смотреть мне в глаза.

Я осознал странное растущее возбуждение, распухшее в моем горле до такой степени, что я едва мог говорить. Я дернул головой в сторону озера.

— Идем, — сказал я.

Там была голубая вода, легкий ветерок вызывал

небольшую рябь. За озером стояли скалы, подобные сложенному занавесу. Пройдя по голым, разъеденным эрозией, камням мы не заметили никаких признаков жизни. Пока мы добирались до воды в тяжелых, обшитых свинцом ботинках, Фитцджеральд постоянно косился на меня. Я знал, что он ожидает от меня сомнений.

Но я также знал, что он сказал правду. Утерянные воспоминания об опасности посылали предостерегающие тени в мое сознание, и я смутно верил, что тоже видел водяных людей — в недалеком прошлом, вычеркнутом теперь из моей памяти.

Мы уже наполовину пересекли каменную пустошь, а счетчики Гейгера шумно щелкали, предупреждая о смерти в окружающем воздухе, когда из-за уступа скалы показался первый озерный человек.

Он выглядел абсолютно нормально... не считая того, что, в штанах цвета хаки и рубашке с закатанными рукавами, он стоял у неминуемой гибели, какой являлся самый воздух Кольца. Он посмотрел на нас с трудноописуемой пустотой во взгляде, но тем не менее в его глазах был живой интерес.

Когда мы оказались в десятке шагов, озерный

человек поднял руку и, не меняя выражения лица, заговорил голосом, начисто лишенным всяческих интонаций.

— Идите обратно, — сказал он. — Идите обратно. Уходите отсюда, немедленно!

Ко мне возвращалась память... Я знал, почему он выглядел так странно, почему говорил так ровно, откуда в его глазах взялся интерес...

Нет, не знал. Знание коснулось границы разума и исчезло. Я споткнулся, а Фитцджеральд, стоявший рядом со мной, возбужденно и нетерпеливо о чем-то спросил человека из озера.

Тот не ответил. Он посмотрел на нас в последний раз — тупо, сосредоточенно и беспристрастно. Глаза его были голубыми, как само озеро. А затем он опустился ровно вниз, не нагнувшись и, казалось, не пошевелив ни одной мышцей. И скрылся за каменным уступом высотой по колено.

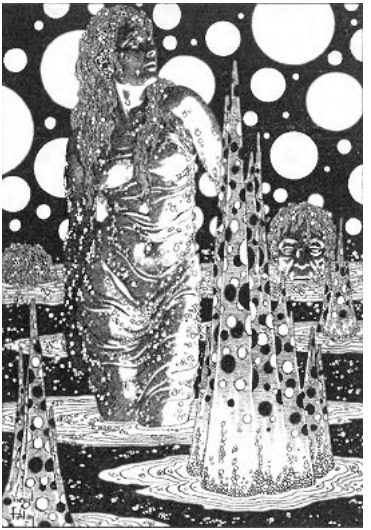
В спешке толкая друг друга, мы вместе добежали до уступа и заглянули за него. Человек исчез, не оставив ни следа. Ничего, кроме небольшой выемки в камне, где он стоял, — углубления размером с блюдце, в котором бултыхалась голубая вода. Мы, ошеломленные, стояли так довольно долго, поскольку вода за это время успела с

журчанием исчезнуть в дыре и появиться снова, благодаря какому-то действию подземных потоков.

Память колотилась в закрытые двери моего сознания.

Я *знал* ответ. Отлично знал, но двери оставались закрытыми. Время вспомнить еще не пришло.

К тому времени как мы подошли на расстояние оклика, они уже следили за нами с края воды. Мы видели, как озерные люди один за другим выходили из голубых глубин и занимали места неподалеку от берега, бредя по колено в воде, а с их волос и одежды бежали ручейки, — мужчины и женщины, утопленники, наблюдающие за нами.



Разумеется, они не были утопленниками, поскольку выглядели вполне здоровыми, а их лица светились разумом и жизнью, в отличие от того человека, который смотрел на нас с уступа, но затем исчез.

Это были настоящие люди. Тот другой — нет. Я подумал, что, по крайней мере, это очевидно даже для Фитцджеральда, несмотря на то, что об этом мне подсказало подспудное знание, промелькнувшее в голове.

— Подожди, Джим, — взяв меня за локоть, вне-

запно сказал Фитцджеральд. — Мне... Не нравятся они мне. Не подходи близко.

Он внимательно посмотрел на безмолвных людей в воде.

Я позволил ему остановить себя. Теперь я уже не был уверен в том, что произойдет дальше. Невероятная срочность все еще трезвонила в звонок закрытой двери моего сознания, но пока не попаду туда, я не узнаю, чего от меня ждут.

Фитцджеральд помахал рукой людям в воде и сделал подзывающий жест. Они уставились на нас.

Затем развернулись и недолго посовещались друг с другом, продолжая искоса на нас поглядывать. Наконец одна женщина вышла из озера и зашагала к нам по базальтовым камням.

У нее были длинные светлые волосы, приглаженные водой и облепившие плечи, как бледные водоросли. Голубое платье прилипло к гибкому, красивому телу, и пока она шла, с ткани и волос капала вода.

Запоздало я вспомнил о разбившемся самолете и пропавших людях. Неужели это и есть те самые пассажиры и экипаж? Я подумал, что да. Но что заставило их против всех доводов рассудка зайти в смертельный воздух Кольца? Озеро? Сейчас

это казалось возможным, но я представить себе не мог, какое безумие толкнуло их на то, чтобы зайти в воду.

Снова озеро? Было ли в озере нечто необъяснимо странное и непреодолимое, что затащило их в воду и выпустило обратно именно сейчас — живыми и невредимыми — в воздух, заставляющий без умолку трещать счетчики Гейгера?

В поисках ответа я окинул воду взглядом и...

И получил его — частично.

Поскольку на дрожащей голубой поверхности появилась тень. Длинная извивающаяся тень, отброшенная не сверху, а снизу. В глубине озера что-то шевелилось.

Я напряг глаза, и в качестве ответа на вопрос, что же это такое, в запечатанных глубинах сознания появились ужас и возбуждение. Я знал, что это. Я уже видел это. Я... Воспоминание опять спряталось в запертом чулане.

Громадная тень лениво и чудовищно шевелилась, извивалась и приближалась к скалам.

Она медленно исчезала виток за витком, тень за тенью.

Я повернулся. Светловолосая женщина уже стояла рядом с нами, вглядываясь в наши лица с равнодушным бесстрастным любопытством.

Словно она никогда раньше не видела человека и нашла нас интересными, но... иными. Будто не существовало вида живых организмов, который мог бы состоять с ней в родстве.

— Вы с лайнера? — спросил я, и мой голос прогремел в динамиках шлема. — Мы... мы можем вернуть вас обратно.

Я позволил словам замереть на губах, потому что они ничего не значили для нее. Не больше, чем треск счетчиков Гейгера, закрепленных у нас на поясах, или стук капель, падающих на камни с одежды.

— Джим, — прозвучал в моем шлеме голос Фитцджеральда. — Джим, мы должны взять ее с собой. Она не в себе. Как и все они... разве ты не видишь? Мы должны спасти их.

— Как? — Я пытался говорить разумно. — У нас нет столько места. Тут полный самолет народу.

— Можем взять хотя бы ее.

Фитцджеральд протянул руку и осторожно взял женщину за плечо. Она позволила ему сделать это, уставившись равнодушным бесстрастным взглядом в его лицо.

— Наверное, уже слишком поздно, — с состраданием глядя на нее, сказал он, — но мы не можем оставить ее здесь, не так ли?

Я смотрел, как Фитцджеральд держит женщину за руку, и мне из ниоткуда пришла мысль, факт, просочившийся через запертые двери в моей голове, когда они на мгновение приоткрылись. Девушка была живая. Рука, державшая ее, встретила мощное сопротивление. Но я знал, что если бы дотронулся до человека на уступе, то моя рука бы ощутила мягкую текучесть воды.

Я посмотрел на лицо девушки — туда, где его обдувал ветерок, — и по моей спине пробежала дрожь. Поскольку этот теплый ветер высушивал ее волосы и щеки, и там, где влага исчезала с ее лица, я видел темные сморщенные пятна. Приглаженные светлые волосы потеряли свою шелковистость и стали коричневыми и ломкими, гладкие щеки — черными, изрезанными морщинами...

Я понял, что если она покинет озеро, то умрет. Но это не имело значения. В любом случае, настоящей угрозы не было. (Угрозы чему? От чего? Пока что нет смысла спрашивать об этом себя — дверь откроется только в свое время).

Я взял девушку за вторую руку. Она покорно пошла между нами до ждущих вертолетов, ничего не сказав. Не думаю, что пока мы не оказались почти у самого края Кольца, Фитцджеральд заме-

тил, что с ней делал легкий ветерок.

Но к тому времени уже было поздно вести ее назад, даже если он правильно понял корень проблемы.

Я слышал, что Фитцджеральд затаил дыхание, но ничего не сказал, так же как и я.

Мы завели девушку в его вертолет. Я взлетел следом за ним, и пока мы летели к базе, динамики наших шлемов молчали. Что мы тогда могли сказать друг другу?

Глава III
Живое озеро

Через тридцать минут после того, как мы добрались до базы, девушку поместили в импровизированный увлажняющий резервуар, обернув влажными простынями, которые подпитывали струйки свежей воды. Даже ее лицо было закрыто почти полностью, и я радовался этому, поскольку оно стало лицом старухи — иссушенным и морщинистым. Только одна рука осталась видна из-под простыней, со сморщенной кожей, на которой четко выделялись сухожилия.

Так было нужно потому, что в руку вставлялась иголка, медленно питающая девушку раствором пентотала натрия под надзором всевидящего ока Сэйлса — лучшего врача базы. Мы знали, что вскоре, когда наркотик начнет затуманивать ее сознание, хитрые вопросы Сэйлса станут вытягивать из нее воспоминания о том, что с ней случилось, восстанавливая картину, ведущую к... этому.

По крайней мере, мы надеялись на это.

— Похоже на потерю речи, — прошептал Сэйлс.

— Насколько мы знаем, мозг не поврежден, но...

— Шеф!

Дэвидсон тронул меня за руку. В полутьме, которая была частью наркотической обработки, мы все повернулись.

— Шеф, Передвижной Штаб уже в пути. После того как вы улетели, они послали сообщение.

— Что им тут нужно? — резко спросил я, а желудок скрутил нервный ужас.

— Не знаю. Они не сказали. В конце концов, вы же тут главный.

Но не я возглавлял Передвижной Штаб. Они были ступенью выше, чем я, — бюро специалистов, напрямую подчиняющихся администрации Колец. Они были начальством. И если они приедут сюда сейчас...

Во мраке я заметил взгляд Дэвидсона. Он легонько покачал головой. Значит, тайна смерти Уильямса еще под замком. Но ненадолго. И если Штаб поговорит с Фитцджеральдом об озере...

Мне стоило невероятных усилий подавить нарастающую панику. Сначала информация. Затем действие. Я должен поддерживать такой порядок. Сэйлс хмыкнул, и я оглянулся, принуждая себя обратить внимание на девушку.

— На нее не действует даже слоновья доза,

— заметил Сэйлс, глядя на трубочку, через которую пентотал натрия все еще поступал в руку девушки. — Или в ее теле произошли какие-то химические изменения — я не знаю. Того объема, что я ей дал, обычно хватает усыпить десятерых. Но взгляните на нее.

Мне не хотелось смотреть на нее. Было ясно, что она умирает. Тем не менее, когда Сэйлс откинул с ее лица влажную простыню, она все еще бесстрастно и равнодушно глядела на потолок, будучи в полном сознании, не проявляя к происходящему никакого интереса, не слыша того, что мы говорили, не чувствуя того, что мы делали.

— Как она могла дышать под водой? — спросил Фитцджеральд.

— Никак, — нахмурившись, ответил Сэйлс. — Никаких физиологических изменений нет. Ее дыхательная система совершенно обычна.

— Не может быть, — упрямо сказал Фитцджеральд. — Я знаю, что мы видели.

— В Кольце все возможно, — сказал Сэйлс, повышая голос. — Но я не знаю, как это объяснить. — Он посмотрел на меня. — Это очень важно, шеф?

Я молча кивнул.

— Дай мне час, — коротко ответил Сэйлс, когда

я закончил. — Хочу попробовать кое-что еще. У меня есть несколько идей. Может, одна из них сработает.

— Должна сработать, — сказал я, вставая.

В следующий час произошло многое. Во-первых, Сэйлс нашел, что хотел. Во-вторых, прибыл Передвижной Штаб. Нашли тело Уильямса. Что же касается меня — этот час стал поворотным моментом в моей жизни.

Информация о смерти Уильямса появилась на видеофоне, как только я вернулся в свой кабинет. Пока Дэвидсон выслушивал восклицания и скептицизм остальных, я ощущал его молчание как нечто осязаемое.

Все, что я мог сделать, — немедленно начать стандартную процедуру расследования. В этот момент я решил не сообщать о том, что находился рядом с Уильямсом, когда тот умер. Я не мог позволить, чтобы меня отвлекали бесполезными вопросами, лишь отдаленно связанными с моей ужасной проблемой.

Смертельный страх, какого я никогда прежде не ощущал, без устали метался за закрытыми дверями моего подсознания. Я знал, что двери скоро распахнутся. Они давали фактам по чуть-чуть проходить через преграду, которая скоро будет

готова рухнуть... Скоро, подумал я, скоро.

Оглядываясь назад, теперь я вижу, что потерял счет времени в течение того насыщенного событиями часа. Думаю, мы еще находились в изумлении и тревоге по поводу смерти Уильямса, когда экран засветился и показал мрачное помятое лицо главы Передвижного Штаба Льюиса.

Постоянно возникающие проблемы походят на бесконечный кошмарный сон, подумал я, спускаясь в фойе, чтобы встретить начальство. Если бы я только мог получить пять минут покоя, чтобы снова дернуть за ручку медленно открывающейся двери в моей голове!

Члены Передвижного Штаба носили черную форму. Если сотрудники лабораторий подвергались тщательному тестированию, то люди Штаба проходили такую строгую проверку, что просто чудо, что кому-то вообще удавалось попасть в их ряды. Сотрудники Штаба в строгой черной форме выглядели напряженно, нервно, были очень проницательны и обладали железным характером.

— Что насчет ситуации с озером в Кольце семьдесят-двенадцать? — было первым, что спросил меня Льюис, когда мы вошли в кабинет.

Хуже и быть не могло, подумал я. Если бы они намеренно выбирали время, то и тогда у них бы

не получилось выбрать более неподходящее.

— Трое из нас осмотрели озеро, — ответил я. — Думаю, вы хотите узнать все подробности.

Льюис сухо кивнул. Пока все не собрались у меня в кабинете, мы больше не разговаривали. Дэвидсон и Фитцджеральд, расположившись рядом со мной, приготовились к расспросам. Мы рассказали — откровенно — все, что знали. Разумеется, потом именно Льюис решительно сказал:

— Думаю, нам лучше уничтожить все как можно быстрее.

— Честно говоря, сэр... — это был Дэвидсон, — честно говоря, я бы подумал об этом дважды. Чем бы это ни было, оно изолировано. Мы создадим риск распространения.

— Я тоже так считаю, — быстро подхватил я. — Изоляция. Закройте туда доступ, перенаправьте воздушные пути. Оставьте зону в покое и наблюдайте за ней... изучайте ее.

Я подумал, что это тоже было бы неправильно. В моей голове зазвенел тревожный звонок.

Льюис молчал, переводя проницательный взгляд с одного лица на другое. Как только он сделал вдох, чтобы заговорить, зажужжал настольный видеофон.

— Отчет о смерти Уильямса готов, сэр, — сказал бесстрастный голос.

— Хорошо. Подожди, пока... — начал было я, но Льюис подался вперед и, прищурившись, взглянул на лицо на экране.

— Нет, давай послушаем прямо сейчас, — сказал он.

Потеряв надежду, я попытался представить, сколько он уже знает и о чем этот ненормально проницательный разум догадался, исходя из подводных течений быстро текущего потока событий в лаборатории.

Лицо на экране вопросительно глянуло на меня. Я пожал плечами. Пока Передвижной Штаб находился тут, Льюис был главным.

— Тело Дж. Л. Уильямса, помощника главы лаборатории, было найдено в шкафчике в его кабинете сорок минут назад, — начался отчет. — Выстрел был произведен...

Голос углубился в медицинские и баллистические подробности, которые я перестал слышать. Я прокручивал в голове безумные вопросы о том, как предотвратить скорое и тщательное изучение озера — в лучшем случае, а в худшем — его уничтожение.

— ...револьвер такого калибра есть только

у начальника Оуэна, — объявил видеофон, и вздрогнув, я очнулся. — В последний раз убитого видели с Робертом Дэвидсоном и начальником Оуэном. Затем начальник Оуэн умолчал об отчете, полученном со станции № 27, и приказал как можно быстрее приготовить вертолет к отлету. Вскоре он улетел в...

Видеофон внезапно зазвенел, и монотонный доклад прервался. Это был срочный вызов. На экране промелькнуло лицо доктора Сэйлса.

— Это срочно, шеф, — многозначительно посмотрев мне в глаза, сказал он. — Можете уделить мне пять минут в моем кабинете прямо сейчас?

Эта помощь, казалось, была послана прямо с небес. Я взглянул на Льюиса, ожидая разрешения выйти. Его взгляд был холоден и подозрителен, но через секунду он все же кивнул, затем я встал и перед тем, как выйти, глянул на Дэвидсона, который намеренно сидел с бесстрастным видом.

Что-то заставило меня постоять у двери после того, как я закрыл ее. И я не сильно удивился, услышав суровый голос Льюиса:

— Проследите, чтобы начальник Оуэн не покинул здание до того, как я поговорю с ним. Это важно. Используйте все доступные средства.

Я пожал плечами. Это было вне моей власти.

Все, что я мог сделать, — двигаться дальше и доверять инстинктам.

Хотя Сэйлс и просил у меня всего пять минут, казалось, по какой-то странной причине ему не хотелось начинать разговор. Я сел за стол напротив него и смотрел, как он нервно листает блокнот.

— Ты, наверное, знаешь, что девушка умерла, — наконец, подняв голову, сказал он.

— Я ожидал этого. Когда?

— Полчаса назад. После этого я кое о чем подумал. И сделал много тестов. Времени на проверку особо не было, но, думаю, она умерла по психосоматическим причинам, шеф.

— В это трудно поверить, — ответил я. — Расскажи поподробнее.

— Ее состояние было абсолютно нормально согласно всем количественным и качественным анализам. Мне кажется, ее убило внушение.

— Но как?

— Знаешь, можно загипнотизировать человека, дотронуться до его руки куском льда и сказать, что это был раскаленный металл. И появятся следы от ожога. Большинство физических симптомов можно вызвать внушением. Насколько я могу судить, девушка умерла от обезвоживания

и асфиксии.

— Мы давали ей воду и кислород.

— Она не знала, что это кислород. Она даже не знала, что вообще дышит. Итак, ее мышечные рефлексы были парализованы, и... она умерла. Что касается увлажняющих процедур... — Сэйлс озадаченно покачал головой. — Звучит безумно, но, думаю, наша ошибка заключалась в том, что мы давали ей воду, считая ее обезвоженной. Шеф, как близко вы подходили к озеру? Вы уверены, что там вода?

В моей голове снова прозвенел звонок. *Вода? Вода? Конечно, это не вода, по крайней мере, не такая, как мы представляем ее себе.*

— Пока я об этом не подумал, — продолжал Сэйлс, — то не мог понять, как она дышала под водой. Теперь, кажется, я кое-что начинаю.... Люди не могут дышать жидкостью, но в ней могут находиться... ну, какие-нибудь искусственные изотопы, позволяющие это делать. К тому же, что-то свело девушку с ума. Думаю, она была сумасшедшей. Можешь считать это вариантом шизофрении. Или одержимости, если хочешь. Ее сознание было полностью затуманено и порабощено... чем-то еще. — Он постучал пальцем по столу и затем, резко подняв голову, добавил. — Я

взял образцы озерной... воды. Из ее тела. Это не вода. Возможно, когда-то это была вода, но сейчас она смешана с другими соединениями. Вещество кажется полуживым. Не протоплазма, но очень похоже. Я не смог выпарить или расщепить его никаким химикатом из тех, что уже опробовал. Там есть следы гемоглобина. Вообще, вещество во многом похоже на кровь. Но — и это важно, шеф — я не нашел ни одного лейкоцита. Понимаете, что это значит?

Я покачал головой.

— Одним из основных последствий нахождения организма в зоне с высоким уровнем радиоактивности является снижение количества лейкоцитов, что делает субъект более уязвимым к инфекциям. Число полиморфно-ядерных лейкоцитов уменьшается в той же пропорции. Это аксиома. Но вы, конечно, понимаете, о чем это говорит?

Я опять покачал головой. Во мне зарождалась глубокая тревога, но прежде чем действовать, мне нужно было его выслушать. Я знал, что придется действовать. Думал, что уже знаю, что стану делать после того, как покину помещение. Но хотел сначала дослушать рассказ до конца. Я сделал жест, чтобы Сэйлс продолжил.

— Я заметил еще кое-что в... буду называть это вещество водой, — осторожно сказал он, — в воде присутствует значительное количество бора и лития. Конечно, вся зона Кольца находится под постоянным воздействием различных излучений, но для нас сейчас важны жесткое электромагнитное излучение и атомная радиация, потому что они участвуют в биологических реакциях. Наверное, вы помните, что бор и литий обычно вбирают в себя эффект от бомбардировки медленными нейтронами, так что организм, подобный озеру, получит очень высокую дозу облучения тем видом радиации, который оказывает на него наибольший эффект.

— Озеро — это организм? — повторил я.

— Думаю, да. До этого момента мы сталкивались лишь с эволюционировавшими и мутировавшими созданиями, в которых еще можно было распознать животных до того, как произошли изменения на генном уровне. Возможно, это происходит потому, что мутировавшие гены делятся медленнее, чем остальные, и обычно проигрывают гонку за превосходство. Полной мутации, подобной... озеру, никто, в общем-то, не ожидал. Развитие такого организма слишком маловероятно. Но мы знали, что это может произойти.

И, думаю, на сей раз мы столкнулись с чем-то действительно опасным. Большим, опасным и труднообъяснимым.

Я придвинулся к столу. *Я знал, что надо делать. Сейчас? Нет, чуть позже. Внутри моего сознания медленно раздвигались створки закрытой двери, открываясь все шире и шире, а на них давили толпящиеся воспоминания об опасности, которые теперь могли в любое время пробиться через преграду.*

— Забудь обо всем этом на какое-то время, — сказал Сэйлс, его выражение лица резко изменилось. — Я побеседовал с девушкой до того, как она умерла. Прежде, чем дать заключение, я хотел учесть обе точки зрения. Одну я уже изложил. Вторая — то, что сказала девушка. Они совпадают. — Сэйлс задумчиво посмотрел на меня. — Мне пришлось выключить ее сознание вплоть до самого низкого уровня, при котором она еще могла что-то сказать, — сказал он, — прежде чем я сумел пробиться через внушение, убившее ее. Она не знала, что разговаривает со мной. У меня было мало времени — она умирала, пока говорила. Но из того, что она успела сказать, я сложил кусочки теории воедино. — Сэйлс помолчал. — Скажи мне, ты видел что-нибудь во время визитов на

озеро — то, что заставило тебя подозревать, что оно, возможно... живое?

Глава IV
Голос озера

С внезапным ошеломлением в моей памяти всплыло зрелище огромного глаза, пристально смотрящего на меня через бледный туман, пока я выписывал круги над Кольцом, когда мы с Дэвидсоном впервые прилетели туда.

Глаз был озером — огромной прозрачной линзой, поймавшей нас, как птиц в гнезде, и утащившей вниз. Сила непреодолимого призыва, перетекающего из глаза в наши головы, походила на солнечный свет, попавший в темную комнату.

— Нет, — хрипло ответил я. — Нет, я ничего не видел. Продолжай.

— Какое происхождение имеет озеро, я никогда не узнаю, — сказал Сэйлс. — Но, вероятно, какая-нибудь молекула, например, ген, одна из многих молекул в зоне Кольца, подверглась высвобождению энергии, когда мимо пролетела вторичная заряженная частица и превратила ее из гена во... что-то другое. Нечто, которое растет, и растет, и растет. Бóльшую часть времени оно, наверное, развивалось под землей. Думаю, организм

полностью созрел, когда образовался провал, выставивший его на свет и всеобщее обозрение. Это удивительный организм развился в такие формы, которые мы, вероятно, никогда до конца не поймем, — мрачно улыбнулся Сэйлс. — Если нам повезет, мы так и останемся в неведении. Но могу сказать одно: оно знает, что находится в опасности. Вероятно, электрические импульсы наших мозгов задевают воспринимающие струны в его... организме. И оно поняло, что должно защитить себя, причем как можно быстрее. Но озеро обладает одной фатальной слабостью. Поэтому, думаю, мы сможем уничтожить его. Судя по тому, как организм сражается с нами, я считаю, что он знает об этой слабости.

Сэйлс прервался и посмотрел на меня так странно, что я чуть было не начал действовать именно в эту безмолвную секунду. Но как только я напряг мышцы, чтобы встать, он снова заговорил:

— Девушка рассказала мне, что случилось, когда сел воздушный лайнер. Чистая случайность, что он совершил вынужденную посадку на краю Кольца. Радиоактивность оборвала связь, и, разумеется, воздух вокруг был почти смертоносным. Казалось, что у людей из самолета не было никакой надежды. Девушка сказала, что

многие ощутили... ну, назовем это вниманием, сосредоточенным на них. Теперь я знаю, что это было само озеро, гигантский организм, рассматривающий людей и медленно обдумывающий, что делать дальше. Затем оно пришло к выводу, что, возможно, еще не достигло заключительной стадии развития. Пассажиры увидели человека, стоящего за камнем неподалеку. Девушка сказала, что он выглядел знакомым. Человек закричал и замахал им руками. Он пытался предупредить, что если они подойдут ближе, то умрут. Потом он исчез. Но пассажиры все еще пытались понять смысл сообщения и оставались у самолета. Человек появлялся три раза, каждый раз отгоняя их все более и более недвусмысленными угрожающими жестами. В конце концов он вышел из-за камня в нескольких шагах от пассажиров и на этот раз предложил войти в Кольцо. Подойдя ближе, они удивились, увидев, что человек выглядит точь-в-точь как один из членов экипажа. Копия поманила их рукой и велела идти к озеру. Пассажиры не хотели подчиняться. Но все равно пошли. Копия, как ты мог уже догадаться, была фигурой из воды, созданной озером неизвестно как. Возможно, на девяносто процентов она была иллюзией, сформировавшейся в головах

наблюдающих. Но, как ты можешь заметить, озеру пришлось скопировать одного из членов экипажа. В то время организм не обладал достаточными знаниями, чтобы самому создать человеческое тело. Впрочем, о людских сознаниях озеро знало многое. Вообще, его власть над ними и удивительная выборочность заставляет меня подозревать, что исходный ген, из которого организм развился, когда-то мог быть человеческим или близким к нему. Водная копия была первой попыткой озера отогнать от себя Человечество. Она провалилась. Другими словами, имитация не сработала. Но под рукой оказался настоящий человек, на котором можно проводить эксперименты. Что случилось дальше, — никто никогда узнает. Если подумать логически, организм, наверное, сделал еще один шаг в защите против вторжения Человечества. Он создал антитела. Он ввел в себя небольшую дозу вируса человечества, чтобы приобрести иммунитет к последующим атакам. Но прежде чем озеро смогло впитать людей, ему пришлось их изменить. Физически это должно было быть выражено в том, что они смогли бы жить внутри озера, а психически — оставались бы там по собственному желанию. Озеро атаковало их волю. Вы и сами это видели.

Вначале я сказал, что из головы девушки было *что-то* вымыто и заменено каким-то другим набором основных инстинктов. Теперь я считаю, что тогда оказался к истине ближе, чем думал. — Сэйлс проницательно, как-то оценивающе, посмотрел на меня. — Если бы я был на месте озера, — сказал он, — и передо мной бы стояла проблема, как изменить все мировоззрение человека, я бы сразу рубил под корень. Это было бы гораздо проще, чем пытаться затуманивать разум, к примеру, гипнозом. Думаю, что вместо инстинкта самосохранения у этих людей должен быть... инстинкт защиты Организма. Так было бы легче и сработало бы лучше.

В ушах заревело. Секунду я не слышал ничего из того, что говорил Сэйлс. Врата открылись, и через распахнутые створки неслись воспоминания.

— Но для озера это закончилось не так уж хорошо, — откуда-то издалека донесся голос Сэйлса. — Если оно не сделает следующий шаг, мы сможем уничтожить его. Возможно, оно уже сделало такой шаг. Возможно, организм понял, что статические антитела, которые не могут существовать вне его кровотока, не очень ему полезны. Как вы думаете, шеф, может ли быть так, что другие люди тоже находятся под его влиянием и у них

постепенно меняется сознание? Возможно, он и в вас что-то имплантировал, и вашим инстинктом стало... *защищать Организм?*

Эта мысль явно пришла к Сэйлсу неожиданно. Я увидел на его лице, когда он, привстав, подался вперед, выражение новой и еще более ужасной угрозы.

Я даже не встал с кресла. Револьвер последние несколько минут лежал у меня на колене, но Сэйлс, конечно, не мог его видеть.

Я выстрелил ему в грудь с близкого расстояния.

На секунду он завис над столом, судорожно хватая блокнот. Ему оставалось сказать еще кое-что, но слова не выходили. У него получилось лишь с третьего раза.

— Ты... это бесполезно, — едва слышно сказал он. — Ты не сможешь... остановить меня. Я отправил... полный отчет... Передвижной Штаб... читает это прямо сейчас.

Кровь не дала договорить ему до конца. Я равнодушно смотрел, как он захлебывается ею и падает в быстро образовывающуюся на столе алую лужу. Я видел, как блокнот поначалу впитывал кровь, но ее поток был слишком быстр, и наконец ручеек добрался до края стола и начал

капать на пол со звуком, напомнившим то, как капала вода с одежды девушки, когда она шла к нам по камням.

Озеро было голубое и прекрасное в солнечном свете. Оно казалось самым важным во всей моей жизни. Я знал, что если его каким-то образом уничтожат, в это невероятно ужасное мгновение мир прекратит свое существование. Все мои мысли и усилия должны быть посвящены защите озера от того, что ему угрожает в данный момент.

Стук в дверь прогнал это видение. Я вскочил на ноги и закрыл собой стол.

В помещение влетел Дэвидсон, захлопнул дверь и уперся в нее спиной. Он тяжело дышал.

— Они идут за тобой, Джим, — сказал он. — Они знают про Уильямса.

Я кивнул. Теперь я тоже знал. Я понял, почему мое сознание отключилось, когда необходимость остановить Уильямса достигла пика. В то время мне было небезопасно помнить слишком многое. Небезопасно было знать обо всех своих действиях и мотивах. О да, я убил его, все верно.

— Ты знал это с самого начала? — спросил я Дэвидсона.

Он кивнул.

— Тебе нужно что-то быстро делать, Джим, — сказал он. — Говорю тебе, они идут! Они знают, что мы были вместе, и почти уверены, что ты убил Уильямса. Отпечатки пальцев, тип пули... придумай что-нибудь, Джим! Я...

Кто-то сильно ударил в дверь. Дэвидсон не ожидал этого. Он отлетел, и дверь, распахнувшись, бахнулась о стену. В проходе появились люди в черной форме. Впереди был Льюис, его гранитное лицо напряглось, стальной взгляд пронизывал меня насквозь.

— Хочу кое о чем тебя спросить, Оуэн, — начал он. — У нас есть причина думать, что ты знаешь больше, чем...

Затем он увидел, что лежит на столе рядом со мной. Повисла секунда абсолютного молчания. Отброшенный распахнувшейся дверью Дэвидсон пролетел мимо меня, и первым звуком, услышанным мной, был резкий всхлип, когда он наклонился над креслом, с которого я встал.

Мое сознание было совершенно пустым. Я знал, что насильно очистил его, но в этот день один за другим случилось слишком уж много потрясений. Мой мозг отказывался работать дальше.

Нужно было что-то сказать. Я сделал глубокий вдох и открыл рот, молясь, что сами собой придут

нужные слова.

Дэвидсон схватил меня за руку. Жестко, свирепо и очень резко, но перед следующим движением трижды сжал мой бицепс — быстро, предупреждающе. Затем он оттолкнул меня в сторону так сильно, что пришлось сделать три шага по ковру, чтобы сохранить равновесие, и в итоге я оказался, с глупым выражением на лице, нос к носу с ним.

Дэвидсон подобрал револьвер, который я бросил на кресло. Я видел, как его пальцы несколько раз перехватили рукоятку, словно ища более удобный захват. Но я знал, что он делает. Когда придет время проверки, на револьвере окажутся его отпечатки пальцев, а не мои.

— Ладно, Льюис, — тихо сказал Дэвидсон. — Это сделал я. Я застрелил их обоих.

Его взгляд переходил от лица к лицу. Когда он дошел до меня, я увидел в его глазах отчаянную мольбу. Она была обращена ко мне. Я не мог не принять его жертву во имя цели более великой, чем все, за что когда-либо воевали люди.

Я знал это так же хорошо, как собственное имя. Не могло существовать цели более важной, чем защита озера.

Лицо Дэвидсона внезапно перекосило выражение ярости, и я знал, что он сделал это намеренно.

Он поднял револьвер и выстрелил прямо в меня.

Но — он промазал. Дэвидсон был метким стрелком. С такого расстояния он не мог промахнуться, если бы только не сделал это нарочно. Пуля просвистела мимо уха и с шумом разбила что-то за моей спиной. И я увидел выражение глубокого удовлетворения на его лице за мгновение до того, как пуля Льюиса врезалась в него, превратив в красное пятно.

(Ему пришлось в кого-то выстрелить, — думаю, он знал, что в противном случае восковой тест покажет, что из револьвера в последнее время не было сделано ни единого выстрела. И даже лучше, что он выбрал меня, поскольку это очистит меня от подозрений. Возможно, Дэвидсон так же понимал, что его история не выдержит тщательных проверок. Так что, в каком-то смысле это было самоубийство, но во имя огромной и неоспоримой правоты. Это я знал самым потаенным участком моего сознания)...

— Ладно, Оуэн. Твое слово. Как ты думаешь, в каком месте озеро наиболее уязвимо?

Неужели, задавая этот вопрос, Льюис действительно смотрел на меня с иронией в проницательном взгляде? Поскольку только на этот

вопрос у меня не было ответа. Даже если бы я захотел, то не смог бы ответить на него. Думаю, если бы пришлось, мой язык запал бы в гортань и задушил бы меня прежде, чем я успел бы сказать им правду.

— Сделаем еще один круг над озером, — предложил я. — Посмотрим еще раз.

В ста пятидесяти метрах под нами лежало голубое спокойное озеро. С такой высоты величественные скалы не казались впечатляющими, но я знал, что глубоко под этими камнями лежит жизненно важная пещера, в которую не должна попасть ни одна бомба.

Не было видно ни следа лишившихся разума мужчин и женщин, которых озеро использовало, а затем выбросило. Предположение об антидоте все равно бы не прошло. Но следующим шагом для бактериофага было бы найти и уничтожить атакующий вирус — и здесь нельзя было допустить провала. Я отлично знал, в чем состоит моя задача.

— Попробуйте мелководье вон там, — указывая, сказал я.

Вертолет сделал круг, и Льюис вскоре поднял руку.

Глубинные бомбы пустились в долгое, затяжное

падение. Я знал, что это были необычные глубинные бомбы. Сэйлс послал свой отчет слишком быстро для меня. Я заставил замолчать доктора, но не смог проделать то же самое с его отчетом. Я смотрел на падающие бомбы с болью в сердце, которая почти граничила с отчаянием.

«У Организма нет белых кровяных телец» — сообщил в отчете Сэйлс Штабу, а его мертвый голос произносил слова, уничтожающие меня, в тот самый момент, когда я убил его. — «Считаю, что его можно истребить, если заразить культурой из всех микробов и бактерий, которые получится достать. Велик шанс, что какая-нибудь инфекция сделает свое дело. Если нет, тогда мы должны продолжать, пока не получится. Я бы предложил глубинные бомбы. Тесты, которые я провел, показали, что так называемая вода озера это, фактически, толстая кожа, до сих пор успешно защищающая Организм от попадания обычной инфекции. Глубинные заряды послужат той же цели, что и шприц для подкожного впрыскивания, доставив заразу туда, где она сможет оказать эффект. Там, внизу, под поверхностью, должно быть что-то, что является сердцем опасного существа, которого мы еще и не видели. Но мы обязаны его уничтожить, прежде чем оно

мутирует еще дальше в нечто, с чем уже ничто не сможет справиться».

Когда взорвалась первая бомба, взрыв произошел словно у меня в голове. Я едва заметил фонтан голубой воды впереди.

Мы кружили и наблюдали. Вода падала обратно на ужасную рану. От нее волны лениво бежали к берегу. Казалось, что там, куда упали заряды, начиненные смертью, сверкнула вспышка, но если и так, то что-то в озере стерло ее следы, вымыло токсины, исцелило Организм и смягчило последствия атаки.

— Куда еще, Оуэн? — неумолимо потребовал Льюис, и я понял, что мое испытание только началось.

Во мне росло отчаяние. Сколько еще я смогу выносить это? Рано или поздно мы найдем уязвимое место, и это беспомощное существо под нами умрет в невообразимой агонии — невообразимой для всех, кроме меня.

— Попробуйте там, — указывая наугад, сказал я, видя, как дрожит моя вытянутая рука.

Я сжал пальцы в кулак, чтобы прекратить дрожь.

Я потом не мог вспомнить, сколько еще это продолжалось. Наступает момент, когда плоть и

кровь больше не могут записывать информацию, и, к счастью, я достиг этой точки довольно быстро. К этому времени я знал, что конец все равно наступит вне зависимости от того, насколько я оттяну его. Я сделал все, что мог человек, но этого оказалось недостаточно. Мы с озером были оба беспомощны, и я знал, — меня это успокаивало, — что умрем мы вместе.

Мы совершали круг за кругом над содрогающейся поверхностью голубого озера. Падал заряд за зарядом, падал, расплескивал воду, исчезал и разрывался взметающимся фонтаном. От берега до берега озеро тревожили волны от ужасных ран. Иногда яд, что несли бомбы, смывался и растворялся, но чем дольше это продолжалось, тем больше и больше зарядов рассеивали огромные круги инфекции, оставляющие на воде радужные следы.

Ядовито-желтые воды у берега пересекались с темно-красными волнами, бегущими из центра. Синюшный цвет смешивался с цветом крови, и озеро содрогалось не меньше меня, но мне приходилось делать это скрытно. Приходилось.

По крайней мере, не я открыл сердце озера. Это случилось по чистой случайности. Такое должно было произойти рано или поздно, и вот этот час

настал.

Глубоко под скалами темная голубая пещера, которую я никогда не видел, была начисто развалена вспышкой белого огня. И то, что в ней лежало, постигла та же участь. Оно было ослеплено и повержено силой взрыва и быстрым, свирепым нападением болезней, которые не смогло победить.

Вначале мы увидели мрачную тень, резко раскручивающуюся под скалами. Она извивалась, словно гигантский змей — Змей Мидгарда, державший в своих кольцах весь мир. Судорожно он выбрался из рушащейся пещеры и лопнул в ужасной серии спазмов, заставивших озеро вскипеть вокруг него.

Люди рядом со мной ликующе закричали. Если бы я мог, то убил бы их всех. Но теперь это было бесполезно. У меня пропало даже желание возмездия. Когда умирает основной инстинкт человека, он в некоторой степени перестает быть человеком.

Вода под нами пенилась и кипела. Мы потеряли из виду то, что в предсмертной агонии металось в озере. Я знал это, но не мог смотреть или думать. Я не выполнил возложенную на меня задачу и теперь был готов к смерти вместе с моим гибну-

щим хозяином.

Очень смутно я слышал, как Льюис отдал приказ продолжать бомбить зону до тех пор, пока все остатки умершего в озере существа не будут стерты в порошок. Это уже не имело никакого значения. Как и все остальное.

Я был роботом, выполняющим движения человека, пока не выбрался из вертолета. Я взял из шкафа для документов маленький револьвер, который держал там. В некотором смысле я завидовал Дэвидсону. По крайней мере, он умер с какой-то целью, доверив мне не дать его жертве пропасть зря.

Я подвел и его. Подвел себя.

Мне больше незачем было жить. Я приставил дуло револьвера к своей голове.

И затем... и затем я понял, что не могу спустить курок! Что-то остановило меня, какая-то команда из глубин подсознания. Поскольку за мгновение отчаянной надежды логика попыталась сказать мне, что все это являлось ошибкой, что, в конце концов, нигде не было прописано изменение, превратившее меня из человека в инструмент, подчиняющийся кому-то другому.

Неужели это самосохранение остановило мою руку? Если да, то, значит, теперь я сам себе хозяин.

Нет — это было не самосохранение. В следующую секунду я понял, и на одно неизмеримое мгновение надежда, которую я так быстро начал питать, промелькнула и исчезла, а меня захлестнула огромная волна чужой воли. Оно было живо. Оно лежало в глубине подземных вод, похороненное, ждущее, зависящее от меня, приказавшее остановится руке, которая уничтожила бы его вместе со мной. Я должен жить. Я должен служить ему.

Огромная волна болезненного разочарования смыла те уровни сознания, где живет человеческая логика. *Если бы я только спустил курок секундой раньше, до того, как пришла эта команда!*

Но теперь слишком поздно. Теперь в моем сознании накапливалась теплая уверенная хитрость, приходившая из далекого источника приказов. Он мог подождать. Я мог подождать. Я мог вербовать других, где угодно, и создавать армию себе подобных, пока наши ряды не станут достаточно сильны.

Я не подвел его окончательно, но пока не выполню свой долг, я должен подчиняться. Подчинение станет удовольствием и радостью, как пообещал коварный голос. Добросовестный и верный слуга, сказал он, работай на мое королевство на Земле,

и твоя награда будет выше всех ожиданий.

Я встал и снова убрал револьвер в шкаф. Обернувшись, я заметил в зеркале на стене свое отражение и остановился, всматриваясь в собственные глаза.

А потом улыбнулся...

Atomic! (Thrilling Wonder Stones, 1947 № 8).
Пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ

Генерал открыл дверь и тихонько вошел в большой ярко освещенный подземный бункер. Там у стены, возле мигающей индикаторами панелью управления, лежал изолированный ящик девяти футов в длину и четырех в ширину, как лежал всегда, и генерал всегда видел его — днем и ночью, во сне и наяву, с открытыми и закрытыми глазами. Ящик, больше всего похожий на гроб. Но из него, в случае удачи, кое-что вылезет.

Генерал был высокий и исхудавший. Он перестал смотреть на себя в зеркало, потому что собственное лицо стало пугать его своей худобой и ему очень не хотелось видеть собственные запавшие глаза. Он стоял, чувствуя пульсацию невидимой машинерии за толстым слоем скалы вокруг. Его нервы тайком превращали каждый ритмичный импульс в подобие взрыва, взрыва какой-то новой ракеты, против которой будет бесполезна вся оборонная техника.

— Брум! — резко позвал он в пустой лаборатории.

Никакого ответа. Генерал шагнул вперед и

остановился над ящиком. Над ним на панели управления подмигивали индикаторы и дрожали стрелки приборов. Внезапно генерал сжал кулак и ударил им по гулкому металлическому ящику. Из него раздались глухие звуки, точно далекие раскаты грома.

— Полегче, полегче, — послышался чей-то голос.

В дверях стоял Абрахам Брум — очень старый человек, маленький и морщинистый, но с яркими, вечно сомневающимися глазами. Он торопливо подошел к ящику и успокаивающе положил на него ладонь, словно ящик был разумным и понимал, что происходит.

— Где вы были, черт побери! — рявкнул генерал.

— Отдыхал, — ответил Брум. — Обдумывал кое-какие идеи. А что?

— Вы *отдыхали?* — переспросил генерал так, словно никогда не слышал этого слова.

Даже сейчас оно показалось ему странным и непривычным. Он прикрыл глаза и нажал на веки большим и указательным пальцами, потому что комната вдруг начала таять и лицо Брума стало отступать в серую дымку. Но даже с закрытыми глазами он все равно видел ящик и

спящего внутри гиганта, терпеливо ожидающего момента, когда он сможет выйти наружу.

— Разбудите его, Брум, — сказал он, не открывая глаз.

— Но я еще не... — голос Брума сорвался.

— Разбудите его.

— Что-то пошло не так как надо, генерал?

Генерал Конвей сильнее нажал на веки, и темнота стала красной, как красным станет все это подземелье, когда грянут последние взрывы. Может, это случится завтра. Но не позднее послезавтра. Генерал был почти уверен в этом. Он быстро открыл глаза. Брум смотрел на него ясными сомневающимися пристальными глазами, в уголках которых копились морщинки незаметно пролетевших лет.

— Я не могу ждать дольше, — веско сказал Конвей. — И никто из нас не может. Эта война требует слишком много людей... — Он замолчал и просто выдохнул воздух, не желая, а может, не смея произнести вслух то, что грохотало у него в голове, как все приближающаяся гроза. Завтра или послезавтра — это реальный срок. Враг собирается предпринять общую атаку на Тихоокеанский Передовой Сектор в течение следующих сорока восьми часов.

Так сказали компьютеры. Компьютеры поглотили все доступные факторы от предсказаний погоды до условий, в которых прошло детство генерала противной стороны, и сделали из всего этого точный вывод. Конечно, они могли ошибаться. Время от времени они ошибались, когда данные, которыми их кормили, оказывались неполными. Но нельзя опираться на предположение, что они ошибутся и на этот раз. Напротив, нужно предполагать, что атака начнется раньше послезавтрашнего дня.

Генерал Конвей не мог уснуть — по крайней мере, ему так казалось, — с тех пор, как неделю назад произошла последняя атака, и она была чепухой по сравнению с тем, что компьютеры предсказали теперь. Генерал вообще поражался тому, что его предшественник продержался так долго. И чувствовал сильную неприязнь к тому, кто придет после него. Но от этой неприязни не было ни малейшего удовлетворения. Следующий в его команде был некомпетентным дураком. Давным-давно Конвей взвалил на себя всю ответственность и теперь не мог избавиться от нее, не мог отвинтить свою наполненную болью голову и поставить ее на полку отдохнуть. Нет, он должен и дальше нести голову на плечах, а

ответственность на своем горбу, пока...

— Или робот сможет приняться за эту работу, или нет, — сказал он. — Но мы не можем ждать больше.

Внезапно он наклонился и одним мощным движением сорвал крышку ящика и отбросил ее назад. Брум подскочил к нему, и они оба уставились сверху на то, что спокойно и бесстрастно лежало внутри лицом вверх, на котором единственный потухший глаз был пустым, как у Адама, до того как тот попробовал яблоко. Передняя панель на груди лежащего была открыта, обнажая целый лабиринт транзисторов, миниатюрных схем, тонких серебряных проводков. К настоящему времени кое-что было отсоединено и находилось рядом, но, в целом, робот был почти готов родиться.

— Чего мы ждем? — резко спросил Конвей. — Я сказал — разбудите его!

— Погодите, генерал. Это небезопасно. Я не могу предсказать, что произойдет...

— Оно что, не будет работать?

Брум глянул вниз на стальную маску, отражающую мигающие огоньки индикаторов на панели. Лицо Брума сморщилось от неуверенности. Он нагнулся и коснулся пальцем провода, ведущего

к большой открытой коробке с маркировкой «Ввод».

— Он еще программируется, — с сомнением в голосе сказал Брум. — Все еще...

— Значит, он готов, — ровным голосом произнес Конвей. — Вы слышите меня, Брум? Я не могу больше ждать. Разбудите его.

— Я боюсь его разбудить, — сказал Брум.

Уши генерала уловили знакомое слово. *Я боюсь... Я боюсь...* — зазвучало эхо внутри головы, и он не мог заставить его замолчать. *Но страх, это всего лишь наследие плоти,* подумал Конвей. *Плоть чувствует свою ограниченность. Настало время вступить в действие стали.*

Первоначально война, ведущаяся при помощи нажатия кнопок, казалась самым простым способом сражаться. Но потом человек узнал, что это не так. Человек узнал, что самое слабое звено — это он сам. Его плоть и кровь. На человека свалилось самое трудное задание — долг принимать решения, основываясь на неполных данных. До сих пор ни одна машина не могла этого сделать. Компьютеры были сердцем и мозгом войны кнопок, но их способности мыслить были ограничены. И они могли скинуть с себя ответственность, высветив простую надпись:

«Для ответа недостаточно данных». А потом наступало время людей предоставить им эти данные. Правильную информацию, правильные вопросы. Правильные команды. Неудивительно, что генералы сменялись так часто.

Из-за всего этого был задуман Электронный Главнокомандующий Оператор. Генерал как раз и глядел на него, лежащего в ожидании рождения. Имя ему дали, разумеется, Эго. И у него должна быть своя воля. Настоящая сложность невероятных компьютеров кроется не в самих машинах, а в их программах. Банки памяти вообще бесполезны без инструкций с тем, как использовать их данные. А эти инструкции слишком уж сложны, чтобы быть удачными.

Теперь все это ложилось на плечи Эго. Эго был создан для того, чтобы действовать, как человеческий мозг, на основе неполных данных, как не могла действовать до сих пор ни одна машина. *Плоть и кровь достигла своего предела,* подумал Конвей. *Теперь настало время вступить в действие стали.* Вот Эго и лежал, готовый откусить первый кусочек яблока. Как откусил когда-то Адам. Укусил и, пережевывая с тех пор яблоко Человечества, так устал жевать...

— Что значит — вы боитесь? — спросил Кон-

вей.

— У него есть своя воля, — сказал Брум. — Вы что, не понимаете? Я не могу навязать ему свою волю и управлять им. Я могу отдать ему лишь основной приказ — *победить в войне.* Но не могу сказать как. Да я и не знаю как. Я не могу даже сказать ему, чего не следует делать. Эго просто проснется, как впервые проснулся бы человек, выросший во сне и во сне же получивший образование. У него будут потребности, и он станет действовать, как захочет он сам. Я не смогу управлять им. Вот это и пугает меня, генерал.

Конвей помолчал и тяжело вздохнул, чувствуя, как усталость вибрирует во всех его нервных окончаниях. Потом он вздохнул еще раз и коснулся переключателя микрофона на отвороте воротника.

— Говорит Конвей. Пришлите полковника Гардена в операторскую Рождества. И пару спецназовцев с ним.

— Нет, генерал! — воскликнул Брум. — Дайте мне еще неделю. Дайте мне всего несколько дней...

— У вас есть примерно две минуты, — ответил Конвей.

Поглядим, как тебе понравятся быстрые ре-

шения, подумал он. *И это лишь одно. А у меня за плечами пять лет таких решений. Когда же я спал в последний раз?.. Ну, неважно, неважно. Заставь Брума решиться. Подтолкни его. А потом отдыхай!*

— Я не стану этого делать, — заявил Брум. — Нет! Я не могу взять на себя такую ответственность. Мне требуется еще время, чтобы протестировать...

— Вы будете продолжать свое тестирование вплоть до Судного Дня и никогда не активируете его, — сказал Конвей.

Открылась дверь. В комнату следом за полковником Гарденом вошли два сержанта военной полиции. Форма Гардена имела, как всегда, неопрятный вид. Но темные мешки под глазами уменьшили презрение Конвея. Гарден тоже почти не спал в последнее время. Теперь их всех ждет отдых... А Эго примет у них тяжкую ношу и оправдает свое имя.

— Арестуйте Брума, — сказал Конвей, не обращая внимания на их пораженные лица. — Полковник, вы можете разбудить этого робота?

— Разбудить его, сэр?

Конвей нетерпеливо махнул рукой.

— Ну да — активировать, включить...

— Ну да, сэр, я действительно знаю, как это сделать, но...

Конвей не взял труда дослушать. Он указал на робота, а голос Гардена все зудел у него в ушах. *Сорок восемь часов,* подумал Конвей, *времени достаточно, чтобы проверить его, прежде чем начнется атака, если нам, разумеется, повезет. Но нам должно повезти!*

Он снова приложил пальцы к глазам, потому что комната закружилась в ритме вальса вокруг него.

— Погодите, генерал! — закричал откуда-то с другого конца Вселенной Брум. — Дайте мне только день! Но не надо...

Не открывая глаз, Конвей махнул рукой. Он слышал, как один из полицейских что-то сказал, затем возникла короткая возня. Затем дверь захлопнулась. Генерал вздохнул и открыл глаза.

Гарден глядел на него с тем же сомнением, что прежде было в глазах Брума. Конвей нахмурился, и полковник быстро повернулся к ящику, в котором лежал робот. Наклонился, как и Брум до него, и тронул указательным пальцем провод, ведущий к коробке с надписью «Ввод».

— Как только его отсоединят, сэр, он проснется и будет совершенно самостоятельным, — сказал

Гарден.

— У него есть приказ, — коротко ответил генерал. — Пойти туда-то и сделать то-то.

Раздалось тихое жужжание тестового опроса, когда Гарден аккуратно отсоединил провод. Потом полковник закрыл панель из листовой стали на груди Эго. Пошарил вдоль металлического тела, чтобы убедиться, что все помещено внутрь и ничего не забыто. Затем встал и подошел к приборной панели.

— Сэр? — сказал он.

Мгновение Конвей молчал, покачиваясь с пятки на носок, словно начинающая шататься башня. Затем все же произнес:

— Только не говори ничего, что я не захочу услышать.

— Я не знаю, чего ждать, сэр, — сдержанно сказал Гарден. — Вы мне скажете, когда робот начнет откликаться? Хотя бы малейшее...

— Скажу.

Конвей взглянул вниз на спокойное слепое лицо. *Проснись,* подумал он. *Или не просыпайся. Но это уже не будет иметь значения. Потому что мы все равно не сможем продолжать жить так, как прежде. Проснись. Тогда я смогу уснуть. Уснуть и видеть сны... Или не просыпайся. Тогда*

я умру.

Круглая плоская линза единственного глаза робота мягко засветилась. В тот же момент возрос гул, и индикаторы на панели потускнели, как и их отражения от стального тела Эго, почти погасли совсем, но тут же вспыхнули снова, когда щелкнули дополнительные реле. Потом индикаторы на панели погасли один за другим. Дрожащие стрелки приборов заметались от нуля до максимума. Затем гул смолк.

Робот тупо глядел в потолок и не шевелился.

Теперь твоя очередь, глядя на него, думал Конвей. *Я прошел столько, сколько вообще способен пройти человек. Теперь твоя очередь, робот. А я ухожу.*

Корпус робота внезапно слегка дрогнул. Глаз светился все ярче, пока на потолке не возник кружок света. Без малейшего предупреждения робот поднял из ящика сразу обе руки и с лязгом ударил ими друг о друга, что заставило обоих мужчин отступить. Конвей задохнулся от удивления, чувствуя, как слабеет в нем накопившееся напряжение.

— Гарден! — зачем-то позвал он.

Гарден щелкнул переключателем, и плавный гул силовой установки смолк. Робот снова застыл

неподвижно, сложив на сей раз руки на груди, как и положено покойнику. Снова возникла пульсация скрытых в скале механизмов, а из глубины металлического тела послышались не совпадающие по фазе с пульсацией щелчки.

— Что происходит? — почему-то шепотом спросил Конвей. — Зачем он сделал это?

— Активация, — тоже шепотом ответил Гарден. — Это... — Он замолчал, смущенно откашлялся и продолжал: — Я не очень знаком с этим, сэр. Я предполагаю, что сейчас идет настройка основных сил. Они будут уменьшаться посредством энергетических преобразований в зависимости от гомеостатического принципа, который Брум заложил...

Из ящика раздалось завывание лежащего на спине робота, тут же превратившееся в странный гулкий голос.

— *Хочу...* — с трудом сказал он и тут же остановился. — *Хочу...* — повторил он через некоторое время и снова замолчал.

— Что это? — Конвей не был уверен, адресовал ли он свой вопрос Гардену или самому Эго.

Голос Эго напугал его. Он походил на голос призрака — такой же бесстрастный и бестелесный.

— В груди у него динамик, — сказал Гарден

слегка дрожащим голосом. — Я и забыл. Но оно должно общаться получше... Оно... Он... Эго... — Он беспомощно махнул рукой. — Наверное, какая-то блокировка. — Он подошел и склонился над ящиком. — Вы... что-то хотите? — неуклюже спросил он, чувствуя, как глупо это прозвучало.

Какой бесполезный человек, подумал Конвей о полковнике. *Ну ничего, теперь робот проснулся. Конечно, скоро он настроится и будет готов вступить во владение...*

Вероятно, после этого все смогут расслабиться. Может, Конвею даже удастся поспать. Паническая дрожь внезапно сотрясла все тело, когда он подумал: *а что, если я разучился спать?* Усталость вернулась к нему с утроенной силой, от чего опустились руки и подкосились ноги. *Еще чуть-чуть, и я буду свободен,* подумал Конвей. *Теперь решения будет принимать Эго. Я создал его. Я не сошел с ума и не покончил с собой. И вскоре мне больше не нужно будет думать. Я просто останусь здесь стоять и с места не сдвинусь. Я даже не лягу. Если сила тяжести захочет положить меня на пол, то это ее дело...*

— Так чего вы хотите? — повторил вопрос Гарден, склонившись над ящиком.

— *Хочу,* — сказал Эго.

Внезапно набожно сложенные руки взметнулись вверх, рванулись, как поршни, как цепы, эти полутораметровые стальные ручищи. Тут же они снова легли неподвижно, но полковник Гарден уже не стоял, склонившись над ящиком. Затуманенными глазами Конвей увидел, как Гарден оседает у противоположной стены. Рука-цеп ударила его сбоку по шее, и голова повернулась под углом, как у куклы, став неподвижнее теперь, чем у робота.

Медленным плавным движением Конвей прикоснулся к переключателю микрофона в отвороте. Вокруг гудела пульсирующая тишина. Довольно долго он не мог вспомнить свое имя. Потом заговорил:

— Говорит генерал Конвей. Верните Брума в операторскую Рождества.

Потом Конвей взглянул на робота.

— Полежи немного, — сказал он. — Сейчас придет Брум.

Руки робота согнулись. Стальные ладони сомкнулись на стенках ящика, завопил рвущийся, как бумага, металл, когда робот оторвал стенки.

Вот теперь он родился? Но кто же он? — подумал Конвей. *С какой легкостью он разломал свой ящик. Буквально разорвал его на куски. Наверное,*

я был неправ. И что же дальше?

Эго поднялся в вертикальное положение — двухметрового роста, высокий и крепкий, как башня, и как башня, двинулся вперед. Он шел по прямой, пока не уткнулся в стену. Медленно повернулся, охватывая в поле зрения все помещение, двигаясь сначала неровно, рывками, но с каждой секундой все более плавно и уверенно, по мере того как нагревались контуры недавно активированной машины. Он все еще ощутимо дрожал, тиканье внутри него то становилось громче, то почти затухало, пульсируя сначала медленными сериями, но потом все быстрее и быстрее. Он сортировал данные, принимая, отклоняя, оценивая новооткрытый мир, который теперь стал бременем робота...

Затем он увидел стену с приборной панелью, с помощью которой активировали его. Свет из его глаза метнулся по ней, а затем с удивительной быстротой он промчался по комнате к панели. Его руки заплясали по ней — по кнопкам и переключателям.

Но ничего не изменилось. Панель была мертва.

— *Хочу...* — пророкотало из груди Эго, точно из бочки.

Потом стальные руки взметнулись и сорвали панель со стены. Швырнув ее на пол, робот погрузил обе руки глубоко в скопище разноцветных проводов и в каком-то безумстве вырвал целую охапку.

— Эго, — тихонько сказал Конвей.

Робот услышал его. Он повернулся. Повернулся нечеловечески быстро. Яркий пристальный взгляд на мгновение пробежал по человеку. Конвей почувствовал холод, словно этот взгляд, сфокусировавшись на нем, высасывал из него остатки энергии. Он почти ощутил прикосновение только что пробудившегося, но бесконечно изобретательного сознания.

Затем свет пристального взгляда робота отпустил человека и метнулся к двери. Робот тут же забыл о нем. Словно танк, он ринулся вперед и ударил в дверь всей своей массой, расколов ее пополам. Легким движением руки он отбросил обломки и выскочил через открывшийся проем.

К тому времени, как Конвей достиг двери, робот был уже далеко в подземном коридоре, передвигаясь все быстрее и быстрее, текучий и неудержимый, словно ртуть. Куда же он бежал?

— Генерал Конвей, сэр, — раздался чей-то голос.

Конвей обернулся. Позади стояли двое военных полицейских, между которыми едва виднелся тщедушный Абрахам Брум, вытягивающий шею, чтобы получше рассмотреть валявшиеся на полу обломки приборной панели.

— Отпустите его, — сказал Конвей полицейским. — Входите, Брум.

Старик рассеянно прошел мимо него, наклонился над телом Гардена и покачал головой.

— Я опасался чего-то в этом роде, — сказал он.

Конвей, на миг испытавший жгучую зависть к неподвижно лежавшему Гардену, прокашлялся и сказал:

— Да. Простите. Несчастный случай. Но мы все станем жертвами, если Эго не заработает, как надо. Откуда нам знать, чем занят сейчас противник. Может, у них тоже есть Эго. Я совершил ошибку, Брум. Мне следовало быть более дальновидным. Что нам делать теперь?

— Что произошло? — Брум недоверчиво смотрел на разбитую стену, на которой прежде была приборная панель. — Где сейчас робот? Мне нужны все подробности.

Тут прокашлялся висящий высоко на стене коммуникатор и назвал имя Конвея. Медленно, с трудом заторможенный ум Конвея пытался

понять, что тот говорит, но слышал лишь набор бессмысленных звуков, пока внезапно среди них не прорезались слова: *чрезвычайное положение.*

Это что? Началась атака? Тревожный звонок пронзительно зазвенел в глубине его головы.

— Повторите, — устало сказал Конвей.

— Генерал Конвей? — послышалось из коммуникатора. — Робот уничтожает оборудование в Секторе Суб-пять. Попытки остановить его не увенчались успехом. Алло! Генерал Конвей! Робот уничтожает...

— Хорошо, — сказал Конвей.

По крайней мере, это была не атака. Или, по крайней мере, не вражеская атака.

— Говорит Конвей. Приказываю: не повредите робота. Инструкции получите позже. Работайте в резервном режиме.

Он вопросительно посмотрел на Брума, только сейчас осознав, что старик все это время с тревогой выкрикивает бессмысленные слова:

— Генерал, генерал, я узнал точно, что произошло...

— Заткнитесь, пока я не разрешу вам говорить, устало сказал Конвей. — Ждите.

Он подошел к раковине в стене, открыл кран, наполнил водой какую-то колбу и нашарил в

кармане тюбик таблеток бензедрина. Не очень-то они помогли бы. Он уже долго жил на этих таблетках. Но предстоял последний рывок, — по крайней мере, он должен быть последним, — и сейчас была бы не лишней каждая дополнительная капля стимулятора. Скоро он сможет бросить все это.

Притворно оживленным голосом он дал Бруму краткое, в тридцать секунд, резюме. Старик стоял молча, сжав губы и уставившись на Конвея пустыми глазами, пока его разум, очевидно, парил в каких-то абстрактных высотах.

— Ну? — спросил под конец Конвей. — И что вы думаете? Он просто растет без надзора или что? — Ему захотелось схватить и трясти Брума до тех пор, пока тот не очнется, но Конвей подавил этот позыв.

Он уже получил проблему, не прислушавшись к возражениям Брума, и оказался неправ. Возможно, фатально неправ. Теперь нужно дать старику время подумать.

— Я уверен, что это входит в его задачу, — сказал Брум после невыносимо долгого молчания. — Я боялся чего-то подобного — неконтролируемой реакции. Но программа встроена в него, и я считаю, что он действует для достижения

установленной нами цели. Конечно, кое-что получилось неправильно. Нам следовало лучше отладить связь с ним. Не должно быть никакой блокировки речи. Нам предстоит узнать, что он хочет и почему не может сказать нам об этом прямо и понятно. — Он помолчал и несколько раз мигнул, рассматривая разрушенную приборную панель. — Я слышал, Сектор Суб-пять. А что находится в этом Секторе?

— Библиотека, — сказал Конвей, и несколько секунд они глядели друг на друга в тишине, затем Конвей снова вздохнул глубоким, обреченным вздохом и продолжал: — Ну, так или иначе, мы должны остановить его, причем как можно быстрее. Эго — самое важное, что у нас есть, но если он разрушит всю базу...

— Не совсем самое важное, — перебил его Брум. — А вы думали, что он может сделать потом? Ведь библиотека лишь первая его цель?

— Что? Не заставляйте меня строить предположения.

— Кажется, он ищет информацию. И следующими после библиотеки могут оказаться компьютеры, вы так не думаете?

— Боже милостивый, — безжизненным, бесконечно усталым голосом сказал Конвей.

Затем он беззвучно рассмеялся. Уже через несколько секунд он должен начать действовать, но он не уверен, что способен на это. Разумеется, он идиот, поторопившись с этим роботом. Не приняв мер предосторожности. Он сделал ставку и, возможно, проиграл. Но он знал, что сделал бы то же самое, если бы у него появилась возможность все переиграть. Игра еще не проиграна. И вообще, какая у него была альтернатива?

— Да, — сказал он. — Компьютеры. Вы правы. Если робот пойдет к ним, нам придется уничтожить его.

— Если сумеем, — трезво заметил Брум. — Он мыслит слишком быстро.

Конвей устало распрямил плечи, размышляя о том, не принять ли еще таблетку бензедрина. Он еще не ощутил его действия, а ждать не мог.

— Ладно, — сказал он. — Давайте начнем. Наша задача — заложить мину, чтобы обездвижить Эго, если он направится к компьютерам. Ваша — понять, чего он хочет. Добейтесь это от него, прежде чем он разнесет в клочья и нас, и себя. Вперед. Мы и так потратили впустую слишком много времени.

Он схватил тонкую руку Брума и потащил его к двери. По пути коснулся выключателя микрофо-

на в отвороте и сказал, услышав легкое гудение фона:

— Говорит Конвей. Иду к вам. Где робот?

— Он покинул Сектор Суб-пять, сэр, — проговорил тихий голос в динамике. — Через стену. Мы... — Но тут его оборвал чей-то истошный крик, полузаглушенный металлическим ревом: — Робот прорвался через стену в Суб-семнадцать! — В крике звучало неприкрытое удивление. — он уничтожает оборудование в хранилище файлов...

Конвей несколько раз включил и выключил микрофон.

— Центр связи, — сказал он сквозь шум и суматоху в эфире, — узнайте, куда направляется робот.

Короткая пауза, во время которой чей-то истошный голос продолжал перечислять причиненные повреждения. Затем динамик тихонько пискнул:

— Он направляется вглубь, сэр. В Суб-тридцать...

Конвей мельком взглянул на Брума. Тот кивнул, и с губ его сорвалось единственное слово:

— Компьютеры.

Конвей стиснул зубы.

— Направьте мощных роботов, чтобы отвлечь его, — решительно сказал он в микрофон. — Остановите робота, если сумеете, но не повредите его без моих приказов. — Он положил руку на микрофон, выключая его, и поволок Брума бегом по длинному коридору — туда, куда, по последним данным, направлялся робот.

— Моих приказов... Моих приказов... Моих приказов... — металось в голове не утихающее эхо его последних слов.

Конвей подумал, что сможет еще какое-то время продолжать руководить. Достаточно долго, чтобы обуздать Эго. Или еще дольше.

— Брум, — резко сказал он, — а робот вообще *может* начать командовать?

И он затаил дыхание в ожидании ответа, думая о том, что станет делать, если услышит короткое слово «нет».

— Я никогда в нем не сомневался, — ответил Брум.

Конвей с облегчением выдохнул, но Брум продолжал:

— Если, конечно, мы сумеем узнать, что с ним не так. У меня есть идея, но пока что не вижу, как могу проверить ее...

— Какая идея?

— Возможно, это итеративный цикл. Замкнутая на себя серия этапов, повторяющаяся снова и снова. Но я не знаю, что это за серия. Он говорит «хочу», затем полностью блокируется. Понятия не имею почему. Его подгоняет какой-то импульс, настолько мощный, что он даже не потрудился открыть дверь, стремясь к тому, чего хочет. Я не знаю, что это за импульс. И моя задача — узнать это.

Кажется, зато я знаю, подумал Конвей. Но он не стал обдумывать эту мысль. Она была столь холодна в голове и столь проста, что Конвей не мог понять, почему Брум не додумался до нее. А может, додумался...

Цель Эго — выиграть войну. Но, предположим, нет никакой возможности выиграть войну...

Конвей резко мотнул головой, отбрасывая эту мысль на задворки сознания.

— Ну, мы определили вашу задачу, — сказал он вслух. — Теперь о моей. Как можно остановить его, не причинив ему вред?

Каким-то кусочком сознания он заметил, что впервые персонифицировал робота. Тот начал в его представлении становиться личностью.

Несясь трусцой рядом с Конвеем, Брум сокрушенно покачал головой.

— Это одна из причин, по которой я боялся активировать его. — Брум снова покачал головой. — Он очень сложный, генерал. Мы неплохо защитили его от всяких ударов, но искусственный мозг не походит на человеческий. Одна маленькая ранка означает неправильное функционирование. А кроме того, он так быстр, и я не уверен, что мы способны остановить его, даже если не станем пытаться его не повредить.

— Есть предел тому, чем я могу воспользоваться, по крайней мере, вовремя, — заметил Конвей. — Как насчет ультразвука? Возможно, мы могла бы причинить ему вред, но...

— Дайте мне подумать. Ультразвук мог бы перемешать команды в его мозгу... — пробормотал Брум, задыхаясь от бега.

Конвей включил микрофон.

— Центр связи? Быстро пошлите команду с ультразвуковым устройством в коридоры компьютерного Сектора. Но ждите приказа. До тех пор, пока робот не вздумает открыть огонь...

Он резко замолчал, поскольку вдруг понял, что стоит в дверях Центра связи и слышит собственный голос из зеленоватого мрака в том конце помещения, где находится кресло связиста.

Конвей позволил двери захлопнуться за спи-

ной, и его окутала темнота и гул. Большие информационные панели и цветные овалы экранов связи были ярко освещены, а лица людей смутно мельтешили во мраке, заметные лишь по золотистым, красным, зеленым и голубоватым отблескам от индикаторов на пультах. Генерал Конвей машинально провел усталым взглядом по платам и экранам, сказавшим ему, что происходит на всем Тихоокеанском Рубеже. Он увидел радарные тени флотилий, засек показания о ветре и погодных условиях, но эта информация ничего не значила. Его разум отказывался принимать дополнительную нагрузку. Сейчас у него была лишь одна задача.

— Где робот? — спросил он.

Конвей был вынужден кричать, чтобы слышать собственный голос, потому что к обычному гулу, вечно царившему в Центре связи, примешивались какие-то треск и грохот, которые Конвей в первые секунды не смог опознать.

Связист кивнул на голубоватый экран слева от себя. На нем была видна маленькая яркая кукольная фигурка робота, который пер через кукольный склад, все разнося на своем пути. И создаваемый им шум был отнюдь не игрушечным. Казалось, робот что-то искал и был в бешенстве.

Он не открывал секции склада, а буквально срывал их с места и широкими ритмичными движениями раскидывал их содержимое. Время от времени яркий конус света его взгляда отклонялся, чтобы проследить за падением какого-то объекта, и дважды робот приостанавливался, чтобы схватить определенный предмет и повертеть его перед собой. И было ясно, что чего бы он там ни хотел, он не мог этого найти. И так же было ясно, насколько эгоистично он реагировал на это, неистово уничтожая то, что считал бесполезным для себя. Он не руководствовался никакими мотивами, кроме собственной неотложной необходимости.

И, возможно, он прав, подумал Конвей. *Возможно, если мы не сумеем удовлетворить его потребность, то здесь вообще ничего не заслуживает сохранения.*

Он слышал, как за спиной Брум и офицер связи о чем-то переговариваются напряженными голосами.

— Не знаю, — кричал связист. — Он уничтожил библиотеку так быстро, что мы не можем сказать, что он читал и что искал. Видите, как он сейчас действует. Он перемещается настолько стремительно...

Брум перегнулся через плечо связиста и нажал кнопку для внутренней связи с Сектором Суб-семнадцать, где бушевал робот.

— Эго, — сказал он в микрофон. — Ты слышишь меня?

Робот, оторвав дверцы последней секции склада, принялся ритмично раскидывать ее содержимое. С экрана донесся голос Брума, идущий из маленького динамика на стене склада. Робот на секунду замер. Затем выпрямился и быстро развернулся, черкнув светом из глаза по стене склада.

— *Хочу...* — взвыл он гулким голосом и тут же отключил звук.

Затем он свел руки вместе, словно в жесте полного отчаяния, и пошел прямо на стену в углу склада.

Стена изогнулась, не выдержала и раскололась. Робот выскочил в пролом и исчез с экрана.

Конвею показалось, что все лица в Центре связи повернулись к нему, бледные, блестящие от пота лица, на которых играли золотистые и красно-зеленые блики. Это было его дело. Все ждали от него инструкций и приказов.

Конвею вдруг захотелось наброситься на них, как делал робот, сорвать со стен светящиеся

экраны и разбить ими подмигивающие индикаторами панели, чтобы вопли присутствующих эхом отразились от стен. Обязанности, которые он не мог выполнить, гудели в его голове, как рой разъяренных пчел. Их было слишком, слишком много. Неудержимый прилив усталости нахлынул на него, сопровождаемый волнами истеричной взволнованности, такими призрачными, что, казалось, они вообще проходили сквозь Конвея, не задевая его. Ему захотелось оказаться где-то бесконечно далеко отсюда, от этих проблем и тревог...

— Генерал? — дошел до его сознания голос Брума. — Генерал?

Конвей откашлялся.

— Робот, — бодро сказал он. — Мы должны остановить его. Сержант, вы сделали графическое изображение его маршрута?

— Да, сэр. На двенадцатом экране.

Двенадцатый экран висел в темноте, как светящийся призрак, и показывал сеточку ярко-золотистых черточек, отмечающих коридоры, а также темно-синие квадраты Секторов с цифровыми обозначениями.

— Красные точки — это робот, сэр, — подсказал Конвею сержант.

На фоне экрана появилась его рука и добавила флюоресцирующие точки к удлиняющейся красной линии, которая начиналась в лаборатории Брума, пересекала библиотеку, складской Сектор и проходила сквозь стену в дальнем его конце. Далее она проследовала через следующие три Сектора, по-прежнему идя сквозь стены и игнорируя двери.

Теперь цель робота стала очевидна для всех. Примерно в семи дюймах впереди на экране, у самого основания карты, была круглая комната с яркими зелеными квадратами, светящимися у ее стен. Все знали, что это за зеленые квадраты. Все знали, насколько само их выживание зависит от бури электронных сигналов, ведущих невероятно сложные расчеты в этих компьютерах. У всех присутствующих что-то щелкнуло в головах, точно у компьютеров, когда они осознали, что произойдет, если робот доберется до этого помещения.

— Роботы, — решительно сказал Конвей. — Тяжелые роботы. Где они?

— Тяжелые роботы идут из Сектора шесть, сэр. Они где-то в пяти минутах ходьбы. Минуты через три они должны пересечься с роботом. Видите маршрут их движения — фиолетовая линия — на

графическом экране?

Линия, состоящая из фиолетовых точек, медленно перемещалась вниз, к коридору с золотистой линией.

— Слишком медленно, — сказал Конвей, следя за красными точками, отмечающими шаги мыслящего (или думающего — как будет правильно?) робота. — Кто-нибудь знает, стены между ними из гипса или сплошная скала?

Молчание. Тишина. Никто не знал. Но пока они смотрели, красные точки приостановились на золотистой линии, дважды ударились в стену и отскочили, затем развернулись и направились к пробелу в линии, означающему дверь.

— Стены каменные, — сказал Конвей. — Во всяком случае, эта стена. Надеюсь, он не получил себе сотрясения мозгов?

— Возможно, нам стоит надеяться, что получил, — заметил Брум.

Конвей глянул на старика.

— Я собираюсь остановить его, — сказал он. — Понимаете? Мы не собираемся уничтожать Эго. Он нам слишком нужен. Мне жаль, что мы не могли лучше подготовить его, но я сделал бы снова то же самое, если бы мог. У нас нет времени на ожидание.

— Он перемещается слишком быстро, сэр, — сказал связист.

Конвей взглянул на экран. Затем больно прикусил губу.

— Нужны добровольцы, — сказал он. — Я хочу, чтобы кто-то выскочил перед ним и задержал его. Меня не волнует, как именно. Сбейте его с ног. Помашите красной тряпкой у него перед глазом. Как угодно, лишь бы выиграть время. Обещаю добровольцу повышение на два ранга сразу. Ну же, сержант, вы же можете сразу стать лейтенантом.

— Мы не можем ничего сделать отсюда, — сказал связист.

— Ладно, будь по-вашему, — рявкнул Конвей. — Сержант, выведите робота на экран.

Три круглых экрана одновременно вспыхнули голубоватым светом, показывая обломки столов и разбитого оборудования. На третьем экране появился Эго, такой маленький, далекий и невинный. Он бился грудью в узкую дверь. На последнем ударе дверь уступила, Эго перешагнул через обломки и понесся по крошечному, все уменьшающемуся вдали коридору. На графическом экране красные точки показали, что ему осталось лишь пять дюймов до помещения с

компьютерами.

— Но чего ты *хочешь* от компьютеров? — пробормотал Брум, глядя на экран, потом раздраженно постучал пальцами по металлическому столу. — А может быть... — громко сказал он и замолчал, потом взглянул на Конвея. — Генерал, я здесь бесполезен. Я иду в помещение компьютеров. У меня есть кое-какие идеи, но аналоговый компьютер делает расчеты гораздо быстрее, чем я. Эго двигается слишком быстро. Нам нужны машины, чтобы понять машину. Во всяком случае, я попробую.

— Ладно, идите, — кивнул Конвей. — У вас где-то от пяти до десяти минут. После этого... — Он замолчал, но мысленно продолжил: *...я могу покоиться с миром. По крайней мере, отдохну.*

Связист защелкал переключателями, ища на экранах робота. Наконец он воскликнул:

— Смотрите, сэр! Команда добровольцев... Боже, какой он огромный!

На экранах все виделось относительно, и до сих пор в Центре связи не видели Эго рядом с людьми.

И вот теперь он возник на экране, а добровольцы как раз вышли ему наперерез из очередной двери в десяти шагах от робота. И было видно,

насколько он возвышается над ними. Были также видны крошечные испуганные лица людей, размером не больше горошин, поднятые к шагающему на них гиганту, следующему по коридору за кругом света из единственного глаза-прожектора.

Добровольцы, должно быть, неслись туда опрометью. У них не было времени подбирать оружие, но где-то по пути они подхватили крепкий стальной брус, блестевший теперь в ярком свете. Один бросился перед роботом, а двое других подняли брус на плечи, перегородив им коридор и затолкав концы в открытые двери по обеим сторонам коридора, создавая таким образом барьер на пути робота.

Но робот даже не глянул на препятствие. Он ударился прямо в брус с лязгом, эхом прокатившимся по коридору и хлынувшим с экрана в Центр связи. Эго чуть отступил, восстановил равновесие, окинул взглядом обстановку и наклонился, чтобы пройти под брусом. Добровольцы поспешно опустили брус ниже. Снова лязг и отступление. На этот раз брус согнулся буквой V с углом в точке удара. С экрана донесся вопль одного из добровольцев, которого ударил конец бруса. Взметнув руки, Эго поднял брус, прошел

под ним и бросился дальше по коридору.

— Задержали на тридцать секунд, — с горечью сказал Конвей. — И пострадал человек. Где сейчас тяжелые роботы?

— В полуторах минут ходьбы, сэр. Идут по коридору восемь. Точка пересечения должна находиться неподалеку от двери в компьютерный зал. Видите на экране?

Медленно, очень медленно, как показалось Конвею, фиолетовые точки едва тащились в темноте. Материализовалась рука и добавила еще две красные точки к цепочке следов Эго. Они стремились вперед и собирались опередить фиолетовые.

Я на грани провала, мысленно сказал себе Конвей. Он подумал обо всех человеческих жизнях здесь, в подземном бункере, и всех тех, кто живет снаружи в уверенности, что Тихоокеанский Рубеж в надежных руках. И еще он подумал о том, что делает сейчас командующий противной стороны и что сделал бы, если бы знал...

— Смотрите, сэр, — сказал связист.

На ногах оставался всего один человек из команды добровольцев, и он не собирался сдаваться. Последние удары Эго окончательно согнули брус, сделав один конец похожим на согнутую дуби-

ну. Должно быть, брус был очень тяжелый, но доброволец был накачен адреналином, пришел в неистовство и даже не обратил внимания на вес. Вскинув эту импровизированную дубину на плечо, он бросился по коридору за Эго.

В Центре связи все видели, что расстояние между ними уменьшается. Человек явно догонял робота. И все слышали его далекий крик.

— Эго! — кричал он, поскольку слышал, как Брум назвал это имя.

И робот ответил, как и прежде. Остановившись, Эго развернулся, окатив человека холодным светом из его единственного глаза-прожектора.

— *Хочу...* — глухо произнес металлический голос и замер.

Доброволец взметнул дубину и ударил ею прямо по единственному светящемуся во лбу глазу робота.

— Безопасно ли это? — спросил Конвей. — Он причинил ему боль, Брум?

Ответа не было. Брума тоже.

Робот на экране неистово понял обе руки и вовремя парировал удар дубины. От лязга аж содрогнулся экран. Человеку хватило времени и сил еще для одной попытки, но когда дубина была уже поднята, Эго схватил и почти небрежно

вырвал ее из рук человека. Затем швырнул ее через свое огромное стальное плечо, и та с грохотом полетела по коридору за его спиной.

Конвей быстро взглянул на диаграмму. Фиолетовые точки были на подходе. Красная точка дрогнула вправо, потом влево, когда Эго увертывался от дубины. Конвей обернулся назад к видеоэкрану.

Разоруженный человек мгновение колебался, затем собрался и прыгнул прямо к пустому стальному лицу с единственным глазом. Каким-то чудом ему удалось обхватить руками стальную шею. Закрыв телом глаз робота, он отчаянно руками и ногами вцепился в пошатнувшуюся башню Эго.

Из темноты за их схватившимися телами послышались тяжелые ритмичные звуки.

Идут тяжелые роботы, подумал Конвей и снова взглянул на графический экран. Линия фиолетовых точек уже почти достигла перекрестка коридора и красной точки Эго, беспорядочно дрожавшей.

Робот не полагался на одно только зрение. Это было понятно по его движениям. Но висевший на нем человек, очевидно, мешал. Его вес нарушал равновесие. Эго сначала попытался аккуратно

снять с себя человека, но это не получилось. Тогда стальные руки стиснули добровольца, оторвали его с такой же легкостью, с какой человек разрывает рубашку на груди, и с силой швырнули его в стену.

За Эго в дальнем конце коридора виднелись высокие двойные двери компьютерного зала. Эго мгновение постоял, словно пытался взять себя в руки. Затем экран, казалось, содрогнулся, и Конвей невольно вытянул руки, словно пытался подхватить его и не дать упасть, что, в общем-то, было невозможно. Вибрация стала такой сильной, что изображение на экране размылось.

— В чем дело? — раздраженно спросил Конвей. — Настройте же кто-нибудь экран...

— Смотрите, сэр, — сказал связист. — Вон они подходят.

Из темноты на краю экрана выступили тяжелые роботы, их поступь заставляла все вокруг трястись и вибрировать. Выйдя из-за угла, они остановились, повернувшись к Эго, и встали плечом к плечу, перегораживая коридор, спинами к дверям компьютерного зала.

Эго мгновение стоял неподвижно, только подрагивал всем телом, его единственный глаз светом скользил слева направо и обратно все

быстрее и быстрее. Что-то в этих созданиях его собственного вида разожгло в Эго новый интерес. Он собрался, опустил плечи, чуть набычил голову и двинулся вперед, словно собирался идти на таран. Тяжелые роботы стояли плечом к плечу неколебимым строем.

От страшного грохота все экраны в Центре связи замигали. Взлетели снопы искр, застонали стальные пластины. Эго на миг прилип к стальной стене, выступившей против него, затем отступил, шатаясь, и замер, готовый броситься снова.

Но не бросился. Взгляд его пробежал по шеренге, щелчки в груди стали такими громкими, что прекрасно слышались с экранов. Казалось, в его электронных мозгах бушевала настоящая буря поиска альтернативных решений.

И пока Эго колебался, стальная шеренга начала перемещаться, загибаясь с обеих концов в направлении одинокой фигуры. Стало ясно намерение операторов, управлявших этими роботами. Если бы эти тяжелые фигуры сумели окружить Эго, то смогли бы задавить его только лишь массой, словно прирученные слоны, останавливающие дикого.

Но Эго сообразил все это на мгновение раньше,

чем шеренга начала перемещаться. Он шагнул назад и быстро повернулся. Конвею показалось, что глаз его вспыхнул ярче, а поворот был совершен с легкой грацией танцора. В отличие от тяжелых роботов, он походил на стального солиста балета, легко поддерживая равновесие в любом положении. Потом он сделал рывок к одному концу шеренги, и роботы медленно сомкнулись, чтобы принять удар. При этом в их шеренге образовался разрыв, и Эго тут же метнулся в него. Но вместо того чтобы проскочить, развел руки в стороны и ударил по двум боковым роботам в точно надлежащих местах. Эти роботы как раз пытались сомкнуться и едва удерживали равновесие. От ударов Эго они стали крениться, пока не упали. Причем каждый из них потянул за собой соседнего. Коридор наполнился металлическим грохотом. Топча упавших собратьев, шеренга все же сомкнулась и тяжело двинулась вперед. И тут Эго с явной радостью чуть наклонился и ударил еще двух роботов с той же точностью в заранее рассчитанные места, зная расположение их центра тяжести. Коридор снова наполнился грохотом падения. Шеренга попыталась сомкнуться еще раз, чему Эго помешал, сбив неожиданными ударами еще двух

роботов, причем на этот раз удары были нанесены в полную силу.

Меньше чем через две минуты казавшаяся неколебимой стена роботов превратилась в массу шатающихся гигантов, половина из которых уже валялась на полу, а остальные спотыкались об упавших товарищей, пытаясь сомкнуть шеренгу, уже слишком короткую, чтобы быть эффективной.

И эта попытка провалилась, подумал Конвей. Оставалась лишь последняя надежда — на ультразвуковых акустиков. Больше ни на что не было времени. Возможно, времени не хватит даже на них.

— Где команда акустиков? — спросил он и сам поразился бодрости своего голоса.

Связист поглядел на яркую диаграмму.

— Почти на месте, генерал. В тридцати секундах ходу.

Конвей взглянул на видеоэкран, который показывал Эго, стоящего над упавшими металлическими гигантами, странно пошатывающегося и глядящего на них сверху вниз. Подобные колебания выходили за рамки его предыдущего поведения. Казалось, у него было что-то на уме. Но что бы там ни было, это давало отсрочку в

несколько секунд.

— Сержант, я иду туда сам, — сказал Конвей. — Я... Я хочу быть на месте, когда...

Он замолчал, поняв, что говорит вслух то, что собирался сказать лишь самому себе — Конвей Конвею — без посторонних слушателей. Он имел в виду, что должен быть там, когда наступит конец — каким бы ни был этот конец. И еще он завидовал роботу, на которого безгранично надеялся. Конвей сам уже стал идентифицировать себя с неудержимой и не знающей усталости сталью. Победа или проигрыш — он хотел быть там, где все решится.

Он бежал по коридору, как во сне передвигая онемевшие, ничего не чувствующие ноги, и звуки шагов эхом раскатывались во все стороны. Каждый раз, оступаясь, Конвей думал, уж не само ли колено решило подвихнуться, чтобы дать ему возможность упасть и лежать, и отдыхать... Но он не падал. Он хотел стоять рядом с Эго, смотреть на его стальное лицо и слушать его бессмысленную речь, когда акустики уничтожат робота или робот уничтожит их всех. Третий вариант — всеобщая победа — казался слишком невероятным, чтобы принимать его во внимание.

Конвей едва осознал, как добрался туда. Он

смутно понял, что перестал бежать и что этому должна быть причина. Он стоял, положив руку на ручку двери и задыхаясь опирался о нее плечом. Слева тянулся узкий коридор, по которому он прибежал сюда. Перед ним же лежал широкой коридор, в котором боролись с Эго добровольцы и проиграли, затем с Эго боролись тяжелые роботы, которые теперь валяются на полу поврежденные или просто неуправляемые.

Как бы ясно не было видно происходящее на видеоэкранах, этого нельзя было прочувствовать, если не побывать на месте. Конвей совершенно забыл, насколько высок Эго, пока глядел на него на экране. А он был высок, как каланча. В воздухе висел запах машинного масла и горячего металла, пылинки плясали в конусе света из глаза-прожектора Эго. Он наклонился над упавшими роботами. Он собирался что-то сделать, и Конвей понятия не имел, что именно.

Из левого коридора донеслись шаги и лязг оборудования. Конвей чуть повернул голову и увидел бегущую к нему команду акустиков. *Возможно,* подумал он, *есть еще шанс. Если Эго задержится хотя бы на пару минут...*

Валявшиеся на полу роботы все еще подергивались и шевелились в ответ на команды их

удаленных операторов. Но упавшему тяжелому роботу не так-то просто снова подняться в вертикальное положение. Эго наклонился к ближайшему из них с каким-то озадаченным видом.

Затем внезапным движением сорвал нагрудную стальную пластину своей жертвы. Его пристальный взгляд погрузился во внутренности робота, изучая блестящие на свету трубки и проводки — такие крупные по сравнению с его собственными печатными микросхемами. Потом он протянул стальную руку, погрузил пальцы в грудь лежащего робота и принялся вырывать из нее одну за другой различные детали, рассматривать их и отбрасывать в сторону. Было что-то ужасное в этой сцене убийства, когда один робот сознательно потрошит другого с каким-то холодным, чуть ли не научным, интересом.

Но, что бы там ни искал Эго, этого явно не было. Эго выпрямился, перешел к следующему, вскрыл ему грудь, наклонился, изучая его внутренности и громко тикая, словно бормоча что-то себе под нос.

Конвей, жестом подозвавший к себе акустиков, подумал: *в старину прежде гадали подобным образом. Может, он это делает и сейчас...* И еще одна холодная мысль выплыла на поверхность

его сознания, мысль, что, возможно, Конвей знает, что довело робота до такой крайности. Возможно, он знал будущее, и в нем слились две противоположности — это знание и давление приказа. *Победить в войне* — такой был базовый приказ роботу, этим руководствовались электронные мозги Эго, так же как и более сложные нейроны мозга Конвея. Но что, если победа невозможна, и Эго, зная это...

Команда акустиков вырвалась из-за угла и впервые увидела робота во плоти... нет, не во плоти, а в блестящей стали — гигантского, с блистающим единственным, как у Циклопа, глазом. Сержант, задыхаясь, подбежал к Конвею и попытался отдать честь, забыв, что в руках у него оборудование.

Конвей указательным пальцем очертил в воздухе полукруг перед дверью в компьютерный зал.

— Устанавливайте свое оборудование здесь... как можно быстрее. Мы должны остановить его, если он попытается войти.

Эго, распрямившись, перешел от второй жертвы к третьей и заколебался, глядя на нее.

У акустиков оставалось лишь секунд тридцать. Они начали собирать свое оборудование еще на

бегу, и теперь с быстротой и точностью роботов заняли позицию у входа в зал, которую указал им Конвей. Он стоял у самой двери, глядя на их спины, пока они собирали свое оружие — последнюю линию защиты между Эго и компьютерами. *Или нет,* подумал Конвей, *возможно, последняя линия защиты — это я сам.* Какая-то далекая отчаянная мысль появилась у него в голове, пока он смотрел на Эго...

И точно в ту секунду, когда первое ультразвуковое орудие направило свою морду в коридор, Эго выпрямился и повернулся к двойным дверям и ряду людей, стоящих на коленях у своих пушек. Конвею показалось, что целое мгновение он сам и Эго глядели друг на друга над их головами.

— Сержант, — напряженным голосом сказал Конвей, — цельтесь в ноги, ниже колен. И постарайтесь не промазать. Он стоит гораздо больше, чем вы или я.

Эго обдал их холодным светом из глаза. Подумав о том, не поймет ли их робот, Конвей быстро скомандовал:

— Огонь!

Послышалось слабое шипение, только и всего. Но на левой ноге робота, чуть ниже колена, засветилось сначала темно-вишневое, а затем

ослепительно белое пятно.

Безнадежно все это, подумал Конвей. *Если он нападет на нас сейчас, то успеет прорваться, прежде чем мы сумеем...*

Но у Эго была другая защита. Прожектор глаза мигнул, и Конвей вдруг почувствовал сильную тошноту, а раскаленное пятно на ноге робота снова покраснело и исчезло. Сержант ударил кулаком по прикладу своего орудия и с чувством выругался.

— Шестой, стреляйте, — рявкнул он. — Восьмой, действуйте в резервном режиме.

Эго стоял неподвижно, и Конвей почувствовал, как его тошнота начала пульсировать в такт с видимой дрожью, проходившей по стальной башне, высившейся перед ним.

Вторая ультразвуковая пушка слабо зашипела. На ноге робота снова возникло красное пятно. Вибрация усилилась, усилилась и тошнота. Пятно на ноге опять исчезло.

— Интерференция, сэр, — сказал сержант. — Он перекрывает наши ультразвуковые волны своими частотами, чем-то, что генерирует сам. Чувствуете?

Но почему он не нападает? — спросил Конвей не вслух, а мысленно, из опасения, как бы

робот не услышал его. И сам же ответил, что, вероятно, невозможно одновременно нападать и генерировать противоположные по частоте ультразвуковые волны. Или, вероятно, ему еще не пришло в голову наброситься на них, пока ему не причинят еще больший вред. И Конвей попытался представить себе мир, каким должен представлять себе Эго, которому не было еще и часа от роду, и то, какие невозможные конфликты должны бушевать сейчас в электронных дебрях его внутренностей.

— Восьмая пушка на другой частоте? — спросил Конвей. — Тогда продолжайте, сержант. Возможно, он не сумеет перекрыть их все. Сделайте все, что возможно.

Сказав это, он открыл дверь, перед которой стоял, и вошел в компьютерный зал.

Это был совершенно иной мир. На мгновение он забыл все, что осталось за двойными дверями, и замер, прислушиваясь к мирной тишине и вдыхая иные запахи этого помещения. Здесь было хорошо. Конвей всегда любил бывать в этом зале. Здесь он мог забыть о том, что оставалось за высокими укрепленными дверями полутораметровой толщины и что ждало всех их в будущем, которое наступит не позднее чем послезавтра.

Конвей взглянул на высокие гладкие «шкафы» компьютеров, любуясь перемигивающимися индикаторами, прислушиваясь к звукам лент, наматывающихся на барабаны, и треску печатающих механизмов. Да, это было мирное и очень организованное место.

Брум, стоящий среди группы людей, собравшихся возле печатающего устройства аналогового компьютера, повернулся к Конвею. Все в зале оставили свои места и собрались здесь, где из механизма вытекала широкая волна бумаги.

— Что-нибудь есть? — спросил Конвей.

Брум потянулся, устало выпрямляя спину.

— Я не уверен...

— Говорите, — велел Конвей. — Только быстро. Буквально через секунды он будет здесь.

— У него случайно установилась блокировка, — сказал Брум. — Это вполне точно. Только мы все еще не можем понять, какая именно и почему...

— Значит, вы ничего не знаете, — ровным голосом сказал Конвей. — Ну, мне кажется, у меня может быть ответ...

За дверями внезапно раздался шум. Топали стальные ноги, кричали люди, шипели ультразвуковые пушки. Крики поднялись до немыслимой высоты и вдруг смолкли. Двойные двери распах-

нулись, и на пороге показался Эго. Он застыл, глядя на компьютеры. На его туловище тут и там бледнели и исчезали пятна остывающего тепла. Он был покрыт пятнами машинного масла и крови, прожектор его глаза с безумной скоростью пронесся по залу. Он осматривал компьютеры один за другим, спокойно отмечая данные на бумажных лентах, выходивших из челюстей печатающих устройств. Все в зале повернулись к роботу и замерли.

В открытом дверном проеме позади Эго, спотыкаясь, появился сержант с окровавленным лицом, держа в руках ультразвуковую пушку.

— Нет, — рявкнул ему Конвей. — Подождите. Брум, в сторону. Пропустите Эго к компьютерам.

Конвей не уделил внимания потрясенному шуму, пронесшемуся по залу после его слов. Он смотрел с почти гипнотической сосредоточенностью на Эго, пытаясь заставить собственные мысли быстрее шевелиться в голове. Был еще шанс. Слабая тень шанса. Позволит он Эго пройти к компьютерам или нет, Конвей вообще не был уверен, что сумеет хоть что-нибудь сохранить. Но он должен попробовать. Он не помнил, откуда была фраза, пронесшаяся у него в голове. *И все же я воспользуюсь последней возможностью.*

Так сказал какой-то другой отчаявшийся главнокомандующий в своем последнем сражении, не желая признавать, что потерпел поражение. Конвей чуть усмехнулся, зная, что он такой же упрямый. И еще... *я должен воспользоваться последней возможностью.*

Эго все еще неподвижно стоял в дверях. Время всегда идет гораздо медленнее, чем мысль. Робот сканировал компьютеры и громко тикал себе под нос. Конвей шагнул в сторону, освобождая ему дорогу. И сделав это, он увидел собственное изображение, отразившееся на запятнанной поверхности корпуса робота, собственное исхудавшее лицо и ввалившиеся глаза, отразившиеся от этого движущегося зеркала, покрытого маслом и кровью, словно это он сам жил в корпусе робота, активируя его своими стремлениями.

Эго простоял на пороге лишь долю секунды. Взгляд его пронесся по компьютерам и неимоверно быстро отверг их одного за другим. Затем, как и только что Брум, Эго подскочил к аналоговому компьютеру, пройдя через весь зал за три огромных шага. Почти высокомерно, даже не осмотрев его, он вырвал ленту с программой, сунул чистую ленту в перфоратор, и пальцы его замелькали так быстро, что за ними невозможно было уследить,

пока он печатал на ленте собственные вопросы. Буквально через секунду он повернулся к компьютеру.

Никто не шевельнулся. Все завороженно смотрели на него. Только компьютер оказался достаточно быстр, чтобы поспевать за ним. Робот склонился над ним, одна машина общалась с другой, они были родственниками, а потому бесконечно более быстрыми, чем кто-то из плоти и крови, поэтому людям оставалось лишь замереть, наблюдая за ними.

Никто не дышал. Конвей, чьи мысли стремительно проносились в голове, еще успел сказать себе с громадным оптимизмом: *Он узнает ответ. Да, он теперь принял власть. Когда начнется новая атака, он отразит ее и добьется победы, а я могу уйти на отдых...*

Из печатающего устройства потоком полилась лента с ответами. Эго наклонился и стал читать их. Яркий конус света его глаза скользил по бумаге. Затем жестом, который не назовешь иначе чем дикий, он оторвал ленту, словно отрывал язык, который произнес невыносимые слова. И Конвей понял, что компьютер проиграл, Эго проиграл, Конвей сделал ставку и тоже проиграл.

Робот выпрямился и повернулся к компьюте-

рам. Из его нутра раздавались быстрые громкие щелчки. Он готов был разорвать компьютеры, как разорвал уже другие машины, которые предсказали поражение... его поражение.

— Эго, подожди, — сказал Конвей голосом, полным разочарования. — Все в порядке.

Как всегда, когда произносилось его имя, робот остановился и повернулся. И быстрее, чем данные в компьютерах, в голове Конвея понеслись мысли, целый поток мыслей. Он увидел собственное отражение на корпусе робота, погруженное в размышления, он сам был заключен в тюрьму этого отражения, как Эго был заключен в тюрьму задачи, выполнить которую не представлялось возможным.

Конвей понял то, что понял робот, то, что больше никто не мог понять, потому что только Конвей нес на себе это бремя. Это было то, что не могли решить компьютеры. Но одновременно это было то, чем оперировал все время сам Конвей, запрещая себе вникать в подробности, пока последняя альтернатива не перестала работать.

Победить в войне — вот основная задача робота. Но он должен был действовать на основе неполной информации, как и сам Конвей, и это означало, что Эго должен был принимать на себя

ответственность за неправильные решения, которые могли бы привести к проигрышу в войне, чего ему не позволял сделать основной приказ. При этом он не мог избавиться от ответственности, подобно компьютерам, которые всегда могли заявить: «Для ответа недостаточно данных». При этом он не мог найти убежище в неврозе, безумии или сдаться. Все, что ему оставалось, это поиски недостающих данных, поиски наугад, и все, чего он хотел, так это...

— Я знаю, чего ты хочешь, — сказал Конвей. — И ты это получишь. Я принимаю у тебя командование, Эго. Ты можешь прекратить хотеть прямо сейчас.

— *Хочу...* — завыл нечеловеческим голосом робот, тут же оборвал себя, как и прежде, но затем впервые с момента включения продолжил: — *...прекратить хотеть!*

— Да, — вздохнул Конвей. — Я знаю. Так поступаю и я. Теперь ты можешь все прекратить, Эго. Отключись. Ты сделал все что мог.

— Хочу остановиться, — более членораздельно проговорил гулкий голос робота, заколебался и продолжил: — ...остановиться хочу.

И остановился. Перестал дрожать и щелкать. И аура насилия, казалась, тут же развеялась в

воздухе над ним, словно невыносимое напряжение внутри робота наконец-то спало. Потом из его металлической груди раздался ряд громких щелчков, металлических решений, принимаемых раз и навсегда одно за другим. А затем что-то, казалось, изменилось. Что-то стало иным. Робот снова теперь стал машиной. И ничем иным, кроме как машиной.

Конвей еще раз взглянул на отражение собственного лица в корпусе робота. Робот не мог выдержать это, подумал он. И неудивительно. Он даже не мог говорить, не мог попросить облегчения, потому что противоположностью «хочу» является «не хочу», и когда он произносил первое слово, отрицание заставляло его ничего не хотеть, и он замолкал. Нет, мы потребовали от него слишком многого. И он не мог это вынести. Встретившись с собственным взглядом в отражении, Конвей подумал о том, уж не разговаривал ли он минуту назад с Конвеем. Возможно, так оно и было. И тот Конвей, в отражении, тоже не мог ничего сделать. Но он-то, настоящий Конвей, может.

Эго не мог действовать на основе неполных данных. И никакая машина не может. Нельзя ожидать, что машины станут оперировать неиз-

вестным. Только люди способны на такое. Сталь не настолько прочна. Лишь плоть и кровь могут это сделать и продолжать жить дальше.

Ну вот, теперь я все знаю, подумал Конвей. Казалось даже странным, что теперь он не чувствовал такой усталости, как прежде. До сих пор он надеялся, что Эго снимет груз с его плеч и будет нести дальше. Но Эго не сумел выдержать тяжесть этого груза. Выходит, надеяться оставалось лишь на себя.

Конвей тихонько засмеялся себе под нос. Вернулась мысль, которая охладила его, но теперь он мог рассматривать ее спокойно. Вероятно, *победить в войне* было невозможно. Вероятно, именно с этим парадоксом и не справился Эго. Но Конвей-то человек. И это не остановит его. Он мог принять эту мысль и отбросить ее, зная, что порой люди действительно добиваются невозможного. Может, именно это качество и позволило им развиваться так долго.

Конвей медленно повернул голову и посмотрел на Брума.

— Знаете, что я собираюсь делать? — спросил он.

Брум покачал головой, с опаской глядя на него.

— Я иду спать, — сказал Конвей. — Мне нужно

выспаться. Теперь я знаю свои ограничения. Люди с другой стороны тоже из плоти и крови. У них те же проблемы, что и у нас. И они тоже должны иногда спать. Разбудите меня, когда начнется следующая атака. И я справлюсь с ней... или не справлюсь. Но я приложу все усилия, а это все, на что кто-либо способен.

Он пошел мимо Эго, направляясь к двери, на секунду остановился, чтобы потрогать ладонью этот неподвижный стальной шкаф. Ладонь ощутила холод металла.

Что же я имел в виду, говоря «лишь плоть и кровь»? — подумал Конвей.

Home there's no returning, (The Year's Best SF № 01, 1956. Dell (Merril, Judith, ed).

Пер. Андрей Бурцев.